

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(26–27)

МОСКВА
2020

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Ответственный секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)

Члены редколлегии: А.А. Акматалиев (Бишкек), Т.А. Анিকেева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Б.Т. Койчугев (Бишкек), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), В.Г. Родионов (Чебоксары), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), Т.М. Хаджиева (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходившего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2020
© Российский комитет тюркологов, 2020

№ 1–2(26–27)

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadziakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalin (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), K.M. Musayev (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Zh.S. Syzdykova (Moscow), M.Z. Ulakov (Na'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)

Members of the editorial board: A.A. Akmataliyev (Bishkek), T.A. Anikeyeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), T.M. Khadzhiyeva (Moscow), B.T. Koychuyev (Bishkek), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (İstanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), V.G. Rodionov (Cheboksary), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turcology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

© The Committee of Russian Turcologists, 2020

№ 1–2(26–27)

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТОВ «ВЕТЕР» И «ДОЖДЬ»)

М.А. Ахматова

г. Нальчик

Резюме: В данной статье рассматривается специфика концептуализации природных явлений как одного из основных элементов концептосферы карачаево-балкарской языковой картины мира на примере концептов «ветер» и «дождь». Описывается их роль и место в языковой картине мира этноса, также выявляются их релевантные признаки, проводится анализ языковой репрезентации и когнитивных характеристик этих концептов в карачаево-балкарской языковой картине мира.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, концептуализация, концепт, антропоморфизм, картина мира, репрезентация, природные явления.

На современном этапе развития лингвистической науки усиливается тенденция детализированного изучения компонентов языковой системы. Посредством языковых единиц объективируются знания человека о мире. Язык образует «сущностное ядро этнической личности, и любая этнокультура существует и развивается в среде определенного этнического языка» [Воркачев 2003: 268]. Как известно, языковая картина мира есть «результат отражения взаимодействия человека и окружающей среды» [Мельникова 2004: 3]. Важное место в восприятии человеком окружающего мира занимают метеорологические явления, которые, несомненно, влияют на жизнь и поведение человека. Метеорологическая лексика «объективирует обыденные и сакральные представления о мире, репрезентирует хозяйственную деятельность этноса» [Полякова 2016: 94]. Для обозначения метеорологических явлений используются метеонимы, в которых закреплены знания человека о природных явлениях.

В лингвистике изучению метеорологической лексики посвящено немало работ, описывающих атмосферные явления в различных своих проявлениях. В работе А.А. Пыхтевой анализируется и систематизируется лексический состав

Ахматова Мариям Ахматовна – кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, кафедра карачаево-балкарской филологии (Нальчик); e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

тематической группы «атмосферные процессы» [Пыхтеева 1978]. В.В. Васильев описывает лексические единицы (ветер, снег, град, роса) с учетом их семантического своеобразия, особенностей функционирования слова в диалекте [Васильев 1986]. О.А. Макушева анализирует лексические единицы в составе лексико-семантических групп «состояние атмосферы», «движение воздуха в атмосфере», «вода в атмосфере» [Макушева 1994]. Выявлению релевантных признаков концепта «ветер», а также исследованию атмосферных явлений, связанных с ветром, посвящена работа Н.В. Поляковой «Этнокультурная специфика категоризации ветра в языковой картине мира селькупов» [Полякова 2013]. Ю.В. Норманская в статье «Реконструкция прасамодийских метеорологических названий» проводит анализ развития системы метеорологических названий от прауральского языка к прасамодийскому языку [Норманская 2008]. Р.П. Кузьмина в статье «Концепт “зима” в языковой картине мира эвенов» характеризует национально-культурную специфику концепта «Зима», а также способы вербализации данного концепта на материале малых жанров фольклора и стихотворных произведений [Кузьмина 2018]. Е.Г. Мельникова рассматривает специфику парадигматических отношений между наименованиями метеорологических явлений в псковских говорах [Мельникова 2004] и др.

Целью данной статьи является выявление лексических и паремиологических средств объективации концепта «Природные явления» в карачаево-балкарском языке; определение образного потенциала лексических единиц, представляющих концепт «Природные явления», раскрывая его национальную специфику, на примере концептов «ветер» и «дождь».

Культура народа вербализируется в языке, так как именно в ней сосредоточены ее ключевые концепты, которые осмысливаются как базовые единицы культуры, поэтому «природный объект – воздушная стихия – преобразуется культурой в культурный объект и осмысливается в лингвистике как концепт» [Грачева 2012: 268]. Вслед за Ю.С. Степановым, в проведенном исследовании под концептом мы понимаем «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 43].

Ветер относится к этноспецифичным концептам, которые используются для выявления особенностей культуры того или иного этноса. Древними тюрками ветер «представлялся не только как природное явление – движение воздуха, но и как источник многих других явлений, первопричина многих болезней, а также источник человеческого духа» [СИГТЯ 2006: 366]. Отличительное качество ветра – это его сила, способность к разрушению, непредсказуемость и жестокость. Концепт «ветер» представляет собой один из основных фрагментов карачаево-балкарской языковой картины мира, отражающий национальную специфику этноса.

ЖЕЛ. Ключевой лексемой, репрезентирующей концепт «ветер» в карачаево-балкарском языке, выступает слово *жел*. В репрезентации концепта *жел* ‘ветер’ в карачаево-балкарском языке участвуют наименования различных видов ветра (*аяз* ‘ветерок с гор’, *тёбенни* ‘северный ветер’, *огъаргы* ‘южный ветер’, *бурдум*, *гауел* ‘круговерть’, *боран* ‘буря, ураган, буран’, *гылан* ‘вьюга, метель’, *борангылан*

‘сильная вьюга’, *жел-боран* ‘метелица’), которые можно разделить по следующим смысловым характеристикам: 1) по степени своей силы, интенсивности *жел* может быть: *кьаты жел* ‘сильный ветер’, *хыны жел* ‘грубый ветер’, *суху жел* ‘холодный ветер’, *огьурсуз жел* ‘злой ветер’, *кьяыма жел* ‘адский ветер’, *улли жел* ‘большой ветер’, *шайтан жел* ‘сильный ветер (букв. ‘дьявольский ветер’), вихрь, смерч’, *ачы аяз* ‘холодный ветер’, *юркюн аяз, кьябыучу аяз* ‘кусачий ветер (холод)’; 2) по направленности: *огьаргыбы жел / аяз* ‘ветер, дующий с юга’, *тёбеннин ургъан жел / тёбенни* ‘ветер, дующий с севера’, *тау аяз* ‘ветерок с гор’; 3) по ослабленности: *сахиник желчик* ‘слабый ветерочек’, *жумушакъ желчик* ‘легкий ветерок’, *салкъын аяз* ‘легкий ветерок’, *шош желчик* ‘тихий ветерок’; 4) по временным показателям: *кьачхы жел* ‘осенний ветер’, *кюзгю жел* ‘осенний ветер’, *кьяшихы жел* ‘зимний ветер’, *жасзгыбы жел* ‘летний ветер’, *эрттен аяз* ‘утренний ветерок’, *кече аяз* ‘вечерний ветерок’; 5) по температурным данным: *сууукъ жел / аяз* ‘холодный ветер’, *серуюн аяз* ‘прохладный ветерок’, *исси жел* ‘горячий ветер’, *кьязыу жел* ‘горячий ветер’.

В карачаево-балкарском языке лексема *жел* ‘ветер’ характеризуется значительным словообразовательным потенциалом и входит в состав целого ряда сложных слов: *аууз жел* ‘слово, словечко’, *жел чакъыртыучу* ‘веер’, *желбаши* ‘ветренный, легкомысленный, несерьезный’, *жел-боран* ‘метелица’, *жел тирмен* ‘мельница’, *жел мынчакъ* ‘вид ракушки, которую вешают на шею или руку при ревматизме’, *жел тюйюмчек* ‘болезнь в области живота’, *жел ауруу* ‘ревматизм’, *жел тартхыч* ‘поддувало’ и др.

Ветер – независимое от человека атмосферное явление, которое может вызывать некоторые «субъективные ощущения, восприятия и представления, что приводит к появлению новых концептуальных признаков» [Ломоносова 2008: 62].

В процессе концептуализации *ветра* мы можем выделить перцептивный образ, который включает в себя акустические, тактильные, обонятельные ощущения. Человек при контакте с природой «уделяет особое внимание визуально и тактильно фиксируемыми изменениям природы, в том числе атмосферным осадкам, закрепляя свой опыт в языке» [Дудова 2007: 10].

Звук ветра определяется его интенсивностью: *Тар аууздан сызгырып чыгырып(жел), ёзен жерде жайыла, сора жарты оюлган межжитни башындан, сокъур терезелеринден кирип анда бурдум этип, хуна жепиледе сындырылып бууулуп, артха чыгълалмай жарсыды* [Толгуров 1993: 4] ‘Со свистом вырвавшись из узкого ущелья, распространяется по равнинной местности, потом через крышу и старые окна входит в мечеть, кружит, задыхается, не имея возможности выйти обратно наружу’. В данном контексте деепричастие *сызгырып* участвует в описании метафорического образа, в основе которого лежит слуховое восприятие рассматриваемого явления.

При определении температурного признака ветра немалую роль играют прилагательные *сууукъ, жылы, исси*: *сууукъ жел / аяз* ‘холодный ветер’, *жылы желчик* ‘теплый ветерок’, *буз жел* ‘ледяной ветер’, *исси жел* ‘горячий ветер’ и др. Как видим, семантические компоненты субстантивных единиц указывают на довольно большую амплитуду температур.

Следующей характеристикой ветра, которая присутствует в семантике слов, обозначающих данный концепт, является интенсивность, обусловленная не толь-

ко скоростью перемещения, но и силой: *къаты жел* ‘сильный ветер’, *улуу жел* ‘большой ветер’, *хыны жел* ‘грубый ветер’, *огъурсуз жел* ‘злой ветер’, *къыяма жел* ‘адский ветер’: *Барысы да бюгюлгенде, огъурсуз жел анымы аярыкъ эди* [Толгуров 1993: 331] ‘Если все погнулись, неужели сильный ветер его бы пожалел’. *Алларында узайып баргъан Мыртазны ызындан жаяу тизилип, чегетден айырылып жаланнга чыкъгъанларында, тау киришни башын къара булут къырпалап, сууукъ, хыны жел уруп тебреди* [Аппаев 1986: 316] ‘Когда вышли из леса на открытое место, выстроившись за Мыртазом, шедшим впереди всех, увидели черное облако на вершине горы, которое заснеживало все, и холодный ветер начал сильно дуть’.

Интенсивность ветра также передается сложными словами: *къызыудан-къызыу* ‘все сильнее и сильнее’, *теркден-терк* ‘все быстрее и быстрее’, *толкъун-толкъун* ‘волнообразно’: *Къачып, къуюлуп баргъанланы ызларындан жел толкъун-толкъун урду* [Толгуров 1993: 216] ‘Ветер бил волнами вслед бежавшим’.

В карачаево-балкарской языковой картине мира *ветер* воспринимается двояко, и как отрицательное, и как положительное явление, поэтому в отношении к данному явлению объединяются воедино и чувство страха, и чувство благодарности: *Къачхы жел къармау къоймай къуу этер* (погов.) ‘Осенний ветер все сметет, ничего не оставив’. *Жел урмаса, от жанмаз* ‘Без ветра нет огня’ (погов.).

Концепт *жел* ‘ветер’ находит свое отражение во фразеологии карачаево-балкарского языка. В основе большинства фразеологизмов лежит метафорическое переосмысление, возникающее в результате ассоциативно-образного мышления. Фразеологические единицы с компонентом *ветер* играют большую роль в выявлении этнокультурных особенностей языкового выражения данного элемента картины мира и отражают различные этические и поведенческие нормы этноса:

а) отношение: *ортагъа сууукъ жел кирирге* ‘разругаться’ (букв. ‘в середину вошел холодный ветер’), *къулагъына жел ургъан чакълы* ‘в ус не дуть’ (букв. ‘как будто в ухо ветер ударил’): *Байлагъа уа жарлыла къырылгъанлыкъгъа бууну къулагъына жел ургъан чакълы бир кёрюмейди* [Аппаев 1986: 124] ‘От того, что умирают бедные, богатые и в ус не дуют’;

б) состояние: *жел элтмезча болургъа* ‘поесть’ (букв. ‘сделаться так, чтобы ветер не унес’), *аякъ тюбюнден жел чыкъгъан* ‘все, кто на ногах’ (букв. ‘у кого из-под ног ветер выходит’), *аузундан жел чыкъмай* ‘молча’ (букв. ‘изо рта ветер не выходит’): *Къуида кесини кереклисине айланады, анга къарап турма да, гыржындан къап, кесинги жел элтмезча эт* ‘Орел тоже по своим делам летает, прекращай смотреть на него, поешь хлеб, замори червячка’;

в) оценка: *жел къакъдыра / жел этдире* ‘бездельничать’ (букв. ‘хлопать ветром / делать ветер’): *Узеир кюн сайын эл тюбюнде жел къакъдыра айланады* ‘Узеир каждый день ходит праздно шатаясь’;

г) действие: *башыма аяз ётгенди, киргенди* ‘продуло, простудился’ (букв. ‘в голову ветерок проник’), *аяз къакъдырыргъа* ‘проветрить’ (букв. ‘заставить хлопать ветер’): *Тюнене сууукъда башыма аяз ётдюрдюм* ‘Вчера на холоде продуло’.

Особо следует отметить и паремии со словом *ветер*, которые широко используются в языке. В основу метафоризации положены представления данного этноса о воздушной стихии как о символе непредсказуемости, неопределенности, неустойчивости: *шайтан жел адамны кёзюн алдар* ‘вихрь – обманчив’, *сагъышсыз*

сёзню жел элтир ‘необдуманное слово – ветер унесет’, *кьюуут – желге, берне – бошха* ‘букв. толокно – на ветер, приданое – в пустую’, *кьойну сатсанг, жел кюн сат* ‘если продаешь овцу, продавай в ветреную погоду’, *кертти ырысхы жерди, андан кьалгъаны желди* ‘настоящее богатство – земля, а все остальное – ветер’, *ит юрюр, жел элтир* ‘собака лает, ветер уносит’, *ашыкьгъан кьыз желге ушайды* ‘торопливая девушка на ветер похожа’. Также в поговорках выражаются сила и мощь ветра: *кюзгю жел жерни берекетин алыр* ‘осенний ветер унесет изобилие земли’, *кьачхы жел кьармау кьоймай кьюу этер* ‘осенний ветер все вокруг высушит’, *жел тауну теппирир, жазгъы жел жер тенгли бугъаны жыгъар* ‘весенний ветер быка свалит’, *дунианы жел бузар, адамланы сёз бузар* ‘все вокруг испортит ветер, а человека – слово’.

Как отмечает А.В. Грачева, «воздушная стихия живет в самом человеке, это неотъемлемая часть его бытия. Воздушная стихия рассматривается так же, как тип человека, его темперамент» [Грачева 2012: 272]: *Сен желбаш кьызчыкъланы сабий жомакъла бла булжухтанынга да дауум жокъду* ‘Я не против того, что ты легкомысленных девочек занимаешь сказками’.

В сравнительных конструкциях находят отражение многие элементы национального сознания, представляющие собой и процесс сознания, и совокупность мировоззренческих представлений, которые отражаются в языке [Зайнуллин, Зайнуллина 2008]. Используя сравнения, описываются, например, чувства человека: *Кёлю бла айтхан затына нёгерлерини чам этип кюлгенлери жюрегине ауур тийип, Батал бир кесекни сёлешмей барып, жел уруп булутну кьулакьдан чыгъаргъанча, кёлю кьалгъаны кетип, тохтап айтды* [Аппаев 1986: 80] ‘Батал некоторое время не разговаривал, обидевшись на то, что друзья посмеялись над сказанным им от души, но потом обида прошла, как будто ветер согнал облако за угол’.

Карачаево-балкарцы используют свои представления о ветре не только для характеристики и оценки поведения человека, но и животных. В эпических сказаниях нашли свое отражение скоростные характеристики коня, вербализирующиеся посредством эпитетов. Лексема *жел* выступает в роли эпитета, который является репрезентантом быстроты коня: *жел ат* ‘ветер-конь’, *желкъанат ат* ‘конь с крыльями как ветер’. «Использование такого рода эпитетов детерминруется мифологическими воззрениями карачаевцев и балкарцев» [Ахматова, Кетенчиев 2017: 89]: *Нарт Ёрюзмек жел атына миннгенди, Кёкча кюкюреп, ол нартха келгенди* [Нарты 1994: 81] ‘Нарт Ёрюзмек на своего коня-ветра сел И, гремя, как гром, пришел к нартам’. Благодаря сравнению актуализируется быстрота коня: *Нарт жортууул, жел ургъанлай, барады* [Нарты 1994: 195] ‘Нарты, как ветер, скачут (на конях)’. *Аты уа (Къарашауайны) адамланы туурасында акъсан, кесин аман кёргюзтюп, ташада уа – желча жюрюгенди* [Нарты 1994: 201] ‘А конь Карашауая среди людей хромал, а когда никто не видел – неся как ветер’. У карачаево-балкарцев, как и у многих тюркских народов, волк является одним из тотемов, который ассоциируется с ветром / бурей: *жел бла бёрю – кьарындашла* ‘ветер и волк – братья’, *бёрю боранлы кече чабар* ‘волк нападет в бурную ночь’, *бёрюню азыгъы – боранда* ‘еда волка в бурную погоду’.

По гендерному признаку ветер ассоциируется с мужским, производящим началом: *жел – жерни бугъасы* ‘букв. ветер – производитель земли’, *эр киши – жел, тиширыу – жер* ‘мужчина – ветер, женщина – земля’.

В карачаево-балкарском языке редко, но встречаются топонимы с компонентом *жел*: *Жел – бауат* (мест. на правом берегу реки Чегем), *Желли кьол суу* (прав. приток реки Балык), *Желли сырт* (близ с. Чегем, *сырт* ‘склон’, ‘возвышенность’) [Хапаев 2013: 184–185].

Ветер может двигаться в различных направлениях, некоторые наименования ветра образуют оппозиции по отношению друг к другу, что находит отражение в семантических компонентах следующих номинативных единиц: *огьаргьы / огьарын ургъан жел (аяз)* ‘ветер, который дует с гор’ – *тёбеннги / тёбентин ургъан жел (аяз)* ‘ветер, который дует не с гор, а с низины’: *Бир кюн малланы да ышан этген ыстауатларына да жьыйгьынчы, тёбеннги келип, сууукъ кьалын туман къатыш жетип, болгъанны титиретип, бузлауукъ кьысды* [Аппаев 1986: 120] ‘Еще не успели согнать скот в стойло, как подул холодный ветер с низины, окутал густой туман, подморозив все вокруг’; *Жагъа тийреден гыржын кюйген ийсни огьаргьы эрттен аяз къачхынчыланы бурунларына кийирип, ач болгъанларын билдире, аууз сууларын келтиреду* [Там же 1986: 287] ‘От запаха пригоревшего хлеба, который принес утренний ветерок с верховьев, у изголодавших беглецов потекли слюны’.

В карачаево-балкарском языке некоторые наименования ветра отражают в первую очередь ориентацию относительно реки: *Жел а, хар замандача, суу баргъан жанына урмай, тёбентин ёрге айланьп урады* [Толгуров 1993: 4] ‘А ветер дует не как всегда по течению реки, т.е. вниз, а с низины вверх (в сторону гор)’. В данном предложении *суу баргъан жанына* означает, что ветер дует с гор в сторону низины, а *тёбентин ёрге*, наоборот, с низины в сторону гор, образуя оппозицию.

Исследование различных литературных текстов дает весьма интересный материал относительно концептуальных особенностей природного явления «ветер». Для карачаево-балкарского языкового сознания наиболее релевантны следующие концептуальные характеристики:

1) опасность: *Кюнортадан ингирге бир кесек шаушалгъан жел, къатыдан къаты уруп, уллу ташны тюбюне юшюген къарны къалап, къачхынчыланы ташны бир жанына кьысып, кёллерин такъыр эте, жьыйын жаллыча улуду* [Аппаев 1986: 334] ‘Ветер, который немного утих к вечеру, начал усиливаться, воя, как предводитель волчьей стаи, собирая под большой камень примерзлый снег и прижимая беглецов к камню, у которых захватил дух’.

2) холод: *Жел кьызыудан-къызыу уруп сууукъсурата, бир-бирде бетлерине жангур тамчыла тийе, Биймурза арып, таш жанына олтуруп, ёрге къарагъанында, Мыртаз уллу къара къаяны тюбюнде къарала, кьол булгъай тура эди* [Аппаев 1986: 316] ‘Ветер дул все сильнее и сильнее, приводя в озноб, иногда накрапывал дождь на лица. Биймурза, от усталости присев у камня, посмотрел на верх, сын Мыртаза махал ему рукой, находясь под черной скалой’.

3) сила: *Сыртада ургъан къаты желни тылпыу жетип, бийик наратланы башларын силкип, къарларын агъызды* [Аппаев 1986: 336] ‘Сильный ветер подул со стороны гор и дыханием своим, раскачав верхушки высоких сосен, сдул с них снег’.

4) огонь: *Жел кюйдюрюп, эки кёзюм аурууду болгъандыла да жиямукъ кьюулады да турады, – деп эски бусхулну жарашдырып, чырмап биягъы хуржунуна салды* [Аппаев 1986: 113] ‘Сказав, что на ветру обжег глаза, и потому они болят и слезятся, он сложил старый платочек и положил обратно себе в карман’.

5) слово: *Мен жаратылганлы кишиге келечи да болмаганма, алай болса да мени аууз желим санга жарарыкъ эсе, Джантемирге тюбегенден озмаганлай, былай нек этип айланаса деп, жагъасындан алып айтырма* [Аппаев 1986: 75] ‘Я в жизни ни за кого не просил, но если мое слово чем-то поможет тебе, то при встрече с Джантемиром я поговорю с ним, почему он так поступает’.

6) препятствие: *Асыры уллу желден алгъа баралмайбыз* [Аппаев 1986: 77] ‘Из-за сильного ветра не можем идти вперед’.

7) помощник: *Кюнню ортасы болган чакъда, чууакъ кёкде кюн тийерсиз къыздырса, юй араларында жюрюп, иссиден тылпысуз болуп, уллу суугъа туурагъа чыкъсанг, салкъын аяз уруп, муал болган санларынгы, уалган арбаны жипле бла байлаганча, бегитеди* [Аппаев 1986: 172] ‘В полдень, когда солнце печет нестерпимо, прохаживаясь между домами, задыхаешься от жары, но стоит подойти к реке, как прохладный ветерок оживляет разбитое тело, подобно веревкам, которые поддерживают разбитую телегу’.

8) свобода: *Суу – билген жолуна, жел – суйген жолуна* (погов.) ‘Вода течет по привычной дороге (руслу), а ветер – по какой пожелает’. *Башсыз къалган жылыкъы, хазнамыды, булут кибикди, гажай а – жел, къайры суйсе – ары стюрюр* [Толгуров 1993: 88] ‘Табун без жоака – как облако, а гажай – ветер, куда захотел, туда и погнал’.

9) время: *Кетген заманны жели* ‘Отзвуки прошлого’.

10) дыхание: *Нарт Ёрюзмек сырпынын булгъай эди, Аууз жели булутланы чача эди* [Нарты 1994: 100] ‘Нарт Ёрюзмек размахивался месом, Дыханием своим разгоняя тучи’.

11) ссора: *Айхай, уллу юйюр юйюрлей къалыр ючюн, анда жел ойнап, къарындашыкъны терегин аудурмаз ючюн юйюр тамата таматалыгъындан, тарых сыртына салган иерден къачаргъа керек туююл эди* [Толгуров 1993: 266] ‘Когда ветер может разрушить узы братства, глава семьи не должен бежать от ответственности, возложенной на него, ради сохранения семьи’.

Как было отмечено выше, ветру присущи антропоморфные признаки, которые можно разделить на следующие семантические группы:

а) задыхаться, переживать: *Тар аууздан сызгырып чыгъып, ёзен жерде жайыла, сора жарты оюлган межгитни башындан, сокъур терезелеринден кирип анда бурдум этип, хуна жепиледе сындырылып бууулуп, артха чыгъалмай жарсыйды* [Толгуров 1993: 3] ‘Со свистом вырвавшись из узкого ущелья, распространяется по равнинной местности, потом через крышу и старые окна входит в мечеть, кружит, задыхается, не имея возможности выйти обратно наружу, переживает’;

б) злиться: *Межгитни хунасындан хар таш туюшген сайын а, бютюн къозуп, аны жепилерин, тыгъырыкълары сыйпап-сылап, букъусун ёрге сууурады* [Толгуров 1993: 3] ‘Каждый раз, когда падает камень с кладки мечети, (ветер) все больше злится, со всех уголков выметает и поднимает пыль наверх’;

в) бояться: *Сегизеу бирге болса, жел да къоркъур* ‘Если восьмеро будут вместе, то и ветер их испугается’ (погов.);

г) вить: *Жаратмайдыла элни адамлары аны тёбентин ургъанын, улуп сынсыгъанын да* [Толгуров 1993: 4] ‘Не нравится жителям села, что он (ветер) дует с низины и воет’;

д) затихать: *Олсагъат тийре шошайып къалып, сабийлени ауазлары ёчюлдюле, къакъды-сокъду эте айланган желчик да уюду* [Толгуров 1993: 4] ‘В тот же миг все вокруг погрузилось в тишину, голоса детей затихли, и разгулявшийся ветерочек затих’;

е) свистеть: *Кесини туякъ тауушларын жангыдан эшитди. Сора ол жыртып, хурттак этип баргъан желни сызгыргъанын* [Толгуров 1993: 110] ‘(Он снова услышал звон своих копыт. И этот звон разрывал несущийся свист ветра’;

ж) захлебнуться: *Кенг жерде жортуп айланган жел тунчукъду* [Толгуров 1993: 339] ‘Ветер, гулявший по широкой степи, захлебнулся (стих)’;

з) кусать: *Бёрюню сырт тююне, жалкъасына кирип, безиреп, сакы жыйынча, къабыучу аязыны мычымай эсин аудуруп, жылытыучу кюн* [Толгуров 1993: 249] ‘Согревающее солнце может остановить кусачий ветер, который подобен куче оводов, играющих с волчьей холкой’;

и) гладить: *Бауурундан жатып, таудан аяз ургъан заманда къарасанг, куртну тюбюнден ычхынган кырдык, къыз сабийни башын жел тарагъанча, чайкъалып жашнайды* [Аппаев 1986: 120] ‘Если лежа смотреть, то можно увидеть, как трава, выглянувшая из-под сугроба, зеленеет, колыхается, подобно волосам девочки, которые гладит ветер’;

к) петь: *Ичейик, жюрекле, бетле, кёзле Къууанчдан толуп, жел а жырласын Къышны юсюнден! Бизни къоркъутмаз* [Кулиев 2007: 256] ‘Радостью наполнены сердца, лица, глаза, Так выпьем же, а ветер пусть споет про Зиму! Нас не напугает’;

л) засыпать: *Жел жукъласа – жер жукълар* ‘Заснет ветер – заснет и земля’ (погов.).

Явления природы, несомненно, оказывают влияние на формирование национальной картины мира. С древних времен человек придавал большое значение природным стихиям, он обожествлял данные природные явления, поклонялся им, поэтому в мифологиях различных этносов присутствуют Боги-покровители различных стихий. Воздух характеризуется как явление динамичное, подвижное, а движение воздуха обозначается термином «ветер», который является одним из репрезентантов концепта «воздух», важнейшего концепта в концептосфере карачаево-балкарской национальной культуры, занимающего особое место в языковом сознании карачаево-балкарцев. У древних карачаево-балкарцев Отцом Ветров считался Горий или Гери-Гори или Желле-Атасы Горий, а матерью – Жел-Анасы Химики, покровителем бурана являлся Гылан, ураганного ветра – Къауархан, а легкого ветерка – Дыеу [Каракетов 2014: 422–423].

Метафоризация природных явлений очень точно передается через образ главного героя нартского эпоса – Ёрюзмека: *Кёк кюкюреген – аны къычыргъаны, Туманла – аууз тылтыууну чыкъгъаны, Терлегени жауун болуп жауады, Аркъанын душманлагъа атса, элия болады, Ол ычхынып, жерге да тиеди. Сырпынын суурууп, жауларын сермесе, Ол заманда да кёк жашнагъан этеди* [Нарты 1994: 298] ‘Гром – это крик (Ёрюзмека), Туманы – его дыхание, Дождь – его пот, Аркан, который он бросает на врагов, – это есть молния, Иногда он (аркан) достигает и земли. Когда он (Ёрюзбек) своим мечом замахивается на врагов, То небо сверкает (бьет молния)’.

В мифопоэтическом сознании этноса ветер играет особую роль. Внезапное появление ветра всегда предвещало некую опасность: *Ала жылкъыны жолгъа*

терк салдыла. Ызларындан жауун, жел жетгенди. – Аха, – деди, – душман жетип келеди! Энди, Ёрюзбек, ызыбыздан жау жетер ‘Они табун быстро вывели на дорогу. Вдруг ветер подул, дождь полил. – Ага, – сказал Ногайчик, – противник догоняет (нас). Сейчас, Ёрюзбек, враг нас догонит’ [Нарты 1994: 102].

Жауун. По данным «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» лексема *жауун* выступает в значении: 1. дождь (атмосферные осадки в виде капель воды); 2. в позиции определения: а) дождевой; б) дождливый [ТСКБЯ 1996: 853–854]. «Во многих языках слово имеет значение ‘сыпаться’, обычно – сверху в изобилии и в большом количестве. Это послужило основанием для применения данного слова к атмосферному процессу» [СИГТЯ 2006: 361].

По различным признакам в карачаево-балкарском языке выделяются следующие разновидности дождя, образуемые путем сочетания лексемы *жауун* с различными определителями: *туман жауун* ‘изморось, мелкий дождь’, *шуллу жауун / ууакъ жауун* ‘моросящий дождь’, *сакъ жауун* ‘ливень’, *къара жауун* ‘темный дождь’, *жел жауун* ‘дождь с ветром’ и др.

В карачаево-балкарском языке лексема *жауун* ‘дождь’ характеризуется некоторым словообразовательным потенциалом: *жауунлу жыл* ‘год с обильными осадками’, *жауун суу* ‘дождевая вода’, *жауун къурт* ‘дождевой червь’, *жауун туман* ‘густой туман’.

Принято считать, что весь жизненный опыт народа аккумулирован в паремиях, в которых отражается система представлений людей об окружающем мире, «в них мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека» [Стернин 2001: 63]. Паремииологические единицы, функционирующие в карачаево-балкарском языке, раскрывают устойчивые ассоциативные связи концепта *жауун* с концептами «земля», «ветер», «вода», «жизнь», «смерть / опасность» и выражают различные абстрактные понятия (благодать, изобилие, мера, страх и т.д.): *жауун жерге жарашыр* ‘дождь облагораживает землю’, *жауун кёкде къалмаз* ‘букв. осадки не останутся на небе’, *батыр тууса, элге насып, жауун жауса, жерге насып* ‘букв. родится богатырь – счастье для села, пойдет дождь – счастье для земли’, *жауун жауса, жер жашнар, аман тууса, дау башлар* ‘букв. пойдет дождь – земля расцветет, родится плохой (человек) – спор начнет’, *жауунлу жер жипили болур* ‘перенасыщенная дождем земля будет болотистой’, *кёз къарагъандан тоймаз, жер жауундан тоймаз* ‘глаз не устанет смотреть, земля не устанет от дождя’, *кёкден жауун жаумайды, жер жауунун жутханды* ‘букв. с неба не льет дождь, земля проглотила дождь (иссушилась)’, *кёп жауун жерни бузар, кёп сёлеишген халкъны бузар* ‘большое количество дождя принесет вред земле, кто много говорит, испортит народ’, *от отундан тоймаз, жер жауундан тоймаз* ‘огонь не насытится дровами, земля – дождем’, *жауун аллы жел болур* ‘ветер – начало дождя’, *жел арты – жауун, боза арты – дауур* ‘букв. после ветра – дождь, после бузы – драка’, *жауун жауса, суу къобар* ‘пройдет дождь, реки разольются’, *дауну арты дауур болур, желни арты жауун болур* ‘спор закончится дракой, а ветер дождем’, *жазы жауунлу болса, къышы биченли болур* ‘если лето будет дождливое, зимой будет сено’, *жауун жазда жибитир, къачда/къышда юшютюр* ‘под летним дождем промок-

нешь, под осенним – замерзнешь’, *жауун жауса кѣлге жауар* ‘букв. если идет дождь, то на озеро’, *жауундан кѣачып чучхургѣ/секиртмеге киргенлей* ‘бежать от дождя и становиться под водопад’, *озгѣан жауунну жамчы бла сюрме/кѣуума* ‘не гонись с буркой за прошедшим дождем’.

Наблюдая за различными изменениями в окружающей среде, люди издавна научились выделять основные признаки изменения погоды (приметы), благодаря которым можно было избежать неприятностей. Историческая память человека сохранила разного рода поверья, которые до сих пор не потеряли свою актуальность. Наиболее достоверными из них являются прогнозы, которые связаны с животным и растительным миром [Искандаров 2009]. Считается, что изменения в погоде происходят при наличии определенных условий: *адамны кюндюзгю кюнде жукѣусу келсе* ‘если человека целый день тянет ко сну’, *жылы жел уруп башласа* ‘если начинает дуть теплый ветер (дождь пойдет)’, *киштик онг аягѣы бла бетин жууса* ‘если кошка правой лапой умывается, то погода исправится’, *киштик сол аягѣы бла бетин жууса* ‘если кошка левой лапой умывается, то погода испортится’, *кѣумурсха тѣбени кѣзсанг* ‘если тронешь муравейник’, *кѣыбыла жанындан жел уруп башласа* ‘если ветер дует с юга’, *тауукѣ кѣумда жууунса* ‘если курица в песке валяется’, *туманла кюн батханнга барсала – кюн аязыр, кюн чыкѣгѣан жанына барсала – кюн бузулур* ‘если облака плывут в сторону запада – погода прояснится, если в сторону востока – испортится’, *эрттенги булут болса, жауун жаумай кѣалмайды* ‘если утро облачное, то пойдет дождь’, *эрттенги булут кѣызарса, ингири жауун болур* ‘если утром облака окрашены в красный цвет, то вечером пойдет дождь’ [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 414–418].

В процессе концептуализации дождя можно выделить акустические, тактильные ощущения. В предложении *Кѣара жамычыны жайып да жатдым Жайлыкѣда, жауун да шуулдап ѣте* [Кулиев 2007: 122] ‘Я лег на лугу, Расстелив черную бурку, а дождь проходил мимо, шумя’ глагол *шуулда* участвует в описании метафорического образа, в основе которого лежит акустическое восприятие данного явления. При определении осязательного признака немалую роль играют прилагательные *сууукѣ* и *жылы*: *сууукѣ жауун* ‘холодный дождь’, *жылы жауун* ‘теплый дождь’: *Жангы жашил болгѣан терекле, кырдык Нечик кѣуундыла жылы жаууннга* [Кулиев 2007: 276] ‘Как же обрадовались теплому дождю Вновь позеленевшие деревья и трава’; *Кече жолда бара сууукѣ жауун жибитген эди* [Шахмурзаев 1965: 72] ‘Ночью в пути промок под холодным дождем’. Вышеназванный перцептивный образ передают и дожди, связанные с временами года – *жаз жауун* ‘летний дождь’, который характеризуется высоким температурным признаком и *кюз жауун* ‘осенний дождь’, соответственно, с низким температурным показателем: *Эр бла кѣатынны тѣююшлери жаз жауун кибикди* (погов.) ‘Ссора мужа и жены подобна летнему дождю’. *Жауун/жангур жаз жылытыр, кѣышда/кѣачда уа жибитир* (погов.) ‘Летний дождь согреет, а под осенним дождем промокнешь’.

Немалую роль в жизни человека играет перцепция зрения, например, *кѣара жауун* ‘черный дождь’, *жарыкѣ жауун* ‘светлый дождь’. Такое восприятие дождя связано с тем, что дождю обычно сопутствует темнота, но в солнечную погоду дождь воспринимается иначе: *Кѣарауулчу, гитче кѣошчугѣундан Кѣара жаууннга кѣарап, кѣуунад* [Кулиев 2007: 88] ‘Сторож радуется черному дождю, глядя из своей маленькой кошары’.

Следующей характеристикой дождя является его интенсивность. Наблюдая за различными проявлениями погоды, человек стремится вычленить из общего потока важные для него элементы, характеристики, признаки, поэтому для носителей языка одной из главных характеристик дождя является его интенсивность, объективируемая, в основном, ассоциатом 'сильный': *къаты жауун* 'сильный дождь', а также *улли жауун* 'большой дождь', *сакъ жауун* 'ливень', *суху жауун* 'ливень': *Суху жауун. Ырхы келгенди, Алай биз болмабыз тохтаргъа!* [Кулиев 2007: 87] 'Ливень. Сошла сель, но мы не должны останавливаться!'. Силу дождя характеризует и такая сравнительная конструкция – *челекден къуйгъанча* 'как из ведра лить'.

Для характеристики интенсивности дождя в карачаево-балкарском языке используются следующие сложные слова: *къатыдан-къаты* 'все сильнее', *теркден-терк* 'все быстрее': *Жауун терезеге къатыдан-къаты уруп башлады* [Шахмурзаев 1965: 55] 'Дождь начал стучать в окно все сильнее и сильнее'.

Интенсивность дождя можно определить по характеру его звука: *Улли жауун къанжалбаш юню дауур этдире тургъанлай, ол тохтан шош болгъанча, адамла сабыр болдула* [Шахмурзаев 1965: 197] 'Пока ливень стучал по жестяной крыше дома, люди притихли, будто он (дождь) остановился'.

В карачаево-балкарском языке наименьшая степень силы дождя выражается рядом имен прилагательных, которые ее конкретизируют: *ууакъ* 'мелкий', *шуллу* 'мелкий морозящий', *сангырау* 'глухой (букв. мелкий морозящий)'. Также посредством уменьшительно-ласкательного аффикса *-чукъ* можно передать силу дождя: *жауунчукъ* 'мелкий дождичек'.

Для выражения различной степени интенсивности дождя используются глаголы, обозначающие сам процесс. Как пишет М. Кондратенко: «В названиях сильного проливного дождя могут использоваться и другие виды семантической мотивации. Ливень может быть представлен как секущий, хлещущий, бьющий дождь» [Кондратенко 2000: 12]: *къагъады, урады, жауунсурайды, себелейди, тамычълайды*: *Къаяланы сокъгъан жауун, Бар суйгениме узакъгъа, Аны терезесин къагъып: – Тынч кечели бол! – де анга* [Кулиев 2007: 46] 'Дождь, бьющий по скалам, Пойди к моей любимой, И, постучав в ее окно, пожелай ей: – Спокойной ночи!'.

Для обыденного сознания носителей данного языка наиболее значимы процесс протекания и сила дождя. В карачаево-балкарском языке для номинации сильного проливного дождя, который характеризуется быстротечностью, непродолжительностью выпадения, используются следующие устойчивые сочетания: *сакъ жауун* 'ливень', *таякъ жауун* 'проливной дождь, ливень': *Таякъ жауун кѣп бармаз* (погов.) 'Проливной дождь (ливень) недолго будет идти'. *Сакъ жауун терк тохтар* 'Ливень быстро пройдет'.

Мелкий морозящий дождь представлен следующими наименованиями: *шуллу жауун* 'мелкий морозящий дождь', *сангырау жауун* 'мелкий морозящий дождь': *Шуллу жауун ышандырып жибитир* (погов.) 'Понадеешься на то, что дождь лишь морозящий, и промокнешь'.

Для обозначения характера выпадения мелкого морозящего дождя используются следующие глаголы, указывающие на свойства дождя: *шуллулайды / себелейди / тамычълайды* 'моросит, накрапывает': *Жауун келед себелей! Ашлыкъ*

келед тѣбелей! [Джуртубаев 1991: 126] ‘Дождь приближается, морося! Урожай идет горой!’.

Лексемы, обозначающие непродолжительный дождь, в которых нет указания на его интенсивность, выражают преходящий характер данного явления. В карачаево-балкарском языковом сознании кратковременный теплый дождь в солнечную погоду именуется как *сокъур жауун* ‘мелкий дождь / слепой дождь’, также *марал къозлагъан жангур* ‘грибной / слепой дождь’ [КБРС 1989: 226]: *Сокъур жауун кѣнге бармаз* (погов.) ‘Слепой дождь недолго будет идти’. *Кюн ачыкъ тийсе да жауун тамычыла алыкъын аз-аз тамадыла. Быллай ачыкъ кюн тийип тургъанлай жаугъан жаууннга, бурунгу малчы аталарыбыз «–Марал къозлайды, кюн тюзелликди»,– дегендиле* [Шахмурзаев 1965: 147] ‘Солнце уже светит ярко, но капельки дождя продолжают капать. В такую дождливую погоду наши отцы-скотоводы говорили: «Марал рождает, погода прояснится»’.

Начало выпадения атмосферных осадков в карачаево-балкарском языке выражается, в основном, при помощи глагольных конструкций – основной глагол + вспомогательный *башла* ‘начинать’: *тамычылап башлады / жауун башлады / къагъып башлады / уруп башлады* ‘начал идти (о дожде)’ (букв. ‘начал капать / начал идти / начал стучать / начал бить’), а завершение дождя представлено, соответственно, глаголами *бошады* ‘закончился’, *тохтады* ‘остановился’, *тынды* ‘остановился’.

В карачаево-балкарской языковой картине мира *дождь* вызывает как положительные (возрождение, радость), так и отрицательные эмоции (смерть, мрак, темнота): *О, жауун, сабийле къууанчы жауун! Жаш кюнлерим, къарт кюнлерим да санга Къараргъа суйгенлей ѳтюп кетерле!* [Кулиев 2007: 301] ‘О, дождь, детская радость! И молодость, и старость (мои) пройдут, Смотри на тебя с любовью!’. *Жауунла жауадыла, ырхыла келип сабанланы басадыла. Жерни юсюн ачы къарангылыкъ, халкъны ѳлюм къоркъуу алады* [Шахмурзаев 1965: 115] ‘Идут дожди, сходят сели и накрывают пашни. Все вокруг поглотила темнота, все охвачены смертельным страхом’.

Одним из основных средств концептуализации *дождя* являются эпитеты, влияющие на выразительность слова, красоту произношения [Никитина 1996: 3], основной задачей которых является выделение характерных свойств предмета, например, *жарыкъ* ‘светлый’, *чомарт* ‘щедрый’, *эллек* ‘изобильный’, *къара* ‘черный’ и др.: *Сен ѳнтта жауаса, чомарт жауун, Нечик ѳрттегилесе сен, Бурун ѳтюп кетген заманладан Хапар келтиресе манга* [Кулиев 2007: 203] ‘Ты все еще идешь, щедрый дождь, Какой же ты древний, Ты приносишь мне весть из прошлых времен’. *ѳнтта жауаса сен, эллек жауун, Бийликлеринге уа чек жокъ* [Кулиев 2007: 203] ‘Ты все еще идешь, изобильный дождь, Твои владения не имеют границ’.

Как известно, природные явления оказывают большое влияние на развитие земледелия и скотоводства. По данным этнографического материала, у карачаево-балкарцев были распространены различные обряды, связанные с вызыванием дождя (*жауун тилек / джангур чакъырмакъ / джангур чакъырыу*) [Карачаево-балкарский фольклор 1996: 45–46; Шаманов 2014: 471–474]. Некоторые из них до сих пор имеют место в жизни народа (например, купание осла). Дождь, как отмечает Ф.Г. Хисамитдинова, «мифологизированное явление, объект почитания и магического действия. Его вызывали и останавливали» [Хисамитдинова 2010:

374]. С принятием ислама, как пишет И.М. Шаманов, «коллективные моления проводили у берега реки с мольбой к Аллаху о дожде (джангур тилек). Обряд сопровождался жертвоприношением. Иногда это сочетали с архаичными обрядами...» [Шаманов 2014: 474]. В языке до сих пор функционирует поговорка *Жауун жаудуругъа макъаны дарий бла кийиндиргенлей* 'Как будто лягушку в шелка одели для вызывания дождя'. Очень редко, но в языке используется устойчивое сочетание *лейсан жауун*: первый теплый весенний дождь, сопровождавшийся громом, карачаевцы называли *лейсан джангур* 'дождь лейсан'. Как пишет В.В. Цыбульский, «до конца III в. до н.э. Новый год еврейского лунно-солнечного календаря начинался весенним месяцем нисан» [Цыбульский 1982: 76], М.Ч. Джуртубаев же предполагает, что «термин лейсан, лисан, вероятно, искаженное нисан – название весеннего месяца (апрель) в древнееврейском календаре. Предками балкарцев и карачаевцев оно могло заимствоваться в период владычества хазар, принявших, как известно, иудаизм» [Джуртубаев 1991: 140]. «Этот дождь считался исцеляющим, оживляющим всю природу. Поэтому лейсан джангур собирали и хранили в отдельных емкостях, используя ее время от времени для мытья головы и ног» [Шаманов, цит. по Джуртубаеву 1991: 140]. А.Г. Искандеров отмечает, что «данное слово, заимствованное из персидского языка, имеет параллель (лэйсэн) только в татарском языке. Видимо, это слово в башкирский и татарский языки проникло через старотюркский язык» [Искандеров 2009: 17].

В мировосприятии карачаево-балкарцев *жауун* 'дождь' тесно связан с такими природными явлениями как *жел* 'ветер', *булут* 'облако, туча', *тейри кылыч* 'радуга' и др., «то есть дождь не изолированное явление природы, а существующее согласно ее законам, вместе с другими явлениями» [Домбровская 2006: 181]: *Булут жауун келтирир, уруш жыляу келтирир* 'Облако принесет дождь, война – слезы'. *Жел жауун келтирир, оюн туююш келтирир* 'Ветер принесет с собой дождь, а игра закончится дракой'. *Туман кетсе, жауун сакълама* 'Если туман уйдет, дождя не жди (без тумана нет дождя)'. *Къоргъашинли таудан уруп жаугъан жел жауун туюш алагъа тохтады. Акъ къаяны Нумала жаны табасында, табигъатха ариурукъ бере, тейри кылыч чыкъды* [Шахмурзаев 1965: 147] 'Дождь, ливший со стороны горы Коргашин, перестал к обеду. И со стороны скалы Нумала вышла радуга, придавая красоту природе'.

Дождь и снег, совмещенные в одно природное явление (обычно ранней весной или поздней осенью), в языке номинируется как *жабалакъ* 'вешний снег, снег хлопьями' [КБРС 1989: 212]: *Жауун ызы – жабалакъ, тоба ызы – тобалакъ* [КБРС 1989: 212] 'Вслед за дождем – вешний снег, вслед за покаянием – веселье'.

Немаловажную роль в жизни этноса играют дожди (весенние, летние и осенние), которые несут в себе различные эмоциональные нагрузки. Весенние и летние дожди воспринимаются не столь негативно, как осенние: *Жолда сууукъ жауун жибитип, битеу этиме этгенди* [Шахмурзаев 1965: 73] 'В пути промок до ниточки под холодным дождем'. *Кюз арты жауунла жауа башладыла. Алашалада жауун жауса да, башланы акъмыйыкъ агъарта киришди* [Шахмурзаев 1965: 157] 'Начались осенние дожди. Внизу льет дождь, а вершины (гор) уже покрылись снегом'.

В представлении карачаево-балкарцев, дожди, начинающиеся вечером/ночью, принципиально отличаются по временному признаку от дождей утренних: *Кече-*

ги жауун кѣнге барыр, кечеге кѣонакѣ юйде кѣалыр (погов.) ‘Ночной дождь будет идти долго, ночной гость останется ночевать’. *Эрттенги жауун кѣнге бармаз* (погов.) ‘Утренний дождь – не на долго’. *Эрттен жауун узакѣ бармаз, эрттен кѣонакѣ кѣонакѣ болмаз* (погов.) ‘Утренний дождь – не надолго, утренний гость – не гость’.

Необходимо подчеркнуть, что дождь иногда характеризуется способностью идти целый день или всю ночь. Обозначение затяжного дождя может совпадать с обозначением дождливой погоды (*жауунду кюн*). Такие дожди вызывают у человека отрицательные эмоции, дождь воспринимается как серое, холодное явление – *сау кюнню жауады/барады, сау кечени жауады/барады: Кѣойчу тургѣанды кѣыйырда Жамычыны жапханлай, Сау кечени ѣтмей жауун, Тургѣанды кѣойчу алай* [Кулиев 2007: 315] ‘Пастух, накинув на себя бурку, сторожил, а дождь всю ночь не прекращался’.

Исследуя особенности языкового сознания носителей языка, можно выявлять актуальные признаки того или иного явления. В целом в карачаево-балкарском языке для дождя релевантны следующие характеристики:

1) живое существо: *Жауун, эсингдемиди, мен Бедикде, Кѣара жамычыны да жабып, жатып, Ингирликде кѣалкѣый башлагѣанымлай, Терк жетгенинг, кѣрюннгенча тюшюмде?* [Кулиев 2007: 285] ‘Дождь, ты помнишь, когда я в Бедике, Укутавшись в черную бурку, лежал, И только начал засыпать, Ты быстро появился, как будто во сне я увидел (тебя)?’;

2) помощник: *Жауун, эсингдемиди, анам санга Кѣууаннганы? – Сен нартюхюн, турмасын Битдире эдинг* [Кулиев 2007: 302] ‘Дождь, ты помнишь, как мать (моя) Была тебе рада? – Ты растил ее кукурузу и редьку’;

3) опасность: *Жауун жауса, суу кѣобар* ‘Когда пойдет дождь, реки разольются’;

4) вестник: *Эмилик атны аулакѣгѣа бошлагѣан Кибик, барады жауун жер кенгинде, Ашыгѣып, кѣууанч алып келди жерге, Чыгѣып мылы булутланы ичинден* [Кулиев 2007: 278] ‘Дождь идет по всей земле, подобно необъезженному коню, выпущенному в поле, Выйдя из дождевых облаков, Спеша, принес радость на землю’;

5) беда: *Кѣыйынлыкѣ жауун болуп, кѣкден жауад, Кѣар болуп, юйбашларыбызны жабад* [Мечиев 1959: 84] ‘Беда льет, превратившись в дождь, Превратившись в снег, укрывает крыши (наших) домов’.

В этническом сознании карачаево-балкарцев дождь обладает следующими способностями:

1) говорить: *Жауунум, сабийлигимде сен манга Жомакѣ, жыр да болуп, шыбырдай эдинг, Кѣууандыра тейри кѣылычларынга, Ушай эдинг эски таулу жырлагѣа* [Кулиев 2007: 302] ‘Дождь ты (мой), в детстве ты для меня был сказкой и песней, ты шептал, Радовал своими радугами, Похож был на старинные горские песни’;

2) шуметь: *Жауун, атлы жѣыйынча, дауур ѣте, Киргенди шахарны орамларына, Узакѣдан кѣайтхан тенгеме кибик, Тынгылап турама хапарларына* [Кулиев 2007: 276] ‘Дождь, как группа всадников, шумя, Прошел по городским улицам; Как друга, вернувшегося издалека, Слушаю его рассказы’;

3) жить: *Жауун, чексизди сени жашауунг* [Кулиев 2007: 203] ‘Дождь, безгранична твоя жизнь’.

Таким образом, проанализированный нами материал показал, что природным явлениям присущи антропоморфные признаки; в этническом сознании карачаево-балкарцев они способны дышать, выть, задыхаться, злиться и совершать другие действия. В силу своих физических характеристик они могут быть опасны, разрушительны, но с другой стороны, они несут в себе и положительную энергетику. В процессе концептуализации природных явлений выделяется перцептивный образ, который включает в себя акустические, тактильные, обонятельные ощущения, кроме того, природным явлениям присущи различные концептуальные признаки.

Литература

- Аппаев 1986 – *Аппаев Х.А.* Черный сундук. – Черкесск, 1986. – 323 с. {*Kh.A. Appayev.* Black treasure chest. – Cherkessk, 1986. – 323 p.}
- Ахматова, Кетенчиев 2017 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Функционально-семантический потенциал зоолексемы «конь» в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2017. – № 3 (36). – С. 86–91. {*M.A. Akhmatova, M.B. Ketenchiyev.* Functional and semantic potential of the «horse» zoolexeme in the Karachay-Balkar Nart epic // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. – 2017. – No. 3 (36). – PP. 86–91.}
- Васильев 1986 – *Васильев В.П.* Русская метеорологическая лексика Кузбасса (значение, таксономия, функционирование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1986. – 18 с. {*V.P. Vasilyev.* Russian meteorological vocabulary of Kuzbass (meaning, taxonomy, functioning): Ph.D. diss. abstract. – Tomsk, 1986. – 18 p.}
- Воркачев 2003 – *Воркачев С.Г.* Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Краснодар, 2003. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 268–276. {*S.G. Vorkachev.* Cultural concept and meaning // Proceedings of the Kuban state technological University. Ser. Humanities. – Krasnodar, 2003. – Vol. 17. – Issue 2. – PP. 268–276.}
- Грачева 2012 – *Грачева А.В.* Структура концепта воздушной стихии *Naturelement Luft* в немецкой языковой картине мира // Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. Вестник ТГУ. – 2012. – Выпуск 9 (113). – С. 268–274. {*A.V. Gracheva.* Structure of the concept of the air element *Naturelement Luft* in the German language picture of the world // Humanities. Philology and art history. The Bulletin of Tomsk State University (Vestnik TSU). – 2012. – Issue 9 (113). – PP. 268–274.}
- Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 255 с. {*M.Ch. Dzhurtubayev.* The ancient beliefs of the Karachais and Balkars. – Nalchik: Elbrus, 1991. – 255 p.}
- Домбровская 2006 – *Домбровская М.В.* Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 307 с. {*M.V. Dombrovskaya.* The concept of «rain» as a component of the national picture of the world (based on material of the French and Russian languages): Ph.D. thesis. – Novosibirsk, 2006. – 307 p.}
- ДТС – Древнетюркский словарь / ред. *В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак.* – Л.: Наука, 1969. – 676 с. {*Old Turkic dictionary / ed. V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak.* – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p.}
- Дудова 2007 – *Дудова Н.А.* Концептуализация атмосферных осадков в немецкой языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2007. – 22 с. {*N.A. Dudova.* Conceptualization of atmospheric precipitation in the German language picture of the world: Ph.D. diss. abstract. – Omsk, 2007. – 22 p.}
- Зайнуллин, Зайнуллина 2008 – *Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М.* Общие проблемы лингвокультурологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с. {*M.V. Zainullin, L.M. Zainullina.* General problems of linguoculturology. – Ufa: RITS BashGU, 2008. – 206 p.}
- Искандаров 2009 – *Искандаров А.Г.* Метеорологическая лексика башкирского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 24 с. {*A.G. Iskandarov.* Meteorological vocabulary of the Bashkir language: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 2009. – 24 p.}

- Каракетов 2014 – *Каракетов М.Д.* Традиционные верования // Карачаевцы и Балкарцы / ред. *М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев.* – М.: Наука, 2014. – С. 422–423. {*M.D. Karaketov. Traditional beliefs // Karachay and Balkar People / ed. M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiyev.* – Moscow: Nauka, 2014. – PP. 422–423.}
- КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь / под. ред. *Э.Р. Тенишева, Х.И. Суюнчева.* – М.: Русский язык, 1989. – 832 с. {*Karachay-Balkar-Russian dictionary / ed. E.R. Tenishev, Kh.I. Suyunchev.* – Moscow: Russian language, 1989. – 832 p.}
- КБФ – Карачаево-балкарский фольклор / Сост. *Т.М. Хаджиева.* – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 с. {*Karachay-Balkar folklore / Comp. by T.M. Hadzhiyeva.* – Nalchik: El-Fa, 1996. – 592 p.}
- Кондратенко 2000 – *Кондратенко М.* Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений // *Slavistische Beiträge.* – München: Verlag Otto Sagner, 2000. Band 394. – 120 с. {*M. Kondratenko. The Language of folk meteorology. Experience of comparative analysis of Slavic and German names of natural phenomena // Slavistische Beiträge.* – München: Verlag Otto Sagner, 2000. Band 394. – 120 s.}
- Кузьмина 2018 – *Кузьмина Р.П.* Концепт «зима» в языковой картине мира эвенов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 10 (88). – Ч. 2. – С. 305–308. {*R.P. Kuzmina. Concept «winter» in the language picture of the world of Evens // Philological Sciences. Questions of theory and practice.* – Tambov: Diploma, 2018. – No. 10 (88). – Part 2. – PP. 305–308.}
- Кулиев 2007 – *Кулиев К.Ш.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1934–1962. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 552 с. {*K.Sh. Kuliyeu. Collected works: In 6 volumes. Volume 1. Poems. 1934–1962.* – Nalchik: Elbrus, 2007. – 552 p.}
- Ломоносова 2008 – *Ломоносова Ю.Е.* Концепт «ветер» во французском языке // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 61–68. {*Yu.E. Lomonosova. Concept «wind» in French // Vestnik RUDN, Linguistics series.* – 2008. – № 2. – PP. 61–68.}
- Макушева 1994 – *Макушева О.А.* Метеорологическая лексика в орловских говорах: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Орел, 1994. – 17 с. {*O.A. Makusheva. Meteorological vocabulary in Oryol regional dialects: Ph.D. diss. abstract.* – Oryol, 1994. 17 p.}
- Мельникова 2004 – *Мельникова Е.Г.* Парадигматические отношения в лексике: На материале наименований погоды в псковских говорах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 22 с. {*E.G. Melnikova. Paradigmatic relations in vocabulary: on the material of weather names in Pskov dialects: Ph.D. diss. abstract.* – Tver, 2004. – 22 p.}
- Мечиев 1959 – *Мечиев К.В.* Избранные произведения. – Нальчик, 1959. – 214 с. {*K.V. Mechiyev. Selected works.* – Nalchik, 1959. – 214 p.}
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с. {*The Narts. The heroic epic of the Balkars and Karachays.* – Moscow: Nauka (Science). Publishing company «Eastern literature», 1994. – 656 p.}
- Никитина 1996 – *Никитина С.Е.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. – М., 1996. – 172 с. {*S.E. Nikitina. Experimental system explanatory dictionary of stylistic terms.* – Moscow, 1996. – 172 p.}
- Норманская 2008 – *Норманская Ю.В.* Реконструкция прасамодийских метеорологических названий // Материалы II Международной конференции по самодистике. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С.179–194. {*Yu.V. Normanskaya (Ju.W. Normanskaja). Reconstruction of the proto-Samoyedic meteorological titles // Proceedings of the 2nd International conference on Samoyed studies.* – Saint-Petersburg: Nestor-History, 2008. – PP. 179–194.}
- Полякова 2013 – *Полякова Н.В.* Этнокультурная специфика категоризации ветра в языковой картине мира селькупов // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2013. – 3 (131). – С. 68–71. {*N.V. Polyakova. Ethnocultural specificity of wind categorization in the language picture of the Selkup world // Vestnik TSPU (TSPU Bulletin).* – 2013. – 3 (131). – PP. 68–71.}
- Полякова 2016 – *Полякова Н.В.* Метеорологическая лексика селькупского и русского языков в сопоставительном аспекте // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2016. – 10 (175). – С. 94–97. {*N.V. Polyakova. Meteorological lexicon of Selkup and Russian languages in a comparative aspect // Vestnik TSPU (TSPU Bulletin).* – 2016. – 10 (175). – PP. 94–97.}

- Пыхтеева 1978 – *Пыхтеева А.А.* Наименования явлений природы в говорах Среднего Прииртышья: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 15 с. {*A.A. Pykhteyeva. Names of natural phenomena in the dialects of the Middle Irtysh region: Ph.D. diss. abstract. – Leningrad, 1978. – 15 p.*}
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языко-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с. {*Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Pre-Turkic Base Language. Picture of the world of the Pre-Turkic ethnic group according to the language data / Edited by E.R. Tenishev, A.V. Dybo. – Moscow: Nauka, 2006. – 908 p.*}
- Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с. {*Yu.S. Stepanov. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. – Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» (School «Languages of Russian culture»), 1997. – 824 p.*}
- Стернин 2001 – *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58–65. {*I.A. Sternin. Method of research of the concept structure // Methodological problems of cognitive linguistics. – Voronezh: Voronezh State University, 2001. – PP. 58–65.*}
- Толгуров 1993 – *Толгуров З.Х.* Голубой типчак. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 392 с. {*Tolgurov Z.Kh. The Blue Tipchak. – Nalchik: Elbrus, 1993. – 392 p.*}
- ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х томах. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с. {*Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language: in 3 volumes. Volume 1. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 1016 p.*}
- Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – М., 2013. – 576 с. {*S.A. Kharayev. Geographical names of the Karachay and Balkaria. – Moscow, 2013. – 576 p.*}
- Хисамитдинова 2010 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с. {*F.G. Khisamitdinova. Mythological dictionary of the Bashkir language. – Moscow: Nauka, 2010. – 452 p.*}
- Цыбульский 1982 – *Цыбульский В.В.* Календари и хронология стран мира. – М., 1982. – 128 с. {*V.V. Tsybul'skiy. Calendars and chronology of the countries of the world. – Moscow, 1982. – 128 p.*}
- Шаманов 2014 – *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы и Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – М.: Наука, 2014. – С. 453–474. {*I.M. Shamanov. Calendar and calendar rites // Karachay and Balkar People / ed. M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev. – Moscow: Nauka, 2014. – PP. 453–474.*}
- Шахмурзаев 1965 – *Шахмурзаев С.О.* На рассвете. – Нальчик, 1965. – 187 с. {*S.O. Shakhmurzayev. At dawn. – Nalchik, 1965. – 187 p.*}

**ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF CONCEPTUALIZATION
OF NATURAL PHENOMENA IN THE KARACHAY-BALKAR
LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
(ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPTS «WIND» AND «RAIN»)**

*M.A. Akhmatova
Nalchik*

Summary: This article examines the specifics of the conceptualization of natural phenomena as one of the main elements of the concept sphere of the Karachay-Balkar language picture of the world, on the example of the concepts «wind» and «rain». Their role and place in the language picture of the world of an ethnic group are described, their relevant features are also identified, and the analysis of the language representation and cognitive characteristics of these concepts in the Karachay-Balkar language picture of the world are carried out.

Key words: Karachay-Balkar language, conceptualization, concept, anthropomorphism, world picture, representation, natural phenomena.

О ФИЗИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Нурмухаммедов

г. Ашхабад (Туркменистан)

Резюме: Статья посвящена одной из недостаточно изученных и спорных проблем тюркологии – уточнению физических компонентов словесного ударения в тюркских языках. Ученые, изучившие природу СУ экспериментальными способами, пришли к различным результатам по определению основных компонентов СУ. В данной статье доказывается экспериментальными методами наличие СУ в туркменском языке, обязательными компонентами которого являются высота и сила ударного слога.

Ключевые слова: гласный, словесное ударение (СУ), частота основного тона (ЧОТ), интенсивность, длительность звука, туркменский язык.

1. Общие сведения о словесном ударении в тюркских языках

Стремительное развитие науки и техники во второй половине XX в. расширило поле действия языкознания. С появлением новых, совершенных электроакустических звукозаписывающих и воспроизводящих аппаратур возникли и новые экспериментально-фонетические методики исследования речи. К их числу можно отнести рентгенографическую, осциллографическую и спектрографическую методики. С их помощью выполнялись многочисленные экспериментально-фонетические работы, как в русистике, так и в тюркологии.

В настоящее время широко применяется новая, более удобная методика исследований, связанная с компьютерными технологиями. При помощи компьютерной программы Praat можно получить акустические данные не только отдельных звуков, но и целых слов, фраз, которые трудно уловить простыми прослушиваниями, а также колебания речевых сигналов.

Известно, что пионерами изучения звуков тюркских языков при помощи приборов стали проф. В.А. Богородицкий и Г. Шараф. Они провели в свое время ряд опытов по определению места артикуляции и высоты тона русских и татарских звуков палатографическими и кимографическими методами [Богородицкий 1934: 19–78; 1926: 3–9; Шараф 1928: 180–264].

Следует признать, что немало экспериментальных работ выполнено в лабораториях при кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков С.-Петербургского государственного университета и в лаборатории эксперимен-

Нурмухаммедов Аманмухаммет – кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

тальной фонетики и психологии речи Московского государственного лингвистического университета, а также других лабораториях по изучению сегментных и суперсегментных явлений в тюркских языках. Можем сослаться на работы У.Ш. Байчуры, выполненные в 50-х гг. прошлого века, как первичные эксперименты по изучению просодики тюркских языков. Он, несмотря на трудности и неудобства проведения кимографических записей и обработки материала, провел многочисленные эксперименты по произношению представителей разных тюркских языков и изучил акустические корреляты ударного слога в сравнительном плане. Ученый делает следующие заинтересовавшие нас выводы:

1. Словесное ударение в тюркских языках не является единообразным: оно варьируется по различным языкам, а иногда даже диалектам и говорам, как в отношении места, так и в отношении характера.

2. В большинстве тюркских языков сонорная длительность не является компонентом ударения (языки, различающие фонологически длинные и фонологически краткие гласные), или же она может выступать лишь в качестве второстепенного дополнительного фактора словесного ударения [Байчура 1961: 267].

С выводами ученого нельзя не согласиться. Можно отметить еще ряд экспериментальных работ по изучению словесного ударения отдельных тюркских языков: А. Махмудова по узбекскому, Ш.М. Абдуллаева по азербайджанскому, А. Орусбаева по киргизскому, С. Татубаева и А.С. Мукашевой по казахскому, Н.В. Шавловой по шорскому языку и др. Подобные исследования имеют, несомненно, большое научное значение. Если традиционная наука без экспериментального подхода полагала наличие в тюркских языках двух разнородных ударений – экспираторного (силового) на последнем слоге и музыкального (тонического) на безударных слогах слов [Севортян 1955: 130; Кононов 1960: 52], экспериментаторы-фонетисты подходили по-новому к решению данного вопроса. Они, признавая наличие одного главного ударения в слове, ограничивались определением его акустических коррелятов: высоты, интенсивности, длительности и характеризовали его, сравнивая с данными безударных слогов того же слова.

Изучив СУ узбекского языка, А. Махмудов пишет: «...ударный звук во всех позициях более длителен... Интенсивность является постоянным признаком ударения... Большая высота основного тона ударного гласного по сравнению с предударными» [Махмудов 1960: 23–38]. Далее он заключает свою мысль: «Из всего сказанного можно сделать вывод, что ударение в узбекском языке, как в русском, является динамическим, высотным, количественным и качественным» [Махмудов 1960: 53].

Изучая СУ азербайджанского языка Ш.М. Абдуллаев приходит также к выводу о том, что: «Ударение в данном языке обязательное, фонетически выражается оно в более сильном экспираторном выделении одного из слогов, в повышении тона и в более длительном произношении этого слога» [Абдуллаев 1964:].

А. Сапаев в отношении СУ туркменского языка отмечает: «В туркменском языке эффект словесного ударения создается за счет тонового и силового компонентов и нередко в сопровождении длительности» [Сапаев 1967: 12]. Чуть позже А. Моллаев, изучив акустические компоненты ударного слога в двусложных словах туркменского языка, делает другие заключения: «Длительность гласных звуков, как кратких, так и долгих, не является обязательным акустическим корреля-

том словесного ударения» [Моллаев 1980: 62], «...силовой компонент в акустическом отношении не является главенствующим для определения природы словесного ударения» [Моллаев 1980: 96], «...тоновой коррелят гласных звуков в акустическом плане играет определяющую роль в формировании словесного ударения» [Моллаев 1980: 112].

Киргизскому СУ посвящена кандидатская диссертация А. Орусбаева. Его заключение о СУ гласит: «Итак, киргизское словесное ударение складывается из трех компонентов: силового, временного и тонового, которые проявляются в относительном увеличении параметров интенсивности, длительности и частоты ОТ. Иными словами, оно предстает динамическим, количественным и музыкальным» [Орусбаев 1971: 12]. А в грамматике киргизского языка о компонентах СУ изложено по-другому, в ней говорится, что: «Современные экспериментально-фонетические исследования привели к выводу, что киргизское ударение определяется функцией интенсивности и длительности, т. е. оно является динамико-количественным (силовым и долготным)» [Грамматика 1987: 69]. Как видно, здесь отрицается роль тонового компонента звука в формировании СУ.

В работе С. Татубаева доказано, что главное ударение в слове характеризуется акустическими признаками основного тона и длительностью, тогда как интенсивность не имеет заметного влияния в казахском языке [Татубаев 1973: 81–87].

В своей кандидатской диссертации А.С. Мукашева излагает мысль о том, что для казахского языка в трехсложных словах главное ударение находится на третьем слоге, а второстепенное – на первом. Наибольшей длительностью обладает гласный последнего слога, тон на этом слоге самый высокий и интенсивность большая [Мукашева 1988: 1].

Н.В. Шавлова, изучив словесное ударение в шорском языке, приходит к выводу о том, что шорскому языку присуще музыкальное ударение с дополнительными компонентами длительности и интенсивности [Шавлова 1983: 16].

Как видно из приведенных выше мнений фонетистов, исследовавших физические компоненты СУ в отдельных тюркских языках, в их взглядах имеются расхождения. Можно резюмировать, что единым является мнение о том, что высота тона является обязательным компонентом СУ (исключение составляет лишь «Грамматика киргизского литературного языка» (1987)). Почти все тюркологи, в том числе указанные выше фонетисты, утверждают, что интенсивность ударного слога характеризует СУ (исключение от общего составляют взгляды отдельных лиц: С. Татубаева о казахском, А. Моллаева о туркменском языке). А мнение о том, что длительность ударного слога является одним из основных компонентов СУ в азербайджанском, узбекском, казахском, киргизском языках, не подтверждается результатами исследований других ученых (У. Байчуры, А. Нурмухаммедова и др.) и остается спорным вопросом. Встречается в литературе и другое мнение, отрицающее наличие СУ в тюркских языках вообще [Джунисбеков 1987; 1988: 17], с которым автор настоящей статьи не может согласиться.

Вышеуказанные различные мнения о физических составляющих СУ в тюркских языках и недостаточность его изучения стали основными причинами и объектом нашего исследования на материалах туркменского языка. Исследования по СУ туркменского языка были проведены нами в 2000–2005 гг. в фонетической лаборатории Института языка и литературы им. Махтумкули АНТ на основе ме-

тодических указаний сотрудников Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи Московского государственного лингвистического университета [Блохина, Потапова 1982].

В данной статье определяются физические компоненты: высоты, интенсивности и длительности ударного слога – на основе осциллограмм 130 фонетических слов, наговоренных четырьмя дикторами, и с применением экспериментально-фонетических методов¹. Одной из поставленных задач является определение основных физических компонентов, характеризующих СУ и его тип в туркменском языке, которые до сих пор являются спорными. Ниже кратко излагаем результаты исследования.

2. Высота голоса как один из компонентов СУ

В экспериментально-фонетических исследованиях особое внимание уделяют частоте основного тона (ЧОТ) голоса и ее изменениям во времени. О значении ЧОТ в речи можно сказать: «...является одним из самых универсальных супrasegmentных параметров. Она принимает участие в передаче почти всех видов просодической и интонационной информации...» [Блохина, Потапова 1982: 4]. Такая особенность ЧОТ подсказывает о необходимости детального ее рассмотрения.

В данной работе высотный уровень СУ определяется следующим образом: на основе данных осциллограмм в герцах получены средние значения ударных и безударных слогов слова и их соотносительные значения к среднему значению безударных слогов в произношении каждого диктора в отдельности. Как показывают проведенные ранее опыты, определение соотношения среднего уровня ЧОТ ударного слога к среднему уровню безударных слогов представляется наиболее предпочтительным, стабильным и маловарьирующимся значением. Общеизвестно, что человеческое ухо воспринимает не абсолютное, а относительное изменение в речевом сигнале. Поэтому в исследованиях абсолютные, т. е. первичные значения ЧОТ в герцах переводятся в относительные единицы в проценты или полутоны. Выбор способа перевода определяется задачей исследования. Исходя из понимания того, что «... полутоном является минимальной величиной, которую нормальное человеческое ухо способно различать в речи» [Блохина, Потапова 1982: 11], мы сочли целесообразным перевести среднеотносительные единицы в полутоны (пт)².

В данной работе физические характеристики СУ определяются колебанием осциллограммы двусложных омографических слов, различающим ударения типа³:

¹ Записи проводились на осциллографе Н-102. Речевые акустические сигналы фотографировались на черно-белой пленке КН-2. Полученные осциллограммы ярко отражали колебания ЧОТ, которыми определялись уровни компонентов ударения.

² Перевод относительных единиц в герцах ЧОТ в полутоны был осуществлен по таблице, составленной Л.П. Блохиной, Р.К. Потаповой. См.: [Блохина, Потапова 1982: 65–73].

³ Языковые материалы передаются в транскрипции, основанной на принятой в тюркологических работах латинской графике [СИГТЯ 1984], но с некоторыми особенностями туркменского латинского алфавита. Здесь означают: ζ – ч, \check{z} – ж, j – дж (=ж), \check{y} – ң, \check{s} – ш, y – ы, \acute{y} – й, \grave{y} – ударный ы.

almá ‘яблоко’ – *álma* ‘не бери’, *seçmé* ‘дробь’ – *séçte* ‘не рассыпай’, *uçgún* ‘искра’ – *úçgun* ‘полети же’, *düzgún* ‘распорядок’ – *dúzgün* ‘сочиняй’; трехсложных слов: *uruşdy* ‘воевал, подрался’ – *urúşdy* ‘была война, драка’, *köwüşdi* ‘помогал копать грядку’ – *köwüşdi* ‘была обувь’, *düşekçe* ‘матрас’ – *düşékçe* ‘как матрас’, *gowurmá* ‘жареное мясо’ – *gowúrma* ‘не жарь’, произнесенные дикторами: Дж.Я., Г.Б., Б.Г., А.С. Результаты полученных физических данных изложены в нижеприведенных таблицах.

Таблица №1

Среднеотносительные частотные уровни гласных с ударением на конечном слоге в синтагматически двух- и трехсложных словах в произнесении 4-х дикторов

Реализация слов	Частотные уровни слогов, в герцах			Соотн. ударного слога к безударному
<i>almá</i>	<i>al-</i> = 109	<i>-má</i> = 146	–	1 : 1,3 (4 пт)
<i>seçmé</i>	<i>seç-</i> = 119	<i>-mé</i> = 148	–	1 : 1,2 (4 пт)
<i>uçgún</i>	<i>uç-</i> = 124	<i>-gún</i> = 170	–	1 : 1,4 (5 пт)
<i>düzgún</i>	<i>düz-</i> = 124	<i>-gün</i> = 147	–	1 : 1,2 (3 пт)
средн. вел.	119	153	–	1 : 1,3 (4 пт)
<i>uruşdy</i>	<i>u-</i> = 136	<i>-ruş</i> = 126	<i>-dy</i> = 150	1,1 : 1 : 1,2 (4 пт)
<i>köwüşdi</i>	<i>kö-</i> = 135	<i>-wüş</i> = 121	<i>-di</i> = 150	1,1 : 1 : 1,2 (4 пт)
<i>düşekçe</i>	<i>dü-</i> = 150	<i>-şek</i> = 125	<i>-çe</i> = 160	1,2 : 1 : 1,3 (4 пт)
<i>gowurmá</i>	<i>go-</i> = 140	<i>-wur</i> = 120	<i>-má</i> = 140	1,1 : 1 : 1,2 (3 пт)
средн. вел.	140	123	150	1,1 : 1 : 1,2 (4 пт)

Проведенные нами анализы по определению среднего уровня ЧОТ в безударных гласных, произнесенных дикторами, показали, что средний уровень ЧОТ голоса у каждого диктора различался следующим образом: Дж.Я. – 113 гц, Г.Б. – 83 гц, Б.Г. – 121 гц, А.С. – 116 гц. Эти данные свидетельствуют о том, что диктор Г.Б. произносил низким, а дикторы Дж.Я., Б.Г. и А.С. высоким тоном голоса.

Данные в синтагматическом плане

Анализы показали, что средний уровень высоты тона голоса *на конечном ударном и предударном слогах* заметно различается. Об этом свидетельствуют следующие факты: в двусложных словах средняя величина ЧОТ на конечном ударном слоге 153 гц, а на предударном слоге 119 гц. Здесь средний уровень конечного ударного слога выше на 4 пт, чем высота предударного слога (см. табл. №1). В трехсложных словах сохраняется такое же различие. В них средняя величина ЧОТ на конечном ударном слоге составляла 150 гц, а на предударных слогах соответственно их расположению 140 гц – 123 гц. Их соотношение к минимальной слоговой единице составляла 1,1 : 1 : 1,2 ритмической структуры. Здесь ударный слог выше на 4 пт, чем второй предударный слог (см. табл. №1).

Средний уровень высоты тона ударного гласного *на неконечном слоге* слов гораздо выше, чем высота тона на заударном слоге того же слова. В качестве примера можно привести следующие факты. Средний частотный уровень на начальном ударном слоге двусложных слов составлял 156 гц, а на заударном слоге этих же слов – 99 гц. Их соотношение равно 1,6 : 1 ритмической структуры. Следовательно, ударный слог произносится примерно на 7 пт выше, чем заударный

слог (см. табл. №2). Аналогичное явление можно наблюдать и на неконечном ударном слоге в трехсложных словах. Средний частотный уровень на срединном ударном слоге трехсложных слов был равен 181 гц, а на заударном слоге этих же слов 87 гц. Соотношение частотных уровней слогов трехсложных слов к минимальной слоговой единице по их расположению составляет 1,5 : 2,1 : 1 ритмической структуры. Здесь тон ударного слога (срединного) выше на 12 пт, чем тон заударного слога (см. табл. №2).

Таблица №2

**Среднеотносительные частотные уровни гласных
в синтагматически двух- и трехсложных словах
с ударением на неконечном слоге в произнесении 4-х дикторов**

Реализация слов	Частотные уровни слогов, в герцах			Соотн. ударного слога к безударному
<i>almá</i>	<i>ál</i> = 133	<i>-ma</i> = 86	–	1,5 (7 пт) : 1
<i>seçmé</i>	<i>séç</i> = 172	<i>-me</i> = 91	–	1,9 (11 пт) : 1
<i>uçgün</i>	<i>úç</i> = 163	<i>-gun</i> = 112	–	1,5 (7 пт) : 1
<i>düzgün</i>	<i>düz</i> = 159	<i>-gün</i> = 108	–	1,5 (7 пт) : 1
средн. вел.	156	99	–	1,6 (8 пт) : 1
<i>uruşdy</i>	<i>u</i> = 136	<i>-ruş</i> = 185	<i>-dy</i> = 82	1,6 (8 пт) : 2 : 1
<i>köwüşdi</i>	<i>kö</i> = 135	<i>-wüş</i> = 178	<i>-di</i> = 91	1,5 (7 пт) : 2 : 1
средн. вел.	135	181	87	1,5 : 2,1 (12 пт) : 1

Таблица №3

**Среднеотносительные частотные уровни парадигматических гласных
с ударным и безударным положениями на конечном слоге
двух- и трехсложных слов в произнесении 4-х дикторов, в герцах**

Реализация слов	Слог	Безударный	Ударный	Соотношение величин	Разница в пт
<i>alma</i>	<i>-ma</i>	86	146	1 : 1,7	9 пт
<i>seçme</i>	<i>-me</i>	91	148	1 : 1,6	8 пт
<i>uçgun</i>	<i>-gun</i>	112	170	1 : 1,5	7 пт
<i>düzgün</i>	<i>-gün</i>	108	147	1 : 1,4	6 пт
<i>uruşdy</i>	<i>-dy</i>	82	152	1 : 1,9	11 пт
<i>köwüşdi</i>	<i>-di</i>	91	163	1 : 1,8	10 пт
средн. вел.		95	154	1 : 1,6	8 пт

Данные в парадигматическом плане

Как показывают данные, физические характеристики СУ зависят не только от местонахождения ударного слога в синтагматических словах, но и от парадигматического плана ударного и безударного слога слов. Степень выделенности СУ наглядно различается в парадигматически ударном и безударном положении того же слога слов. Как видно из таблицы №3, средний уровень ЧОТ на парадигматическом ударном слоге выше в пределах на 6–11 пт, чем средний уровень ЧОТ того же слога в безударном положении в двух- и трехсложных словах.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что высота ЧОТ является одним из основных компонентов словесного ударения в туркменском языке.

3. Сила голоса как один из компонентов СУ

Известно, что сила звука определяется размахом (амплитудой) колебательных движений, которые вызывают изменения воздушного давления – его увеличение или уменьшение. Она определяется звуковой энергией, проходящей за единицу времени через единицу площади [Блохина, Потапова 1982: 44]. С усилением голоса увеличивается его колебательный размах, а с ослаблением он уменьшается. Колебательный размах звука измеряется единицей длины – децибелом (а на осциллограммах и спектрограммах миллиметровкой – мм). Как известно, интенсивность звуков речи считается сложноакустическим явлением. В определении интенсивности ударных и безударных слогов исследователь встречается с некоторыми трудностями.

Во-первых, разные гласные (а также согласные) звуки имеют разные амплитуды в зависимости от своих собственных качеств. Например, в литературе отмечается, что в русском языке широкие гласные *a, o, e* имеют большую амплитуду, чем узкие гласные *y, ы, и* [Блохина 1971: 267; Бондаренко 1977: 49]. Аналогичное явление наблюдается и в туркменском языке. В данном языке широкие *a, ä, o, ö* в идентичных фонетических условиях имеют большую амплитуду, чем узкие гласные *y, i, u, ü*. Широкий гласный *e* имеет средний уровень амплитуды. Кроме того, в данном языке долгие гласные: *a:, ä:, o:, ö:, u:, ü:, y:, i:* произносятся более напряженно, чем свои короткие пары *a, e, o, ö, u, ü, y, i*.

Во-вторых, позиционные амплитуды ударных и безударных слогов бывают различными. В теоретической литературе приводится мысль о том, что в начальном слоге слов и фразы гласные более ярко выражаются, чем в остальных слогах [Блохина 1971: 266]. Данная закономерность подтверждается и материалами туркменского языка. Гласные начального слога и гласные ударного последнего слога произносятся более выраженными колебаниями, чем гласные предударного и заударного слогов в многосложных словах.

В-третьих, интенсивность ударных и безударных гласных во многом зависит от говорящих лиц: одни могут произносить громче, а другие тише. Поэтому в экспериментальных исследованиях следует учесть все эти различия. Для того чтобы получить достоверные, естественные данные о силе речевых звуков, экспериментатору следует обращаться не с абсолютными (первичными) данными, а с усредненными, относительными данными. К сожалению, в некоторых экспериментально-фонетических работах, выполненных в ранние годы прошлого века, физические особенности звуков речи были характеризованы абсолютными данными, которые привели к спорным результатам. Считаю уместным сослаться на высказывания об этом видных ученых-фонетистов, утверждающих: «В ходе работы величины уровня звукового давления корректнее пользоваться не абсолютными значениями, а относительными значениями, полученными в результате нормирования. Относительные значения уровня звукового давления позволяют элиминировать: во-первых, технические различия записи экспериментального материала (расстояние диктора от микрофона, настройка аппаратуры и т. п.), во-вторых, индивидуальные отклонения, обусловленные произносительной спецификой анализируемого материала» [Блохина, Потапова 1982: 50].

Таблица №4

**Среднеотносительные уровни интенсивности гласных
в синтагматически двух- и трехсложных словах
с ударением на конечном слоге в произнесении 4-х дикторов**

Реализация слов	Частотные уровни слогов, в герцах			Соотн. ударного слога к безударному
<i>almá</i>	<i>al-</i> = 3,8	<i>-má</i> = 3,5	–	1 : 1
<i>seçmé</i>	<i>seç-</i> = 2,3	<i>-mé</i> = 2,4	–	1 : 1
<i>uçgún</i>	<i>uç-</i> = 2,1	<i>-gún</i> = 4	–	1 : 2
<i>düzgún</i>	<i>düz-</i> = 2,5	<i>-gún</i> = 3,1	–	1 : 1,2
средн. вел.	2,7	3,2	–	1 : 1,2
<i>uruşdý</i>	<i>u-</i> = 2,5	<i>-ruş-</i> = 2,2	<i>-dý</i> = 2,6	1,1 : 1 : 1,2
<i>köwüşdi</i>	<i>kö-</i> = 2,3	<i>-wüş-</i> = 1,8	<i>-dí</i> = 2,2	1,3 : 1 : 1,2
<i>düşekçé</i>	<i>dü-</i> = 5	<i>-şek-</i> = 4,5	<i>-çé</i> = 5,1	1,1 : 1 : 1
<i>gowurmá</i>	<i>go-</i> = 6,3	<i>-wur-</i> = 6	<i>-má</i> = 6,5	1,1 : 1 : 1,1
средн. вел.	4,2	3,6	4,1	1,1 : 1 : 1,1

Как отмечено выше, относительные акустические данные являются более убедительными и надежными для характеристики звуков речи. В настоящей работе, учитывая изложенные методические указания, были проведены усреднения значений интенсивности гласных ударных слогов экспериментальных слов, произнесенных дикторами Дж.Я., Г.Б., Б.Г. и А.С. Интенсивность гласных ударных и безударных слогов изучаемых слов характеризуется в работе их относительными величинами (см. табл. №4, №5, №6).

Для того чтобы прогнозировать индивидуальные особенности дикторов при произнесении экспериментальных слов, нами были проведено усреднение значения интенсивности гласных безударных слогов каждого диктора в отдельности. Анализ показал, что громкость дикторов при произнесении слов различалась следующим образом: Дж.Я. – 4,9 мм; Г.Б. – 1,5 мм; Б.Г. – 2,3 мм; А.С. – 1,3 мм. Факты показывают, что дикторы Г.Б. и А.С. произносили слова слабым голосом, а дикторы Б.Г. и Дж.Я. сильным.

В туркменском языке динамические показатели ударного слога в словах, можно сказать, более ярче выделяются, чем уровень безударных слогов. Вместе с тем, следует отметить, что уровень интенсивности основного тона (ОТ) ударного слога имеет различное значение в зависимости от его нахождения в слове. Во всех условиях уровень интенсивности колебания ударного слога превосходит уровень интенсивности колебания ОТ безударных слогов. Их можно наблюдать в следующих позициях (см. табл. №5, №6).

Данные в синтагматическом плане

Средний уровень интенсивности колебания гласных конечного ударного слога в двусложных словах: *almá* ‘яблоко’, *seçmé* ‘дробь’, *uçgún* ‘искра’, *düzgún* ‘распорядок, режим’ составлял 3,2 мм, а в предударном слоге – 2,7 мм; их соотношение равно 1 : 1,2 ритмической структуры (см. табл. №4). Следовательно, уровень интенсивности конечного ударного слога в 1,2 раза (128%) больше, чем предударный слог.

Средний уровень интенсивности ударного в начальном слоге двусложных слов (4,7 мм) превосходит уровень заударного слога (1,5 мм) с большим различием.

Таблица № 5

**Среднеотносительные уровни интенсивности гласных
в синтагматически двух- и трехсложных словах
с ударением на неконечном слоге в произнесении 4-х дикторов**

Реализация слов	Частотные уровни слогов, в герцах			Соотн. ударного слога к безударному
<i>almá</i>	<i>ál-</i> = 6,3	<i>-ma</i> = 1,3	–	4,8 : 1
<i>seçmé</i>	<i>sēc-</i> = 4,1	<i>-me</i> = 1	–	4,1 : 1
<i>uçgún</i>	<i>úç-</i> = 4,5	<i>-gun</i> = 2,5	–	1,8 : 1
<i>düzgün</i>	<i>düz-</i> = 4	<i>-gün</i> = 1,3	–	3,1 : 1
средн. вел.	4,7	1,5	–	3,1 : 1
<i>uruşdy</i>	<i>u-</i> = 4,1	<i>-rúş-</i> = 6	<i>-dy</i> = 1,2	3,4 : 5 : 1
<i>köwüşdi</i>	<i>kö-</i> = 4	<i>-wüş-</i> = 4,7	<i>-di</i> = 1	4 : 4,7 : 1
<i>düşekçe</i>	<i>dü-</i> = 4	<i>-şék-</i> = 4,6	<i>-çe</i> = 3,1	1,3 : 1,5 : 1
<i>gowur má</i>	<i>go-</i> = 5,3	<i>-wúr-</i> = 5,5	<i>-ma</i> = 3	1,7 : 1,8 : 1
средн. вел.	4,3	5,2	2,1	2,1 : 2,5 : 1

Таблица №6

**Среднеотносительные уровни интенсивности гласного
на конечном слоге слов с его парадигматически
ударным и безударным положениями в произнесении 4-х дикторов**

Реализация слов	Слог	Амплитуды гласного		Соотн. ударного слога к безударному
		безударные	ударные	
<i>alma</i>	<i>-ma</i>	1,3	3,5	1 : 2,7
<i>seçme</i>	<i>-me</i>	1	2,4	1 : 2,4
<i>uçgun</i>	<i>-gun</i>	2,5	4	1 : 2,1
<i>düzgün</i>	<i>-gün</i>	1,3	3,1	1 : 2,4
средн. вел.	–	1,5	3,2	1 : 2,1
<i>uruşdy</i>	<i>-dy</i>	1,2	2,6	1 : 2,1
<i>köwüşdi</i>	<i>-di</i>	1	2	1 : 2
<i>düşekçe</i>	<i>-çe</i>	1,7	3	1 : 2,3
<i>gowurma</i>	<i>-ma</i>	1,3	3,7	1 : 3
средн. вел.	–	1,3	2,8	1 : 2,2

Их соотношение составляет 3,1 : 1 силовой структуры (см. табл. №5). Следовательно, можно сказать, что начальный ударный слог произносится примерно с в три раза большей энергией, чем заударный слог в двухсложных словах.

В трехсложных словах уровень интенсивности слогов несколько слабее, чем в двухсложных словах. Это можно объяснить, на наш взгляд, результатом распределения звуковой энергии (один цикл выхода) не на двухсложных, а на трехсложных словах.

Средний уровень интенсивности конечного ударного слога в трехсложных словах типа *uruşdy* 'воевал, подрался', *köwüşdi* 'помогал копать грядку', *düşekçe* 'матрас', *gowurma* 'жареное мясо' почти равномерно с уровнями интенсивности предударных слогов: их соотношение по расположению слогов составляло 1,1 : 1 : 1,1 силовой структуры (см. табл. №4). Уровень интенсивности неконечного (серединного) ударного слога в трехсложных словах почти равно уровню интенсивности предударного и гораздо сильнее, чем уровень интенсивности заударного слога. Их соотношения по расположению в слове составили 2,1 : 2,5 : 1 силовой структуры (см. табл. №5).

Данные в парадигматическом плане

Степень выделенности ударного слога по динамике ярче выражается в парадигматических сегментах. Уровень интенсивности гласного неконечного (первого) ударного слога в двусложных словах превосходит в 1,8 раза (175%) уровень интенсивности того же слога в безударном положении. А уровень интенсивности конечного ударного слога в двусложных словах превосходит примерно в 2,1 раза (214%) уровень интенсивности того же слога в безударном положении (см. табл. №6). Уровень же интенсивности конечного ударного слога в трехсложных словах превосходит уровень того же безударного слога примерно в 2 раза, т. е. 215%; их соотношение составляет 1 : 2,2 силовой структуры (см. табл. №6). Здесь заметно, что разница в силе конечного ударного слога в двухсложных и трехсложных словах почти отсутствует.

Указанные факты свидетельствуют о том, что в формировании СУ в туркменском языке активно участвует и его динамический компонент.

4. Об участии длительности звука в словесном ударении

Длительность звука, слога, фразы является неотъемлемой частью их просодической характеристики. Без нее не существуют звуки, слоги, фразы, а также языковое человеческое общение. Это говорит о необходимости рассмотрения длительности при изучении вопросов речи. Она измеряется в секундах или миллисекундах (с или мс). Нам было очень интересно узнать, является ли длительность ударных гласных обязательным компонентом СУ в туркменском языке, и ее отношения к ударению, так как в опубликованных ранее тюркологических работах об участии длительности звуков в формировании СУ изложены противоречивые и спорные мнения. Одни авторы (У.Ш. Байчура, А. Моллаев, А. Нурмухамедов) отрицают участие длительности звука в качестве основного компонента СУ, а другие (А. Махмудов, Ш.М. Абдуллаев, А. Орусбаев и др.) считают ее одним из необходимых компонентов ударения. В исследованиях по фонетике следует учитывать, что во многих тюркских языках, в том числе и в туркменском, краткое и долгое произношение гласных звуков играют смысловозначительную роль. С кратким и долгим произношением гласных различаются слова и их смысл, независимо от ударения. Вместе с тем, нам известно без экспериментального анализа, что в двух- и трехсложных словах типа *gardaş* 'брат', *sygür* 'корова', *garyndaş* 'родственник', *gurluşyk* 'строительство', *tegelék* 'круглый' и т. д. краткие гласные под ударением не превращаются в долгие гласные.

Все это свидетельствует о том, что определение степени участия количественного компонента звуков в образовании СУ представляет немалый интерес с научной точки зрения. Наш многолетний опыт подсказывает, что длительность звуков речи является очень изменчивой единицей в зависимости от многих фонетических факторов: от темпа речи, деятельности произносительного аппарата говорящего лица, от позиции конкретного звука в слоге, ударного слога в слове, от самой собственной длительности звуков и т. п. Но эти изменения в длительности не должны доходить, на наш взгляд, до фонологического различия звуков. Например, долгие гласные в туркменском языке различаются от соответствующих кратких пар произнесением в полтора-два раза большей длительностью, так как меньшая длительность не характеризует их как долгие гласные.

Для того чтобы получить надежные, максимально приближенные к истинному, значения длительности гласных ударных и безударных слогов, нами были проведены усреднения их абсолютных данных, полученных от экспериментальных слов в произнесении 4-х дикторов. А затем, на основе усредненных данных по длительности, были определены относительные величины длительности ударного слога к безударному. Их результаты изложены в таблицах №7, №8, №9.

Таблица №7

**Среднеотносительная длительность гласных
в синтагматически двухсложных словах с ударением на конечном слоге**

Реализация слов	Данные длительности гласных слогов, в мс			Соотн. ударного слога к безударному
<i>almá</i>	<i>al-</i> = 122	<i>-má</i> = 124	–	1 : 1
<i>seçmé</i>	<i>seç-</i> = 90	<i>-mé</i> = 117	–	1 : 1,3
<i>uçgún</i>	<i>uç-</i> = 60	<i>-gún</i> = 60	–	1 : 1
<i>düzgún</i>	<i>düz-</i> = 70	<i>-gún</i> = 66	–	1 : 0,9
средн. вел.	86	91	–	1 : 1

Таблица №8

**Среднеотносительная длительность гласных
в синтагматически двусложных словах с ударением на неконечном закрытом слоге**

Реализация слов	Данные длительности гласных слогов, в мс			Соотн. ударного слога к безударному
<i>almá</i>	<i>ál-</i> = 113	<i>-ma</i> = 98	–	1,1 : 1
<i>seçmé</i>	<i>séç-</i> = 79	<i>-me</i> = 89	–	0,9 : 1
<i>uçgún</i>	<i>úç-</i> = 76	<i>-gun</i> = 50	–	1,5 : 1
<i>düzgún</i>	<i>düz-</i> = 87	<i>-gün</i> = 54	–	1,6 : 1
средн. вел.	88	73	–	1,2 : 1

Таблица №9

**Среднеотносительная длительность гласных на конечном слоге слов
с его парадигматически ударным и безударным положениями**

Реализация слов	Слог	Длительности гласного		Соотн. ударного слога к безударному
		безударные	ударные	
<i>alma</i>	<i>-ma</i>	98	124	1 : 1,2
<i>seçme</i>	<i>-me</i>	89	117	1 : 1,3
<i>uçgun</i>	<i>-gun</i>	50	50	1 : 1
<i>düzgün</i>	<i>-gün</i>	54	66	1 : 1,2
<i>uruşdy</i>	<i>-dy</i>	112	145	1 : 1,3
<i>köwüşdi</i>	<i>-di</i>	120	137	1 : 1,1
средн. вел.		87	106	1 : 1,2

В ходе анализа экспериментальных данных были определены индивидуальные особенности темпа произношений дикторов на основе длительности гласных безударных слогов. Их усредненные данные показывают темп произношения дикторов следующим образом: А.С. – 80 мс, Б.Г. – 81 мс, Дж.Я. – 95 мс, Г.Б. – 98 мс. Исходя из этих данных видно, что дикторы А.С., Б.Г. произносили слова в более быстром, а дикторы Дж.Я., Г.Б. в более медленном темпе.

С целью определения отношения длительности звука к СУ были проведены соответствующие сравнения данных ударных и безударных слогов экспериментальных слов. Анализы показали следующее.

Данные в синтагматическом плане

При произнесении конечного слога с ударением гласные двусложных слов типа *barmák* 'палец', *telpék* 'папаха', *almá* 'яблоко', *ıçgún* 'искра', *düzgún* 'положение, распорядок', *gyzgún* 'горячий' произносятся почти с одинаковой длительностью. Их соотносительная величина равна 1 : 1 ритмической структуры (см. табл. №7). А при произнесении начального слога с ударением указанных типов слов заударный слог несколько сокращается по длительности. В таких словах относительные длительности ударных и безударных слогов составляют 1,2 : 1 ритмической структуры (см. табл. №8).

Данные в парадигматическом плане

Длительность краткого гласного конечного ударного слога двух- и трехсложных слов увеличивается примерно в 1,2 раза (т. е. на 120%), чем длительность того же слога слов в безударном положении (см. табл. №9). Увеличение длительности кратких гласных ударного слога в пределах 1,1–1,2 раза, по сравнению с длительностью в безударном положении, для носителя туркменского языка не является чувствительным различием, т. е. они воспринимаются как краткие, а не как долгие гласные; как было сказано ранее, долгие гласные в туркменском языке различаются от соответствующих кратких пар большей длительностью, минимум в 1,5–2 раза.

Приведенные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что длительность ударного слога не является характеризующей единицей словесного ударения в туркменском языке. Она является нейтральным компонентом в образовании СУ.

Заключая проведенный анализ, можно с уверенностью утверждать, что СУ в туркменском языке образуется при активном участии высотных и силовых компонентов голоса, и оно является тонально-динамическим ударением по своей природе.

Информанты:

- 1) А.С. – А. Сапаев – мужчина, 1937 г.р.
- 2) Б.Г. – Б. Гельдимурадов – мужчина, 1940 г.р.
- 3) Г.Б. – Г. Бяшиев – мужчина, 1937 г.р.
- 4) Дж.Я. – Дж. Язмуратов – мужчина, 1937 г.р.

Литература

Абдуллаев 1964 – *Абдуллаев Ш.М.* Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке. – Баку, 1964. {*Sh.M. Abdullayev.* The place and nature of word accent in modern Azeri language.– Baku, 1964.}

- Байчура 1961 – *Байчура У.Ш.* Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. Ч. II. – Казань, 1961. {*U.Sh. Baychura. The phonetical structure of the Tatar language in connection with some other Turkic and Finno-Ugric languages. Part 2. – Kazan, 1961.*}
- Блохина 1971 – *Блохина Л.П.* Разномощность русских гласных // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Т. 60. Исследование языка и речи. – М., 1971. {*L.P. Blokhina. The difference of power of Russian vowels // The academical notes of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Vol. 60. The research of language and speech. – Moscow, 1971.*}
- Блохина, Потапова 1982 – *Блохина Л.П., Потапова Р.К.* Методика анализа просодических характеристик речи. – М., 1982. {*L.P. Blokhina, R.K. Potapova. An approach for analysis of prosodic characteristics of speech. – Moscow, 1982.*}
- Богородицкий 1926 – *Богородицкий В.А.* Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке // ВНОТ. – Казань, 1926. – №4. {*V.A. Bogoroditskiy. The movement of tone in two- and threesyllable words in the Tatar language // VNOT. – Kazan, 1926. – No.4.*}
- Богородицкий 1934 – *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1934. {*V.A. Bogoroditskiy. Introduction to the Tatar linguistics in light of other Turkic languages. – Kazan, 1934.*}
- Бондарко 1977 – *Бондарко Л.В.* Звуковой строй современного русского языка. – М.: Просвещение, 1977. {*L.V. Bondarko. The phonetic structure of modern Russian language. – Moscow: Prosveshcheniye, 1977.*}
- Грамматика 1987 – Грамматика киргизского литературного языка. Ч. I. – Фрунзе: Илим, 1987. {*The Grammar of Kyrgyz Literary Language. Vol. I. – Frunze: Ilim, 1987.*}
- Джунисбеков 1987 – *Джунисбеков А.* Просодика в казахском языке. – Алма-Ата, 1987. {*A. Dzhanibekov. The prosody in Kazakh. – Alma-Ata, 1987.*}
- Джунисбеков 1988 – *Джунисбеков А.* Проблемы тюркской словесной просодики и сингармонизм казахского слова. – Алма-Ата, 1988. {*A. Dzhanibekov. The problems of Turkic word prosody and syngarmonism of Kazakh words. – Alma-Ata, 1988.*}
- Кононов 1960 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л., 1960. {*A.N. Kononov. Grammar of modern Uzbek literary language. – Moscow–Leningrad, 1960.*}
- Махмудов 1960 – *Махмудов А.* Словесное ударение в узбекском языке. – Ташкент, 1960. {*A. Makhmudov. The word stress in the Uzbek language. – Tashkent, 1960.*}
- Моллаев 1980 – *Моллаев А.* Акустическая характеристика ударных и безударных гласных туркменского языка. – Ашхабад, 1980. {*A. Mollayev. The acoustic characteristics of stressed and unstressed vowels of the Turkmen language. – Ashkhabad, 1980.*}
- Мукашева 1988 – *Мукашева А.С.* Соотношение главного и второстепенного ударений в казахском языке (эксп.-фон. иссл.). – Алма-Ата, 1988. {*A.S. Mukasheva. The correspondance of the main and secondary stress in the Kazakh language (an experimental phonologic research). – Alma-Ata, 1988.*}
- Орусбаев 1971 – *Орусбаев А.* Киргизская акцентология. Опыт эксп. фон. иссл. ударения в слове и во фразе. – М., 1971. {*A. Orusbayev. The Kyrgyz Accentology. An experience of experimental phonologic research of word and phrase stress. – Moscow, 1971.*}
- Сапаев 1967 – *Сапаев А.* Словесное ударение в туркменском языке. – Ашхабад, 1967. {*A. Sapayev. The word stress in the Turkmen language. – Ashkhabad, 1967.*}
- Севортян 1955 – *Севортян Э.В.* Фонетика турецкого литературного языка. – М., 1955. {*E.V. Sevortyan. The phonetics of Turkish literary language. – Moscow, 1955.*}
- СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М., 1984. {*Comparative and historical grammar of Turkic languages. Phonetics. – Moscow, 1984.*}
- Татубаев 1973 – *Татубаев С.* Об ударении в двусложных словах казахского языка // СТ. – Баку, 1973. – №3. {*S. Tatubayev. On stress in two-syllable words of the Kazakh language // ST. – Baku, 1973. – No.3.*}
- Шавлова 1983 – *Шавлова Н.В.* Словесное ударение в нижнемарском говоре шорского языка (эксп.-фон. иссл.). – Алма-Ата, 1983. {*N.V. Shavlova. The word stress in Lower Mrass dialect of the Shor language (an experimental phonetic research). – Alma-Ata, 1983.*}
- Шараф 1928 – *Шараф Г.* Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русским // ВНОТ. – 1928. – №8. {*G. Sharaf. The palatograms of sounds of the Tatar language in comparison with Russian // VNOT. – 1928. – No.8.*}

Nurmuhammedow 2012 – *Nurmuhammedow A. Türkmen dilinde söz basymy (eksp.-fon. derňew). – Aşgabat: Ýlym, 2012. {A. Nurmuhammedow. The word stress in the Turkmen language (an experimental phonologic research). – Ashkhabad: Ýlym, 2012.}*

ON PHYSICAL COMPONENTS OF WORD STRESS IN THE TURKMEN LANGUAGE

A. Nurmuhammedov

Ashkhabad

Summary: The article studies one of the insufficiently researched and disputable problems of turkology: the clarification of physical components of word stress in Turkic languages. Scientists, who explored the nature of word stress through experimental methods, have come to different conclusions with regard to identifying physical components of word stress. This article proves, through empirical data, the existence of word stress in the Turkmen language with its mandatory elements as the pitch and intensity of the stressed syllable.

Key words: vowel, word stress (WS), frequency of pitch (FoP), intensity, duration, Turkmen language.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БАШКИРСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Х. Самситова, И.Ж. Сагынбек

г. Уфа

Резюме: В статье рассматриваются функционально-семантические особенности грамматических форм в составе сложноподчиненных предложений в башкирском и казахском языках. Анализируются различные типы классификаций, приводятся результаты сравнительно-сопоставительного изучения структурно-семантических особенностей сложноподчиненных предложений исследуемых языков. Обнаружено, что не все типы предложений, употребляемых в казахском языке, отмечены в работах ученых. Понятия «придаточные предложения меры и степени» и «придаточные предложения следствия» для синтаксиса казахского языка применяются впервые.

Ключевые слова: грамматика, синтаксис, сложноподчиненное предложение, тюркские языки, башкирский язык, казахский язык.

I. История изучения сложноподчиненных предложений в башкирском и казахском языкознании

Изучение сложноподчиненного предложения – одно из наиболее важных аспектов не только в башкирском и казахском языках, но и в тюркологии в целом. Впервые в тюркологической науке в книге А. Троянского «Краткая грамматика татарского языка» было дано общее понятие о сложном предложении. Автор в своих исследованиях не употреблял термин «сложное предложение», а пользовался выражением «сочетание предложений» и анализировал функции некоторых союзов, деепричастий и причастий, связующих предложения [Троянский 1814: 22]. М.А. Казембек не подразделял сложные предложения на сложносочиненные и сложноподчиненные. Он, рассматривая функции причастий, деепричастий и отглагольных имен, называл последние «сокращенными придаточными предложениями» [Казембек 1846: 312].

В XX в. в научных трудах большое значение уделено синтаксису сложного предложения. Жан Дени, В.А. Гордлевский, А.Н. Кононов, Н.И. Ашмарин, А.К. Боровков, Н.К. Дмитриев и др. составили правильную классификацию сложных предложений для тюркских языков. Проблемы сложного предложения также освещены

Самситова Луиза Хамзиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ», Республика Башкортостан, г. Уфа; e-mail: luiza_sam@mail.ru

Сагынбек Ильяс Жаркынбекулы – магистрант ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Республика Башкортостан, г. Уфа; e-mail: ilias_97_s@mail.ru

щены в трудах А.З. Абдуллаева, Г.А. Абдурахманова, У.Б. Алиева, Г.Х. Алпарова, Л.К. Байрамовой, С.Г. Бархударова, Н.А. Баскакова, В.А. Белашапковой, В.В. Виноградова, Н.З. Гаджиевой, Н.П. Дыренковой, М.З. Закиева, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова, М.В. Насилова, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, А.М. Пешковского, Н.С. Поспелова, А.А. Потební, А.П. Рифтина, Г.Г. Саитбатталова, К.К. Сартбаева, Н.Т. Сауранбаева, Ф.С. Сафиуллиной, Э.В. Севортыяна, Б.А. Серебренникова, Е.И. Убрятовой, И.А. Федосова, В.Н. Хангилдина, М.И. Черемисиной, А.А. Шахматова, М.Ш. Ширалиева и др.

По мнению Г.Г. Саитбатталова, в понимании и истолковании грамматической природы сложноподчиненных синтаксических конструкций, особенно придаточных предложений, существуют три направления [Сәйтбатталов 2002: 368].

Некоторые тюркологи, например, М.А. Казембек, В.А. Гордлевский, А.К. Боровков, Н.Т. Сауранбаев и другие считают, что обособленные (развернутые) второстепенные члены предложения являются придаточными предложениями, хотя в их составе отсутствует отдельно выраженный главный член – подлежащее.

По мнению Н.А. Баскакова, И.А. Батманова, Н.П. Дыренковой, М.Ш. Ширалиева, С.А. Джафарова, С.А. Аманжолова, А.З. Абдуллаева, К.К. Сартбаева и других, основным, определяющим критерием придаточного предложения в тюркских языках является не только отдельно выраженный субъект (подлежащее), но и предикат (сказуемое), выраженный только личной глагольной формой.

Следовательно, придаточные предложения, сказуемые которых выражаются причастиями или деепричастиями, относятся к развернутым (обособленным) членам предложения.

Третья группа лингвистов – А.Н. Кононов, Н.К. Дмитриев, М.А. Аскарлова, А.П. Поцелуевский, Дж.Г. Киекбаев, Е.И. Убрятова, М.З. Закиев, К.З. Ахмеров и другие – к вопросу о синтаксических функциях причастий и деепричастий подходят дифференцированно: если глаголы неличной формы или причастия и деепричастия в синтаксической конструкции выступают в качестве сказуемых, то мы имеем дело с придаточными предложениями, а если они выполняют функцию второстепенных членов предложения и перед ними отсутствует отдельно выраженное подлежащее, то это – простое предложение с развернутыми членами или причастным, деепричастным оборотами. Мы разделяем точку зрения этой группы тюркологов [Там же: 369].

В современной науке синтаксический строй башкирского и казахского языков в классическом плане достаточно изучены: имеются специальные монографии, пособия, учебники, посвященные исследованию синтаксиса простого и сложного предложений, обособленных членов предложения, словосочетаний и т. д. Существенный вклад в исследование синтаксиса башкирского языка внесли: А.М. Азнабаев, К.З. Ахмеров, С. Галиев, Г.Г. Саитбатталов, Д.С. Тикеев и др. В казахском языке наиболее значительные работы по синтаксису принадлежат таким ученым, как С.А. Аманжолов, А. Байтурсынов, М.Б. Балакаев, Х.М. Есенов, С.С. Жиенбаев, К.К. Жубанов, Т.К. Кордабаев, К.К. Садирова, Н.Т. Сауранбаев и др.

В настоящее время учеными большое внимание уделяется контрастивным исследованиям, но, несмотря на это, проблемы, связанные с изучением сложноподчиненных предложений в сравнительном аспекте, только начинают изучать-

ся. Между тем нет работ, посвященных синтаксису сложного предложения башкирского и казахского языков, содержащих сравнительный аспект таких предложений и детальное описание их семантики и структуры.

В башкирском языке сложноподчиненным предложениям должно внимание уделяется начиная с 30-х гг. XX в. В учебнике К.З. Ахмерова (1933 г.) даны 8 видов сложноподчиненных предложений: 1. *Сэбэп һөйләм* (придаточное предложение причины). 2. *Ваҡыт һөйләм* (придаточное предложение времени). 3. *Шарт һөйләм* (придаточное предложение условия). 4. *Оҡшатыу һөйләм* (придаточное предложение уподобления). 5. *Тултырыусы һөйләм* (дополнительное придаточное предложение). 6. *Кире һөйләм* (придаточное предложение уступки). 7. *Билдәләү-аныҡлау һөйләм* (определяющее придаточное предложение). 8. *Рәүеш һөйләм* (придаточное предложение образа действия) [Әхмәр 1933].

В учебнике «Грамматика» С. Галиевым выделены 8 видов сложноподчиненных предложений, но, в отличие от классификации К.З. Ахмерова, вместо придаточного предложения образа действия (*рәүеш һөйләм*) дано придаточное предложение цели (*максат һөйләм*) [Ғәлиев 1938].

В развитие грамматики башкирского языка большую лепту внес выдающийся ученый Н.К. Дмитриев, который кроме вышеназванных сложноподчиненных предложений выделил придаточное предложение сравнения (*сағыштырыу һөйләм*) и придаточное предложение следствия (*һөҙөмтә һөйләм*) [Дмитриев 1948: 215, 226].

В развитие синтаксиса и стилистики башкирского языка огромный вклад внес доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ Г.Г. Саитбатталов. Кандидатская, докторская диссертации, монографии, посвященные синтаксису простого и сложного предложений башкирского языка, этого автора играют большую роль в становлении башкирской синтаксической науки, ученый всю свою жизнь посвятил исследованию синтаксиса башкирского языка. Исследования Г.Г. Саитбатталова имеют неопровержимые научные доказательства, с которыми не могло не согласиться научное сообщество.

Согласно классификации Г.Г. Саитбатталова, исходя из структурно-семантического принципа, сложноподчиненные предложения в башкирском языке делятся на следующие виды: 1. *Эйә һөйләм* (придаточное предложение подлежащее). 2. *Хәбәр һөйләм* (придаточное предложение сказуемое). 3. *Аныҡлаусы һөйләм* (определяющее придаточное предложение). 4. *Тултырыусы һөйләм* (дополнительное придаточное предложение). 5. *Ваҡыт һөйләм* (придаточное предложение времени). 6. *Урын һөйләм* (придаточное предложение места). 7. *Сэбэп һөйләм* (придаточное предложение причины). 8. *Һөҙөмтә һөйләм* (придаточное предложение следствия). 9. *Максат һөйләм* (придаточное предложение цели). 10. *Рәүеш һөйләм* (придаточное предложение образа действия). 11. *Дәрәжә-күләм һөйләм* (придаточное предложение меры и степени). 12. *Сағыштырыу һөйләм* (придаточное предложение сравнения). 13. *Шарт һөйләм* (придаточное предложение условия). 14. *Кире һөйләм* (придаточное предложение уступки) [Сәйтбатталов 2002: 371, 372].

В казахском языкознании нет единого мнения по классификации сложноподчиненных предложений. Разделение сложноподчиненных предложений на различные группы начинается с трудов, написанных А. Байтурсиновым. Одной из

основных причин отсутствия унификации было разнообразие признаков и критериев, применяемых в классификациях. Например, в трудах А. Байтурсынова основными признаками классификации сложноподчиненных предложений были смысловые отношения между компонентами. В зависимости от этого признака, он разделил сложноподчиненные предложения на 10 видов: 1. *Бастауыш багыныңқы* (придаточное предложение подлежащее). 2. *Анықтауыш багыныңқы* (определяющее придаточное предложение). 3. *Толықтауыш багыныңқы* (дополнительное придаточное предложение). 4. *Мезгіл нысықтауыш багыныңқы* (придаточное предложение времени). 5. *Мекен нысықтауыш багыныңқы* (придаточное предложение места). 6. *Сын нысықтауыш багыныңқы* (придаточное предложение образа действия). 7. *Себеп нысықтауыш багыныңқы* (придаточное предложение причины). 8. *Мақсат нысықтауыш багыныңқы* (придаточное предложение цели). 9. *Шарт багыныңқы* (придаточное предложение условия). 10. *Ереуіл багыныңқы* (уступительное придаточное предложение). Структура каждого из предложений полностью не описывалась. В приведенных примерах основной формой, создающей придаточное предложение, являлось условное наклонение глагола [Байтурсынұлы 2009: 162–168].

В первой половине тридцатых годов для начальных классов были изданы книги Т. Шонанова «Үш жылдық тіл кітабы» (1934), С.А. Аманжолова «Төрт жылдық тіл кітабы» (1932). В учебниках, написанных Т. Шонановым и С.А. Аманжоловым, были повторены суждения, которые были написаны в книге А. Байтурсынова «Тіл құрал» (1912), и сложные предложения были разделены только на сложносочиненные и сложноподчиненные, не было деления их на группы [Кордабаев 1995: 109, 110].

Виды классификаций сложноподчиненных предложений казахского языка были представлены в учебной программе, составленной в 1936 г. под руководством профессора К.К. Жубанова. Для составления сложноподчиненных предложений автор также в качестве основной формы выделял условное наклонение глагола, но, в отличие от предыдущих авторов, в классификации сложноподчиненных предложений он основывается на других принципах. Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что для образования придаточного предложения роль сказуемого в нем должно выполнять условное наклонение, а в главном предложении сказуемым является указательное местоимение. Сложноподчиненное предложение должно называться в зависимости от формы указательного местоимения и его роли в предложении. Например, в предложении *Кімді айтса, сол келеді* 'Кого вспомнят, тот придет' указательное местоимение *сол* 'тот' является подлежащим, а в предложении *Ол қандай болса, мен де сондай* 'Он какой, и я такой же' – *сондай* 'такой же' является сказуемым, поэтому первое предложение называется *бастауыш багыныңқы* (придаточное подлежащее), второе – *баяндауыш багыныңқы* (придаточное сказуемое). Если указательное местоимение *сол* 'тот' изменено падежным суффиксом, то оно называется *септес багыныңқы* (падежное придаточное предложение), если изменено суффиксом родительного падежа – *іліктес багыныңқы* (придаточное предложение родительного падежа). При классификации двух предыдущих придаточных предложений автор исходил из того, каким членом предложения является указательное местоимение, а в последующем опирался на то, в какой форме использовалось указа-

тельное местоимение. Предложение *Сабыр қалай жүрсе, Мәмет те солай жүреді* ‘Как ходит Сабыр, так и ходит Мәмет’ автор называет *шақтас бағыныңқы* (придаточное предложение сравнения); предложение *Сабыр қайда барса, Мәмет сонда барады* ‘Куда идет Сабыр, туда же идет Мәмет’ называет *жанас бағыныңқы* (придаточное предложение места); предложение *Сабыр қандай болса, Мәмет сондай* ‘Какой Сабыр, такой же Мәмет’ автор называет *қабыс бағыныңқы* (определятельное придаточное предложение).

Выбрав критерием для классификации различные признаки, К.К. Жубанов разделил сложноподчиненные предложения на 7 видов: 1. *Бастауыш бағыныңқы* (придаточное предложение подлежащее). 2. *Баяндауыш бағыныңқы* (придаточное предложение сказуемое). 3. *Септес бағыныңқы* (падежное придаточное предложение). 4. *Іліктес бағыныңқы* (придаточное предложение родительного падежа). 5. *Шақтас бағыныңқы* (придаточное предложение сравнения). 6. *Жанас бағыныңқы* (придаточное предложение места). 7. *Қабыс бағыныңқы* (определятельное придаточное предложение). Эта классификация автора закрепились в науке надолго [Жубанов 1966: 359, 360].

В 1939 г. С.А. Аманжоловым и Н.Т. Сауранбаевым был издан учебник «Грамматика казахского языка» для школ, охватывающий проблемы синтаксиса в довольно большом масштабе. В классификации сложноподчиненных предложений авторы опирались на смысловые отношения между компонентами. В соответствии с этим признаком сложноподчиненные предложения разделены на 10 видов: 1. *Себеп-салдар бағыныңқылы* (придаточное предложение причины). 2. *Мезгілді бағыныңқылы* (придаточное предложение времени). 3. *Шартты бағыныңқылы* (придаточное предложение условия). 4. *Салыстырмалы бағыныңқылы* (придаточное предложение сравнения). 5. *Мақсатты бағыныңқылы* (придаточное предложение цели). 6. *Қарсылықты (ереуілді) бағыныңқылы* (придаточное предложение уступки). 7. *Нұсқаулы бағыныңқылы* (придаточное предложение указания). 8. *Іргелес бағыныңқылы* (придаточное предложение дольное). 9. *Аяулы бағыныңқылы* (придаточное предложение сравнения). 10. *Сілтеулі бағыныңқылы* (указательное придаточное предложение). Первые шесть в этой классификации, не учитывая терминальные различия, содержатся в учебнике 20-х гг. [Аманжолов, Сауранбаев 1939: 58–64].

В 1940 г. был издан учебник С.А. Аманжолова для студентов КазПИ, где указаны 18 видов сложноподчиненных предложений, но в последующих работах он отнесся критически к своей классификации и внес в нее изменения [Аманжолов 1940: 129].

Классификация сложноподчиненных предложений по смысловым отношениям освещена в книге С.С. Жиенбаева «Синтаксис мәселелері» (1941) и в учебнике для педучилищ Н.Т. Сауранбаева и Г.Б. Бегалиева (1944), также и в последующих трудах Н.Т. Сауранбаева (1945, 1948). Кроме того, этот вопрос освещался и в статьях, опубликованных в начале 40-х гг., но в них повторялись те же принципы, что были приняты еще в 20-е гг. Нет единого мнения не только в классификационном принципе и в терминах, но и в определении того, как обозначался каждый вид сложноподчиненных предложений [Кордабаев 1995: 111].

Учебное пособие Т.Р. Кордабаева «Синтаксис сложного предложения в казахском языке» для высших учебных заведений, изданное в 1961 г., перевыпус-

калось в 1966, 1971 и 1995 гг. Т.Р. Кордабаев выделяет 7 видов сложноподчиненных предложений: 1. *Шарт багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение условия). 2. *Қарсы багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение уступки). 3. *Салыстырма багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение сравнения). 4. *Себеп багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение причины). 5. *Мезгіл багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение времени). 6. *Қимыл-сын багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение образа действия). 7. *Мақсат багыныңқы сабақтас* (придаточное предложение цели) [Кордабаев 1995: 111, 112].

М.Б. Балакаев и Т.Р. Кордабаев в учебнике «Грамматика казахского языка. Синтаксис» (1961) для филологических факультетов университетов и педагогических институтов так же, как в учебном пособии Т.Р. Кордабаева «Синтаксис сложного предложения в казахском языке», выделяют 7 видов придаточных предложений [Балакаев, Кордабаев 1961: 234].

Авторы учебного пособия О.Б. Бүркіт, Ұ.Р. Ержанова, Б. Өмірзақов «Қазіргі қазақ тілінің грамматикалық құрылымы: морфология және синтаксис», составленного для филологов, студентов и языковедов, сложноподчиненные предложения делят на 8 видов. Кроме вышеперечисленных предложений они добавили придаточное предложение объяснения (*түсіндірмелі сабақтас*) [Бүркіт, Ержанова, Өмірзақов 2012: 272].

Авторы школьного учебника для 9 классов Т.Н. Ермакова, К.Ә. Бертілеуова, Р.А. Абишева выделяют 6 видов сложноподчиненных предложений, они не сочли нужным выделить придаточное предложение сравнения (*салыстырма багыныңқы сабақтас*) [Ермакова, Бертілеуова, Абишева 2019: 134].

В монографии К.К. Садировой «Изучение синтаксиса в тюркских языках (на основе материала башкирского, татарского и казахского языков)» автор рассматривает изучение синтаксиса в башкирском, татарском и казахском языках, приводит общие закономерности и особенности сложноподчиненных предложений для этих языков. Автор выделяет 8 видов сложноподчиненных предложений, где к классификации М.Б. Балакаева и Т.К. Кордабаева добавлено дольное сложноподчиненное предложение (*үлестес сабақтас құрмалас сөйлемдер*) [Садирова 2013: 67–70].

II. Сравнительный анализ сложноподчиненных предложений в башкирском и казахском языках

Синтаксический строй башкирского и казахского языков в плане употребления сложноподчиненных предложений очень схож. Далее рассмотрим указанные типы предложений, которые наиболее активно употребляются в сравниваемых языках, сопоставляя их по форме и содержанию. В первую очередь сюда можно отнести такие виды предложений, способы выражения которых практически идентичны для обоих языков.

1. Придаточное предложение времени

В башкирском языке в роли сказуемого выступают причастия и слова со значением времени *арала* ‘в промежутке времени’, *сакта* ‘тогда, в то время как’, *вакытта* ‘тогда, в то время как’. Между предложениями ставится запятая. Например: *Әсәһе үлгән сакта, Айбулатка ун дүрт йәш ине* (Н. Дәүләтшина) ‘Айбу-

лату было четырнадцать, когда умерла его мать'. В казахском языке функцию сказуемого также выполняют причастия и слова со значением времени, такие как *кезде* 'когда', *күнде* 'в то время как', *уақытта* 'тогда, в то время как', *шақта* 'тогда, в то время как'. Например: *Біз тың жерді игере бастаған кезде, жаңадан құрылып жатқан совхоздар үшін егіннің гектарына 8 центнерден өнім алуды белгіледік* 'Когда начали осваивать вспашные земли, мы определили для формирующихся совхозов собрать с каждого гектара земли по 8 центнеров урожая'.

2. Придаточное предложение причины

В роли сказуемого придаточного предложения причины в обоих языках выступает причастие прошедшего времени с суффиксами *-дан*, *-лықтан/-дықтан*, *-лектән/-діктен*. Например, башк.: *Әлә башка кеше булмагандан, без уның менән бик тиз үз кеше булып киттек* (Ә. Чаныш) 'Из-за того, что не было другого человека, мы с ним быстро нашли общий язык'; каз.: *Құлағына жайлы хабар тигендіктен, Ақан киіне бастады* (С. Жүнісов) 'Акан начал одеваться из-за того, что получил хорошую весть'.

3. Придаточное предложение цели

Средством подчинительной связи обычно являются не союзы, а послелогии: башк. *өсөн* / каз. *үшін*, башк. *тип* / каз. *деп*, выполняющие функцию союзов цели. В качестве сказуемого придаточного цели выступают глаголы повелительного наклонения. Между предложениями ставится запятая. Например, башк.: *Хезмәт халқы тыныс йоклаһын тип, төндәр буйы керпек какмайһың* (Н. Изелбай) 'Не смыкаешь глаза по ночам, чтобы трудящийся народ тихо спал'; каз.: *Соны Ербол біліп қоймасын деп, Әзімбай әдейі үндемеді* (М. Әуезов) 'Чтобы Ербол этого не узнал, Азимбай специально молчал'.

4. Придаточное предложение образа действия

Функцию сказуемого придаточного предложения для обоих языков выполняет причастие прошедшего времени с суффиксами *-дай*, *-дәй/-дей* или вспомогательное слово башк. *тигәндәй* / каз. *дегендей*. Например, башк.: *Азамат, бер ни булмагандай, тыныс кына йылмайып йөрөй* (Р. Солтангәрәев) 'Азамат тихо ходит с улыбкой, будто ничего не произошло'; каз.: *Балалары анасынан тугандай, түрлері бір келбетте* 'Дети будто родились от одной матери, все на одно лицо'.

5. Придаточное предложение сравнения

Функцию сказуемого придаточного предложения сравнения синтетического типа в обоих языках выполняют причастия прошедшего времени с аффиксом *-дай*, *-дәй/-дей*. Например, башк.: *Хәмзин корт саккандай ыргып торзо* 'Хамзин соскочил, как будто его ужалила пчела'; каз.: *Басының ішінде қорғасыны босаған бір ескі сақа жүргендей, бірдеме сықылдайтын сияқты* (Ғ. Мүсірепов) 'У него в голове что-то болтается, как будто там есть старая сака с расшатанным свинцом'.

6. Придаточное предложение условия

Роль сказуемого придаточного предложения выполняет глагол условного наклонения. Например, башк.: *Башлаусыһы булһа, кеүәтләүсәһе табылыр* (пословица) 'Если найдется, кто начнет, найдется и поддержка'; каз.: *Халық өз бақыты үшін күресетінін өзі білсе, оған ешбір жау төтеп бере алмайды* (Х. Есенжанов) 'Если народ узнает, что будет сражаться за свое счастье, никакой враг не сможет ему дать отпор'.

7. Придаточное предложение уступительное

Функцию сказуемого придаточного уступительного синтетического типа в обоих языках выполняют глаголы условного наклонения с частицами *-да, -дә, -за, -зә, -ла, -лә, -та, -тә*. Между предложениями ставится запятая. Например, башк.: *Һыу йылынып өлгөрмәһә лә, бала-саға, йәши-елкенсәк комло ярзы һырып алды* (Ш. Янбаев) ‘Хоть и вода не нагрелась, ребята наполнили берег’; каз.: *Шындықтың жүзі қанша суық болса да, тура қарауымыз керек* (Т. Ахтанов) ‘Насколько бы не была строгой правда, мы должны смотреть ей в глаза’.

Вышеназванные 7 видов сложноподчиненных предложений встречаются в исследованиях многих казахских ученых, но придаточное предложение подлежащее (*бастауыш бағыныңқы*), места (*мекен бағыныңқы*), определительное (*анықтауыш бағыныңқы*), дополнительное (*толықтауыш бағыныңқы*) придаточные предложения имеются только в классификации А. Байтурсынова, а придаточное предложение сказуемое – у К.К. Жубанова.

В то же время следует отметить, что придаточные предложения меры и степени (соотв. башк. *дәрәжә-күләм*) и придаточные предложения следствия (соотв. башк. *һөҙөмтә һөйләм*) не встречаются ни в одной работе казахских ученых, в то время как в казахском языке такие предложения весьма употребительны. На наш взгляд, все типы вышеупомянутых придаточных предложений, которые не изменились по своим структурно-семантическим особенностям с течением времени или в связи с изменениями принципов классификации сложноподчиненных предложений, требуют детального изучения со стороны лингвистов.

Далее мы рассмотрим другие виды придаточных предложений, которые имеются в обоих сравниваемых языках. Но если для башкирского языка они подробно описаны в монографиях и грамматиках, то для казахского языка они встречаются далеко не во всех исследованиях казахских ученых.

1. Придаточное предложение подлежащее

Функцию подлежащего придаточного предложения выполняют местоимения башк. *кем* / каз. *кім* ‘кто’ или башк. *нимә* / каз. *не* ‘что’, а в роли сказуемого – глагол условного наклонения. Указательное местоимение башк. *шул* / каз. *сол* ‘этот, тот’ выступает подлежащим главного предложения. Главное предложение употребляется после придаточного предложения, между ними ставится запятая. Например, башк.: *Кем йыш кына куркыу, хәүефкә бирелһә, шул башлыса куркак була* (Ғ. Хөсәйенов) ‘Кто всегда боится чего-то, тот обычно трус’; каз.: *Атаңа не қылсаң, алдыңа сол келер* (поговорка) ‘Что посеешь, то пожнешь’.

2. Придаточное предложение сказуемое

Роль сказуемого в главном предложении выполняет указательное местоимение башк. *шул* / каз. *сол* ‘этот, тот’, после главного предложения ставится двоеточие. Например, башк.: *Минең һиңә әйтәһе һүзем шул: ултырайык әле, зинһар, ултырайык* (А. Таһиров); каз.: *Менің саған айтар сөзім сол: отырайықшы, өтінемін, отырайық* ‘Мое слово, которое тебе предназначено, это сядем, пожалуйста, сядем’.

3. Определительное придаточное предложение

В придаточном предложении употребляется местоимение башк. *кемдең* / каз. *кімнің* ‘у кого’, а в главном предложении в роли определения употребляется ме-

стоимение башк. *шуның* / каз. *соның* ‘у того’. Между предложениями ставится запятая. Например, башк.: *Кемдең белеме бар, шуның кәзере бар* (пословица); каз.: *Кімнің білімі бар, соның қадірі бар* ‘У кого есть знание, у того есть уважение’.

4. Дополнительное придаточное предложение

Функцию сказуемого придаточного предложения синтетического типа выполняют причастия в форме исходного падежа. Например, башк.: *Тормош без уйлагандан рәхимһезерәк шул* (Н. Мусин); каз.: *Өмір біз ойлағаннан рақымсызырақ екен* ‘Жизнь беспощаднее, чем мы думали’.

5. Придаточное предложение места

В придаточном предложении роль обстоятельства места выполняют вопросительные местоимения башк. *кайза* / каз. *қайда* ‘где, куда’, баш. *кайзан* / каз. *қайдан* ‘откуда’, башк. *кайһы* / каз. *қайсы* ‘какой, который’, а в главном – указательные местоимения башк. *шунда* / каз. *сонда* ‘там, туда’, баш. *шунан* / каз. *содан* ‘оттуда’. Сказуемое придаточного предложения выражается изъявительным или условным наклонением. Например, башк.: *Коралай кайзан үтһә, башкорт кыззары ла шунан үтә алдылар* (И. Физзәтуллин) ‘Где прошла косуля, оттуда же смогли пройти башкирские девушки’; каз.: *Жел қайда қуса, қаңбақ та сонда домалайды* ‘Куда гонит ветер, туда же катится перекасти-поле’.

6. Придаточное предложение следствия

Характерная особенность придаточного предложения следствия в том, что оно употребляется после главного предложения и представлено только аналитическим типом. Придаточное присоединяется к главной части при помощи союзов, в главном предложении употребляется относительное слово башк. *шундай* / каз. *сондай* ‘настолько’. Например, башк.: *Шшимә шундай бәләкәй, хатта услап һыу алырлык та түгел* (Р. Солтангәрәев); каз.: *Бұлақ сондай кішкентай, тіпті алақанмен су ала алмайсың* ‘Родник настолько маленький, даже ладонь не наполнишь водой’.

7. Придаточное предложение меры и степени

Нередко в роли сказуемого придаточного предложения выступает деепричастие III формы. Например, башк.: *Канаттарым талғансы эзләүзән тукталмам* (Яр. Вәлиев); каз.: *Қанаттарым талғанша іздеуден тоқталмаймын* ‘Буду искать, пока крылья не устанут’.

Таким образом, нами выявлены общие закономерности и особенности сложноподчиненных предложений башкирского и казахского языков. В результате детального изучения структурно-семантических особенностей сложноподчиненных предложений исследуемых языков, можно сделать вывод о том, что несмотря на достаточно полное изучение синтаксиса сложного предложения в обоих языках, для казахского языка не наблюдается единообразия в классификации. По нашему убеждению, необходимо ввести в научный оборот такие понятия, как «придаточное предложение меры и степени» и «придаточное предложение следствия» в отношении синтаксиса казахского языка. Такие типы предложений активно употребляются в языке и речи, но не имеют официально закрепленного статуса. В дальнейшем имеет смысл провести подобное сопоставление и с другими тюркскими языками на предмет выявления подобных сходств и различий в употреблении сложноподчиненных предложений. В заключении подчеркнем, что

сравнительный анализ на структурном, семантическом и функциональном уровнях обеспечит всестороннее раскрытие специфики изучаемых языков.

Литература

- Аманжолов 1940 – *Аманжолов С.А.* Қазақ тілі ғылымы синтаксисінің қысқа курсы. – Алма-ата, 1940. – 145 б. {*S.A. Amanzholov.* The short course of Kazakh scientific syntax. – Alma-Ata, 1940. – 145 p. (In Kazakh.)}
- Аманжолов, Сауранбаев 1939 – *Аманжолов С.А., Сауранбаев Н.Т.* Қазақ тілінің грамматикасы. II бөлім: Синтаксис. Орталы және орта мектептерге арналған оқулық. – Алма-ата: Қазақ мемлекет баспасы, 1939. – 87 б. {*S.A. Amanzholov, N.T. Saūranbaev.* Grammar of the Kazakh language. 2nd Part: Syntax. A manual for high and middle schools. – Alma-Ata: Qazaq memleket baspasy, 1939. – 87 p. (In Kazakh.)}
- Байтұрсынұлы 2009 – *Байтұрсынұлы А.* Тіл – құрал. – Алматы: «Сардар» баспасы, 2009. – 348 б. {*A. Baytursynuly.* The Language – a manual. – Almaty: «Sardar» publishing house, 2009. – 348 p. (In Kazakh.)}
- Балақаев, Қордабаев 1961 – *Балақаев М.Б., Қордабаев Т.Р.* Қазіргі қазақ тілі грамматикасы: Синтаксис. Университеттер мен педагогтық институттардың филология факультеттеріне арналған оқулық. – Алматы: Қазақтың мемлекеттік оқу педагогика баспасы, 1961. – 293 б. {*M.B. Balakaev, T.R. Qordabaev.* Grammar of modern Kazakh language: Syntax. A manual for philological faculties of universities and pedagogical institutes. – Almaty: Qazaqtyn memlekettik oqu pedagogika baspasy, 1961. – 293 p. (In Kazakh.)}
- Бүркіт, Ержанова, Өмірзақов 2012 – *Бүркіт О.Б., Ержанова Ұ.Р., Өмірзақов Б.* Қазақ тілінің грамматикалық құрылымы: морфология және синтаксис: Оқу-әдістемелік құрал. – Орал: М. Өтемисов атындағы БҚМУ Баспа орталығы, 2012. – 299 б. {*O.B. Burkit, U.R. Erzanova, B. Ömirzaqov.* Morphological structure of the Kazakh language: morphology and syntax: learning and methodological manual. – Oral (Ural'sk): M. Ötemisov West Kazakhstan University Publishing centre, 2012. – 299 p. (In Kazakh.)}
- Валиева 2014 – *Валиева Л.Г.* Кондициональные и уступительные отношения в тюркских языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №2. – С. 4. {*L.G. Valiyeva.* Conditional and concessional relations in Turkic languages // Bulletin of Voronezh State University. Linguistics and intercultural communication series. – 2014. – No.2. – P. 4.}
- ВССРЯ 1950 – Вопросы синтаксиса современного русского языка / Ред. *В.В. Виноградов.* – М.: Учпедгиз, Перепечат, 1950. – 414 с. {The questions of modern Russian syntax / Edited by *V.V. Vinogradov.* – Moscow: Uchpedgiz, with binding, 1950. – 414 p.}
- ГСБЛЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. *А.А. Юлдашев.* – М.: Наука, 1981. – 495 с. {Grammar of modern Bashkir language / The responsible editor *A.A. Yuldashev.* – Moscow: Nauka, 1981. – 495 p. (In Russian.)}
- Ғәлиев 1938 – *Ғәлиев С.* Грамматика. Синтаксис. II кiшәк. – Өфө, 1938. {*S. Ghaliyev.* Grammar. Syntax. Volume 2. – Ufa, 1938. (In Bashkir.)}
- Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.–Л., 1948; М.: Наука, 2007. – 239 с. {*N.K. Dmitriyev.* Grammar of the Bashkir language. – Moscow–Leningrad, 1948; *Re-edited:* Moscow: Nauka, 2007. – 239 p. (In Russian.)}
- Ермекова, Бертiлеуова, Абишева 2019 – *Ермекова Т.Н., Бертiлеуова К.Ә., Абишева Р.А.* Қазақ тілі: жалпы бiлiм беретiн мектептің 9-сыныбына арналған оқулық. – Нұр-Сұлтан: Арман-ПВ, 2019. – 240 б. {*T.N. Ermekova, K.Ä. Bertileuova, R.A. Abisheva.* The Kazakh language: a manual for 9th grades of general secondary education schools. – Nur-Sultan: Arman-PV, 2019. – 240 p. (In Kazakh.)}
- Жұбанов 1966 – *Жұбанов Қ.Қ.* Қазақ тілі жөнiндегi зерттеулер. – Алма-ата: Наука, 1966. – 361 б. {*Q.Q. Zubanov.* Research of the Kazakh language. – Alma-ata: Nauka, 1966. – 361 p. (In Kazakh.)}
- Казембек 1846 – *Казембек М.А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1846. – С. 312. {*M.A. Kazembek.* General grammar of the Turco-Tatar language. – Kazan, 1846. – P. 312. (In Russian.)}
- Қордабаев 1995 – *Қордабаев Т.Р.* Қазақ тіліндегi құрмалас сөйлемдер синтаксисы (оқу құралы). 2-ші басылым. – Алматы: «Санат», 1995. – 176 б. {*T.R. Qordabaev.* Syntax of Kazakh complex sentences (a teaching manual), 2nd Edition. – Almaty: «Sanat», 1995. – 176 p. (In Kazakh.)}

- Садирова 2013 – *Садирова К.Қ.* Түркі тілдері синтаксисының зерттелуі: Монография/ Жауапты ред. Ж.А. Манкеева. – Алматы: «Үшқиян» баспасы, 2013. – 86 б. {*K.Q. Sadirova. Syntax research of Turkic languages: A monograph. / Responsible editor: Z.A. Mankeeva. – Almaty: «Üşqıān» publishing house, 2013. – 86 p. (In Kazakh.)*}
- Сәйетбатталов 2002 – *Сәйетбатталов F.F.* Башкорт теле. 2-се том. Кушмаһөйләм синтаксисы. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б. {*Gh.Gh. Sayitbattalov. The Bashkir language. Volume 2. Syntax of complex sentences. – Ufa: Kitap, 2002. – 432 p. (In Bashkir.)*}
- Сәмситова 2005 – *Сәмситова Л.Х.* Хәзерге башкорт теле. Кушмаһөйләм синтаксисы: Курс программаһы. – Өфө: Вагант, 2005. – 32 б. {*L.Kh. Samsitova. Modern Bashkir language. Syntax of complex sentences: An educational program. – Ufa: Vagant, 2005. – 32 p. (In Bashkir.)*}
- Сәмситова, Таһирова, Рәхимова, Исламова 2017 – *Сәмситова Л.Х., Таһирова С.А., Рәхимова Э.Ф., Исламова Т.М.* Башкорт теле. Кушмаһөйләм синтаксисы: Укытыу туған (башкорт) телендә алып барылған дөйөм белем биреу ойшмаларының 8-се класы өсөн укыу кулланмаһы. – Өфө: Китап, 2017. – 208 б. {*L.Kh. Samsitova, S.A. Tahirova, E.F. Rakhimova, T.M. Islamova. The Bashkir language. Syntax of complex sentences: A guide-book for teaching the mother (Bashkir) tongue in the 8th grade of general education schools. – Ufa: Kitap, 2017. – 208 p. (In Bashkir.)*}
- Троянский 1814 – *Троянский А.* Краткая грамматика татарского языка. – Петербург, 1814. – С. 87. {*A. Trojanskiy. A short grammar of the Tatar language. – Saint-Peterburg, 1814. – P. 87. (In Russian.)*}
- Әхмәр 1933 – *Әхмәр К.З.* Грамматика. II кичәк, синтаксис. – Өфө, 1933. {*K.Z. Akhmer. Grammar. Volume 2: Syntax. – Ufa, 1933.*}

COMPLEX SENTENCES IN THE BASHKIR AND KAZAKH LANGUAGES

L.Kh. Samsitova, I.Zh. Sagynbek

Ufa

Summary: The article discusses the functional and semantic features of grammatical forms as part of a complex sentence. Here are analysed some different types of classification, and also are listed the results of a comparative study of the structural and semantic features of complex sentences in the discussed languages. It was found that not all of the types of sentences were noted in previous scientific works. The terms “subordinate measure and level clause” and “consequential subordinate clause” were introduced for the first time for Kazakh language.

Key words: grammar, syntax, complex sentence, Turkic languages, Bashkir language, Kazakh language.

ОНОМАСТИКА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЙКОНИМОВ ДЖИЗАКСКОЙ ОБЛАСТИ

Х.Х. Давурова

г. Ташкент (Узбекистан)

Резюме: В данной статье излагается история изучения ойконимов Джизакской области, анализируются научно-исследовательские труды ученых-топонимистов Узбекистана. В формировании ойконимии Джизакской области Республики Узбекистан отмечаются лингвистический и экстралингвистический факторы. Лингвистический фактор отмечается в образовании ойконимов от нарицательных и собственных имен существительных. Экстралингвистический фактор связан с образованием ойконимов на основе знаков и тотемов. Последовательно рассматриваются лексико-семантические особенности ойконимов Джизакской области, представлена классификация этой группы лексики.

Ключевые слова: узбекская топонимика, ойконим, этноним, семантика, экстралингвистика, лингвистика, апеллатив, антропоним.

I. История изучения топонимов в узбекском языкознании

Каждый культурный человек должен знать историю своих предков, происхождение названия места своего рождения, историю родного края. Особый пласт лексики любого языка составляют ойконимы. Научной задачей данной статьи является изучение ойконимов Джизакской области Республики Узбекистан, проведение историко-лингвистического анализа этой группы лексики, а также определение лексико-семантических особенностей данных слов.

Историческое развитие узбекской топонимики хронологически можно разделить на следующие периоды:

1) древнетюркские топонимы, соотносимые с такими источниками, как «Авеста», орхоно-енисейские памятники, первоначальная религиозная литература до X в., топонимы этого периода относятся к малоизученным;

2) топонимы X–XV вв., встречающиеся в произведениях таких авторов, как Юсуф Хос Хажиб, Махмуд Кашгари, Ахмад Югнаки, Ахмад Ясави, эти топонимы также не были всесторонне проанализированы с научной точки зрения;

Давурова Холида Хайдаровна – соискатель Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои; e-mail: davurova72@bk.ru

3) топонимы, встречающиеся в произведениях таких ученых, как Алишер Навои, Захриддин Мухаммад Бабур, Огахий, Фуркат, топонимы этого периода также изучены только частично;

4) топонимы советского периода с 20-х по 80-е гг. XX в. частично проанализированы;

5) топонимы с 90-х гг. XX в. до наших дней мы называем созданными в период независимости.

В Центральной Азии встречаются интересные сведения об ойконимах во многих работах ученых. В частности, в произведении Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» приводятся названия поселений тюркских племен и родов, наряду со сведениями о самих племенах и родах. В этой работе автор также упоминает, что кипчаки образуют большую группу тюркских народов [Кашгари 1963]. Основная часть родов, представляющих кипчакские племена, проживала на территории современной Джизакской области. Поэтому названия родов кипчакского племени сохранились в Джизакской области как названия областей и населенных пунктов, в которых они жили, то есть как этноойконимы. В частности, такие этноойконимы, как Бешбола, Чувуллак (Галляаральский район), Куштамгали (Заминский район), Акбуйра (Зарбдарский район), Айтамгали (Форишский район), Туякли (Бахмалский район), Чумичли (Шараф-Рашидовский район) были названиями кипчакских родов.

В труде великого мыслителя Захриддина Мухаммада Бабура «Бабурнаме» упоминаются названия 1034 населенных пунктов Средней Азии, приведены интересные сведения о городе Джизаке и селе Пишагар. В частности, он пишет о том, что 3–4 дня побывал в Джизаке, что город имеет удобное географическое положение, приводит сведения о красоте здешней природы, воспеваает сладость и изобилие дынь и винограда, восхищается дешевизной жирного мяса и белого хлеба. Он добавляет, что здесь они чувствовали себя в безопасности [Бабур 2008]. Кроме этого, Бабур рассказывает, что в расположенное на территории Замина село Пишагар он добрался до наступления зимы, что он прежде жил некоторое время в этом селе, находящемся не очень далеко от главной дороги [Бабур 2008: 43–45].

Известно, что со второй половины XX в. в бывшем Советском фонде культуры и отделе литературы и языка Академии наук регулярно проводились научные конференции на тему «Исторические названия – наследие культуры» для исследователей, интересующихся происхождением и судьбой названий местностей. В сборниках этой конференции публиковались статьи по проблемам изучения топонимов и этнотопонимов.

В нашей республике также проводится большая научно-исследовательская работа по решению проблемных вопросов узбекского языкознания, в частности, изучения топонимики. Ученый-языковед Н. Ахунов утверждал, что топонимы являются источником, который передает факты для целого ряда разделов науки: истории языка, исторической диалектологии, истории, этнографии, географии, биологии [Ахунов 1984].

Внесший большой вклад в изучение топонимов Узбекистана доктор географических наук, профессор Х. Хасанов в своей книге «Из истории топонимов Средней Азии» кратко описывает историю географических названий. В данной

книге ученый излагает основные понятия топонимики, классификацию топонимов, разбирает примеры топонимов Средней Азии [Хасанов 1965]. Также в этом произведении мы можем найти интересную информацию об ойконимах.

Научные труды географа, ученого-топонимиста С. Караева занимают особое место при изучении топонимов Республики Узбекистан. Автор опубликовал такие работы, как «Топонимика» (1970), «Этнотопонимика» (1979) и толковые словари: «Знаете ли вы значение географических названий?» (1970) и «Значение географических названий» (1978), «Топонимика – наука о названиях мест» (1980), «Топонимы областей Узбекистана» (1990).

Свой вклад в изучение топонимии Узбекистана внес языковед З. Дусимов. Ученый исследует топонимы Хорезма и этапы их развития, дает представление об истории и этимологии многих названий. Он проводит сравнительный анализ типов топонимов и представляет их классификацию на структурно-лингвистической основе и по происхождению наименований. Ученый считает, что географические названия – это не «мертвые» слова, а в топонимах отражалась история жизни народа и языка [Дусимов 1985]. Автор в своей монографии «Топонимы Хорезма» (1985) представил полное описание истории развития 20 топонимов, включая этимологию, модели их образования и морфологическую структуру.

В развитие ономастики Узбекистана ценный вклад внес и известный топонимист, профессор Т. Нафасов. Его исследования «Этнолингвистический анализ топонимии Южного Узбекистана» (1985), «Почему ваша деревня так называлась?» (1989), «Узбекская ономастика» (1993) имеют большое научное значение. В этих трудах были всесторонне раскрыты этнолингвистические слои топонимии юга Узбекистана, проанализирована фонетическая, семантическая и грамматическая структура топонимов, генетически принадлежащих к языкам разных групп, изложена этимология названий многих кишлаков. Словарь этого ученого, который называется «Толковый словарь топонимов Узбекистана» (1988), характеризуется анализом топонимов на лингвистической основе: автор объясняет как генетическое происхождение, так и морфологическую структуру топонимов [Нафасов 1985].

В исследовательских работах Н. Ахунова уделяется внимание географическим названиям. Важное значение имеют его работы «Что такое антропонимика?» (1984), «Местности и наименования» (1986), «Язык и топонимы» (1988), «Топонимы и особенности их названий» (1989), которые опубликованы издательствами «Узбекистан» и «Фан». В его работе «Топонимы и особенности их названий» представлены названия многих населенных пунктов нашего края, дается объяснение происхождения и значений ойконимов, в том числе проводится научный анализ таких типов топонимов, как макротопонимы, микротопонимы, этноойконимы, полисонимы, оронимы, гидронимы, агронимы [Ахунов 1989].

Наряду с другими учеными известный топонимист, профессор Э. Бегматов в своей работе «Исследование проблем узбекской антропонимики» дает подробное представление о принципах выбора названий мест и имен людей, их историко-этнографическом происхождении. Кроме того, имеются важные сведения по классификации топонимов и образованию этноантропонимов [Бегматов 1965].

Ученый-лингвист С. Наимов в своей диссертации «Ойконимы Бухарской области», изучая эту категорию топонимов, отметил значительную роль этноойко-

нимов в топонимике и ввел в употребление термины антропоойконимы, этноойконимы, ойконимы, отражающие сущность этнотопонимов, подвергнув их научному анализу [Наимов 1984]. В этой исследовательской работе ученый приходит к выводу, что по обилию мест, названных в честь этнических названий различных родов, особенно отличаются Зарафшанская долина и южные районы Республики Узбекистан.

Большое значение для узбекской топонимики имеют и научно-исследовательские труды доктора филологических наук, профессора Т. Эназарова «Историко-сопоставительное исследование топонимов территории Шахрисабза» [Эназаров 1983] и «Топонимы Узбекистана: семантические основы и пути этимологического исследования» [Эназаров 2006].

В годы независимости был проведен ряд научно-исследовательских работ, посвященных актуальным проблемам узбекского языкознания. В этом направлении большой вклад в развитие топонимической науки в Узбекистане внесли С. Караев, Т. Нафасов, Б. Уринбаев, С. Найимов и А. Закиров, научные открытия которых значительно продвинули развитие этой области научного знания. Ученый-топонимист С. Караев, характеризуя предмет топонимии, отмечает, что изучение топонимии имеет большое значение для истории географии и теории языка. Например, в своей работе «Топонимы областей Узбекистана» основное внимание автор уделяет географическому расположению, структуре и происхождению топонимов [Караев 2005].

Продолжил свои исследования в области топонимики и ранее упомянутый ученый Т. Нафасов. Помимо новой трактовки топонимов, приведенных в трудах других ученых, в его работе изложено происхождение и многих других географических названий [Нафасов 1993]. На основании своих сравнительно-исторических исследований ученый приходит к выводу, что названия древнейших поселений являются этнонимами, поэтому ученый уделяет особое внимание географическому расположению при интерпретации смысла этноойконимов, анализу вопросов их возникновения. Этнотопонимы он считает отдельными ономастическими единицами, принадлежащими к лексико-смысловым группам системы топонимов.

II. Вопросы изучения топонимов Джизакской области

В узбекском языкознании имеется ряд работ, в той или иной степени посвященных топонимике Джизакской области. Так, известный ученый-топонимист Б. Уринбаев в работе «Истолкование топонимов Джизака» в алфавитном порядке расположил 556 ойконимов, являющихся одним из видов топонимов, с подробным разъяснением каждого из них. Ученый отдельно остановился на типах ойконимов по номенклатурному признаку – этноойконимы, антропоойконимы, гидроойконимы, ороойконимы, фитоойконимы. Например, он выделяет такие этноойконимы, как Барлос (Бахмалский район), Бешкал (Заминский и Галляаральский районы), Тулибай (Форишский район), Туякли (Бахмалский район), антропоойконимы, как Улугбек (Шараф-Рашидовский район), Шодмон (Бахмалский район), Юсупов (Арнасайский район), Кахрамон, Гафур Гулям (Дустликский район), гидроойконимы, как Ташбулак, Тамчи (Галляаральский район), Узунбулак, Ялбулак (Форишский район), Карасай (Мирзачулский район), Карасув (Бах-

малский район), оройконимы, как Тепа (Галляаральский район), Талбаши (Форишский район), Катартал, Караташ (Бахмалский район), фитоойконимы, как Тутли (Галляаральский район), Узумзар, Чаманзар (Пахтакорский район), Чим-курган (Зафарабадский район) [Уринбаев 2007]. Среди них ученый выявил 412 топонима в Самаркандской области и 135 этноойконимов в Джизакской области.

Кандидат филологических наук А. Закиров, защитивший научную работу на тему «Топонимы Джизакской области», отмечал, что названия народов, племен, родов и мест, наименования которых связаны с их небольшой частью, основаны на разных источниках:

- 1) этнонимы, образованные на основе тамговых знаков;
- 2) этнонимы, основанные на тотемных понятиях;
- 3) этнонимы, основанные на числовых обозначениях.

Эти же этнические названия передались названиям мест и образовали этно-топонимы [Закиров 1991: 2–3]. В данном исследовании проведен этнический, генетический, этимологический и лингвистический анализ этнотопонимов.

В работах Х. Дониёрова «Генеалогия и диалектика узбекского народа» и К. Шониёзова «К этнической истории узбекского народа» приведены сведения о представителях 92 узбекских племен, проживавших в Джизакской области, и подробно изложено о таких из них, как минг, кирк, жалойир, саройкунгирот, найман, кипчок, козок, калмок, катагон, кенас, урокли, мангит, ковчин, кангли, шеркангли, киргиз, еттиуруг, китаюз, карапчи, барлос, чигатой, карлук, уймовут, болгали, хитой, турк [Дониёров 1968; Шониёзов 1974]. Эти этнонимы нашли свое отражение в формировании этноойконимов Джизакской области. Помимо перечисленных этнонимов, существуют также названия мест, созданные из множества других апеллятивов.

Рассматривая историю изучения ойконимов Джизакской области, следует исследовать их, в первую очередь, с лексико-семантической стороны, а разделение их на тематические группы позволило бы продемонстрировать особенности языка, связанные с разными аспектами жизни народа. В этом отношении метод тематической классификации обладает лингвосоциологической ценностью. На основании тематического исследования проявляются этнонимы, послужившие основой для ойконимов, и выявляются лексико-семантические особенности этноойконимов, образованных от них.

III. Классификация ойконимов Джизакской области

Ойконимы различаются как по лексико-семантическому значению, так и по своему морфологическому составу. В соответствии с этим, важную роль в формировании ойконимов играют лингвистические и экстралингвистические факторы. Согласно лексико-семантическим особенностям, ойконимы можно разделить на следующие группы:

1. Ойконимы, сформированные на основе лингвистических факторов, которые, в свою очередь, бывают двух видов:
 - а) ойконимы, образованные от нарицательных имен существительных;
 - б) ойконимы, образованные от собственных имен существительных.
2. Ойконимы, сформированные на основе экстралингвистических факторов.

Ойконимы, образованные от нарицательных имен существительных, обладают богатым и разнообразным смысловым содержанием.

Известно, что природа очень богата на цвета и краски, соответственно, разнообразны и сформированные на основе таких названий ойконимы. Ученый-этнограф К. Шониёзов так писал о возникновении этнонимов на основе слов, обозначающих цвета и оттенки: «В древние времена тюркские племена, проживавшие в Алтае и Южной Сибири, именовали стороны света *север, юг, восток* и *запад* названиями цветов. Черный цвет обозначал север, красный – юг, синий – запад, белый – восток, желтый цвет выражал центр. У людей, состоящих в союзе определенного племени, вошло в привычку располагаться на местности, исходя из сторон света, а по прошествии времени названия сторон, выраженные цветами, превратились в этнонимы» [Шониёзов 1990].

В составе ойконимов Джизакской области существуют этноойконимы, связанные с цветообозначениями *белый, черный, красный, синий, желтый* [Караев 1970]. Эти сведения подтверждают правильность ранее приведенного утверждения К. Шониёзова. Слова *белый* и *черный* широко используются во многих названиях местностей. Существуют различные мнения относительно использования в качестве этнонимов и находящихся в составе этноойконимов таких цветообозначений, как *белый, черный, синий, красный* и *желтый*.

Классик отечественной тюркологии А.Н. Кононов, высказывая свое мнение о семантике слов *белый* и *черный* в составе географических терминов, установил связь слова *белый* с глаголом *протекать* [Кононов 1954: 83–85].

Как утверждает ученый-топонимист Т. Нафасов, слово *қора* ‘черный’ в составе топонимов передает такие значения: возвышенность, небольшая возвышенность на равнине, бугорок (холмик), маленький холм; земля, подземелье; родник, река; великий, выдающийся, всемогущий, сильный, большой [Нафасов 1988]. А русский историк, востоковед и ученый-этнограф Н.А. Аристов высказывает свое мнение о желтом цвете, выражающем этноним, который использовался на Востоке в отношении людей, представителей высокого сословия аристократов, относящихся к царской семье [Аристов 1896: 11–12].

Известный русский ученый Н.А. Баскаков выделяет в составе этнонимов слово *қизил* ‘красный’ и соотносит его с южными огузами [Баскаков 1965: 92–94], а А.Н. Кононов, описывая слово *қўк* ‘синий’, используемый в качестве этнонима, интерпретирует его как «лесные турки» [Кононов 1980].

Ойконимы, образованные с помощью слов-цветообозначений

а) слова *белый, черный, синий, красный* и *желтый*, вошедшие в состав новых слов, обозначающих названия пунктов проживания населения, – гузары, махалли, аулы, районы, городки: *Окбуйра* ‘название племени рода хонгужа’ (Зарбдарский район), *Кора* ‘название племени рода кипчак’ (Бахмалский район), *Корахон* ‘имя человека родом из кораханов’, *Куктепа* ‘голубая вершина’ (Форишский район), *Коракуйли* ‘название рода племени кирк’, *Кукгумбаз* ‘голубой купол’ (Галляаральский район). В таких названиях не сохранилось значение названия цвета, за критерий взят ряд естественных, а также социальных признаков: объем объекта, количество, вид, структура, какой категорией людей они созданы и кому служат [Нафасов 1989];

б) слова, обозначающие цвет и используемые вместе со словами, характеризующими названия водных объектов, – пруд, родник, арык, река: *Кукбулок* ‘голубой родник’, *Каттаарик* ‘большой арык’ (Галляаральский район), *Окбулок* ‘белый родник’ (Заминский район), *Оксув* ‘белая вода’ (Бахмалский район), в частности, входят в эту категорию [Уринбаев 2007: 30–31];

в) ойконимы, образованные с помощью слов, характеризующих структуру земной поверхности, – камень, песок, овраг, глубина, холм, возвышенность, гора, в сочетании со словами, означающими цвет, выражают виды рельефа и природу, ее естественную среду: *Коратош* ‘черный камень’, *Октепа* ‘белая вершина’ (Заминский район), *Октош* ‘белый камень’, *Оккургон* ‘белая крепость’ (Бахмалский район);

г) слова, означающие цвет и качество, используемые вместе с этнонимами, формируют этноойконимы; они, в свою очередь, подразделяются на два вида:

1) этнонимы, в состав которых входят названия одежды и головных уборов: *Коракаллок* ‘черная шапка’, *Корачакмон* ‘черный кафтан’, *Куктунли* ‘черный халат’, от которых позднее появились названия кишлаков и населенных пунктов;

2) соединение слов, означающих цвета и оттенки, с названиями узбекских родовых племен, которые легли в основу таких названий как *окбуйра*, *окмулла*, *окдантуккан*, *кора*, *корабой*, *корагуили*, *кораабдал*, *корабаганали*, *коракон*, *коракурсок* [Уринбаев 2007: 41–42].

Большинство из перечисленных этнонимов стали основой для образования этноойконимов. Рассмотрим более подробно следующие названия мест в районах Джизакской области:

Окбуйра – кишлак в Зарбдорском районе; ответвление под названием *окбуйра* рода *конгужа* (*хонгужа*), входящего в состав племени Китайизи, легло в основу этноойконима.

Окмулла – название кишлака в Бахмальском районе. Слово *ок* ‘белый’ также используется в значении ‘чистый, безгреховный, не запятнавший свою честь’, считается названием рода; *мулла* – ‘купол, возведенный над могилой, ворох земли’.

Окдантуккан – название кишлака в Фаришском районе, букв. означает ‘рожденный от рода ок’. В составе кунградского племени узбеков существуют такие патронимы, как *бегдан туккан*, *шердан туккан*, *худоердан туккан*, в составе племени лакай – *аваздан туккан*, *жонондан туккан*, *каршидан туккан*, *туклидан туккан*, *дунондан туккан*, то есть потомки племен, рожденные от одного предка; по своей морфологической структуре такие названия образованы от названий племен и родов в исходном падеже в сочетании с причастием прош. вр. *туккан* ‘рожденный’.

Кора – название кишлака в Бахмальском районе. Одно из сорока ответвлений, входящих в состав племени кипчак, называлось *кора* ‘черный’, оно входит в состав многих других ойконимов.

Кораабдал – название кишлака в Фаришском районе; *Абдал* является одной из этнических групп узбеков – это племя, сыгравшее важную роль в этногенезе народов Индии, Афганистана и Средней Азии (известен народ эфталиты, считающиеся потомками хайталов; в сирийских, греческих источниках *хайталов* называли *абдалами*). Само слово *хайтал* (*абдал*) имеет значения ‘богатырь, смелый, храбрый человек’, ‘нищий, отшельник’. Племя абдал есть также и в этническом составе туркмен.

Корабаганали – название кишлака в Фаришском районе; племя *Каранчи* делится на 12 родов, один из родов данного племени назывался *баганали*, а этноним *Корабаганали*, в свою очередь, считается одним из ответвлений рода *баганали*.

Корахон – название кишлака в Фаришском районе; одно из узбекских ответвлений *аралов* называлось *корахон*. Помимо этого, здесь проживали племена из рода *корахонов*, поэтому кишлаку дали такое название; этноним стал основой образования этноойконима.

Коракурсок – название кишлаков в Бахмальском и Заминском районах; одна часть рода *вахтамгали*, входящего в состав племени *Кунгирот*, называлась *коракурсок*, что легло в основу формирования этноойконима.

Таким образом, из примеров очевидно, что названия цветообозначений широко используются в составе этнонимов, которые, в свою очередь, являются основой для образования ойконимов.

Ойконимы, образованные с помощью количественных числительных

К таким можно отнести *Бешўғил* ‘пятеро сыновей’, *Еттиуруғ* ‘семь родов’, *Саккизуруғ* ‘восемь родов’ и др., образованные сочетанием количественных числительных с названием таких слов, как *ўғил* ‘сын’, *уруғ* ‘род’, *бола* ‘ребенок’, *қозоқ* ‘казак’ (название одного из родов, общего для узбеков и казахов) и др. В частности, таким образом образованы названия кишлаков *Бешбола* в Фаришском и Галляаральском районах, *Бешкал* – в Галляаральском и Зааминском районах Джизакской области [Уринбаев 2007: 5–6]. По такому же типу образованы названия кишлаков иранского происхождения *Чорбоғ* и *Чортанг* в Фаришском районе Джизакской области: *Чорбоғ* (*чор* ‘четыре’, *боғ* ‘сад’), *Чортанг* (*чор* ‘четыре’, *танги* ‘теснины’).

Ойконимы, образованные с помощью слов с пространственным значением

В образовании ойконимов узбекского языка широко используются слова с пространственным обозначением: *паст* ‘низ’, *куйи* ‘нижний’, *юқори* ‘верхний’, *ўрта* ‘средний’, а также иранизмы: *боло* ‘сверху’, *поён* ‘снизу’. Эти слова, входящие в состав ойконимов, означают пространственное расположение топонимических объектов. В частности, к таким ойконимам можно отнести следующие названия: *Пасткисармич*, *Юқорисармич* (Янгиабадский район), *Юқорисиргали*, *Куйисиргали* (Заминский район), *Юқориучма*, *Куйиучма* (Фаришский район), *Пастболгали* (Галляаральский район), *Пастикозоковул*, *Юқорикозоковул* (Мирзачулский район).

Иногда названия этих ойконимов могут также означать и превосходство над другими по месторасположению, количеству, силе, качеству, уровню и т. д. Наиболее отчетливо такой смысл проявляется в ойконимах, в составе которых употреблено слово *ўрта* ‘средний’. В таком контексте слово *средний* означает место, точку, центр, расположенные на одинаковом расстоянии от крайних частей поверхности по направлению к центру, а также подразумевает равноправное партнерство, равноправное использование. В частности, сюда можно отнести такие названия местностей, как *Уртакишлоқ* ‘средний кишлак’ (Бахмалский район),

Уртаовул ‘средний аул’, *Уртатукай* ‘средняя долина’ (Форишский район), *Урта* ‘средний’ (Галляаральский район).

Ойконимы, образованные с помощью слов со значением размера и объема

В составе ойконимов, выражающих размер/объем, участвуют следующие слова: *катта* ‘большой’, *кенг* ‘широкий’, *тор* ‘узкий’, *узун* ‘длинный’, *чукур* ‘глубокий’, *йирик* ‘крупный’, *майда* ‘мелкий’. Такого вида ойконимы можно подразделить на следующие подгруппы:

1) сравнительно большой размер/объем; сформированные на их основе ойконимы образовали такие названия мест, как *Каттаминг* (Галляаральский район), *Каттамурк* и *Каттакора* (Бахмалский район);

2) сравнительно небольшой размер/объем; сформированные на их основе ойконимы привели к образованию таких названий местностей, как *Кичикминг* (Галляаральский район), *Кичикнайман* (Заминский район);

3) слова, передающие значения ‘вытянутый’, ‘высокий’, ‘рослый’, ‘далеко’; сформированные на их основе ойконимы способствовали появлению следующих названий мест: *Узункишлак* (Галляаральский район), *Узунли* (Заминский район), *Узуновул* (Мирзачулский район). В данном контексте этноним *узун* ‘длинный’ – это название рода в составе группы казахских племенных объединений уртажуз Зарафшанских и казахских кипчаков [Востров, Муканов 1968]. Отмечено существование рода *узун* также и в составе Ферганских кипчаков. «В действительности, скотоводы ставили клеймо на переднюю и заднюю лапы или ягодицу животного. Племя, клеймившее передние лапы скота, называлось родом *узун*» [Шониёзов 1990]. Помимо этого, существуют ответвления рода *банди кучук*, относящегося к отделу *куштамгали* племени *Кунгирот*: *куса*, *узун*, *бешогоч*, *бойбоир*, *жовуб*, *дамгорин*, *галамулла*, *хужа*. Из большей части этих этнонимов тоже сформировались ойконимы.

Таким образом, этноойконимы, сформированные на основе слов, выражающих значения цвета и качества, количества, места и объема объекта, занимают важное место в формировании системы ойконимов Джизакской области.

Ойконимы, образованные от апеллятивов собственных имен существительных

Как известно, к антропонимам относятся имена, фамилии, отчества людей, прозвища и клички. Встречаются случаи, когда определенная этническая группа и род обретают название благодаря именам, фамилиям, а также прозвищам и кличкам людей. Сформированные на их основе названия мест жительства называются антропоойконимами.

Антропоойконимы – продукт длительного исторического периода. Этот вид ойконимов начал создаваться с появлением классов в обществе, с возникновением строя собственников. В результате формирования феодального общества, основанного на частной собственности, подобные названия стали встречаться чаще. В то время, когда каждый участок земли являлся чьим-то личным владением, естественно, имя хозяина являлось особенной отличительной чертой [Никонов 1965]. В результате местности получали свои названия по именам, фамилиям или

прозвищам крупных землевладельцев – феодалов, родоначальников и основателей династий, местных правителей.

Сведения, собранные по Джизакской области, показывают, что в прошлом присвоение названий местам по именам собственным происходило по различным критериям, в связи с чем можно выделить следующие подгруппы антропонимов:

1. Наименование местностей, названных именами или фамилиями людей: *Абай* (Форишский район), *Абдужабборов*, *Кахрамон*, *Олимжон* (Шараф-Рашидовский район), *Беруний*, *Карим*, *Рашидов* (Заминский район), *Бобур* (Арнасайский район), *Бувайша*, *Бурон*, *Дусмат*, *Шодмон* (Бахмалский район), *Гагарин* (Мирзачулский район), *Дадажонов*, *Гафур Гулям* (Дустликский район), *Юсупов* (Арнасайский район), *Тимирязев* (Зафарабадский район), *Рахимов*, *Ойбек* (Зарбдарский район), *Охунбобоев* (Галляаральский район), *Икромов* (Пахтакорский район) могут быть примером для этого типа ойконимов.

2. В составе некоторых ойконимов присутствуют слова *бой* ‘богатый’, *бек* ‘титул знатного лица; правитель какого-либо района или города в среднеазиатских ханствах в эпоху феодализма’, *хан* (*хон*) ‘правитель, хозяин, владелец’, *хўжа* ‘ходжа, представитель некогда привилегированного сословия в Средней Азии’, *эшон* ‘ишан (духовное лицо)’, которые в сочетании с именами собственными образуют названия местностей: *Юлдашбой*, *Мамирбой*, *Шойбек* (Бахмалский район), *Курбонхожи*, *Темирхон* (Форишский район), *Тулибой*, *Кандибой*, *Корабой* (Форишский район) и др. В большинстве случаев в основе этих ойконимов лежат этнонимы [Кармышева 1976], потому что переход имен родоначальников, предводителей племен и групп в названия этнических групп считается обычным явлением для многих языков.

3. Ойконимы, образованные с помощью соединения имени собственного со словами, обозначающими группу людей, например, в Бахмальском районе Джизакской области есть кишлак *Шодмонтўпи*. Слово состоит из названия одного из ответвлений рода *солин*, входившего в состав племени *юз*, которое называется *шодмонтўпи*, и слова *тўп*, которое в составе ойконимов обозначает ‘род, группу, толпу, этническую и территориальную группу’.

4. Ойконимы, образованные на основе имен и прозвищ людей, например, в Галляаральском районе Джизакской области есть кишлак с названием *Куса*. Одно из ответвлений рода *коракунгирот*, относящегося к ответвлению *вахтамгали* племени *Кунгирот*, называется *куса*. В составе племен кипчаков, кенагасов и лакаев также имеется род *куса*. Ойконим *Мирзакесак* – название кишлака в Галляаральском районе. Один из родов киргизов назывался *кесак*. Ойконим *Мирзакесак* сформирован на основе соединения имени и рода. Слова в составе антропоойконимов: *куса* ‘острый’, *кал* ‘лысый’, *соков* ‘немой’ кроме значения прозвищ, также являются патронимами и этнонимами [Нафасов 1988].

5. Ойконимы, образованные путем добавления к собственным именам людей топонимических определений: *тепа* ‘возвышенность’, *овул* ‘аул’, *қудуқ* ‘колодец’, *рават* ‘сторожевой пост в укрепленной стене’, *караван-сарай* ‘укрепленная стоянка на торговом пути’, ‘постоялый двор’, *равот* ‘небольшой пригород’, *кент* ‘городок, селение’, *кишлак* ‘село, селение’, *қўрғон* ‘крепость, укрепление’, *чўп* ‘лучинка, веточка’, *қўтон* ‘стадо баранов, загон’. В качестве примера можем

привести кишлак *Эшматовул* в Зааминском районе Джизакской области. Этот ойконим назван именем человека-основателя данного кишлака по имени *Эшмат* и присоединенного к нему слова *овул* 'аул'. В том же районе расположен кишлак *Хайиткултепа*, о котором известно, что он расположен на возвышенности и что его основал человек по имени *Хайиткул*. По своей синтаксической конструкции такие названия являются изафетами: *Эшматовул* – букв. 'аул Эшмата', *Хайиткултепа* – букв. 'возвышенность, созданная Хайиткулом'.

6. Ойконимы, образованные путем соединения имени человека с терминами родства *ота* 'отец' и *бобо* 'дед', например, в Фаришском районе Джизакской области ойконимы *Хайдарота*, *Хасанота*, *Сафарота*, в Галляаральском районе ойконим *Давронбобо*. Сюда же можно отнести ойконимы с компонентом *обод* 'благоустроенный' – в Шараф-Рашидовском районе ойконим *Пахтаобод*, ойконимы *Зафаробод* и *Янгиобод* в Джизакской области и др.

В изучении лексико-семантических особенностей ойконимов также важное место занимают экстралингвистические факторы. В частности, многие этнонимы появились на основе тотемов и тамговых знаков, принятых в качестве знака отличия родами и племенами.

Образ жизни людей периода родовых и племенных отношений коренным образом влиял не только на производственные, но и на социальные отношения и взаимосвязи между людьми.

Принимая во внимание влияние экстралингвистических факторов и на основе собранных по Джизакской области материалов, ойконимы можно классифицировать следующим образом:

1. Этнонимы, появившиеся на основе тотемов.

Как известно, на основе тотемистических представлений древние роды и племена брали для именованя своего рода названия различных животных. Абдулгозий Баходирхон в своем произведении «Шажараи тарокима» в разделе «Значение имен внуков Угузхана, гербов и поминание птиц» приводит названия птиц, считавшихся для них тотемом, таких, как кречет, орел, филин, ястреб-стервятник, сокол-дербник, сокол, хумо, старый ястреб-самец, ворона, цапля [Тохиров 1995].

Этнонимы, появившиеся на основе тотемов, существуют не только в тюркских и монгольских языках, но и во многих других языках и у различных народов. Особенно широко они распространены среди народов Австралии, Северной и Южной Америки, Меланезии, Полинезии и Африки. В племени сенека у американских индейцев существуют роды, названные такими животными, как волк, медведь, черепаха, олень, кулик, цапля, сокол и лиса. В составе племен нганасан, проживающих в Сибири, существуют такие роды, как орел, ворона, журавль [Ващенко, Долгих 1962: 178–182] и т. д.

В составе этноойконимов Джизакской области присутствуют такие этнонимы, как *бӯри* 'волк', *от* 'пони', *қўзичок* 'ягненок', *жайрон* 'сайгак', *лайлак* 'аист', *тойлоқ* 'жеребенок', *қарга* 'ворона', *ёввойи эшак* 'кулан', *қушча* 'птенчик', *қўй* 'баран', *илон* 'змея', *бургут* 'орел', образованные на основе названий тотемных животных.

Например, в Шараф-Рашидовском районе Джизакской области есть кишлак под названием *Каркарали*. Так называлась одна из ветвей племени кипчаков. Из-

вестно, что есть и птица под названием *каркара*, являющаяся тотемом. С помощью присоединения аффикса *-ли* к тотему образовался этноним. А из этого этнонима сформирован этноойконим *Каркарали*. В Галляаральском районе Джизакской области есть кишлак *Тайлак*, название которого также связано с тотемом. *Тайлак* – это детеныш верблюдицы, верблюжонок. На основе этого тотема образовался этноним. А из этнонима, соответственно, этноойконим *Тайлак*. Таким образом, тотемы имели важное значение в появлении этнонимов. Позже эти же этнонимы явились основой для формирования этноойконимов.

2. Этнонимы, возникшие на основе тамговых знаков. Тамговым знаком называется знак, используемый для отличия племен, родов, предметов, скота, продуктов. Каждый род и племя обладали своим специальным тамговым знаком.

Махмуд Кашгари в своем произведении «Диван лугат ат-турк» повествовал более чем о 20 тюркских племенах, напоминая о том, что их отличал друг от друга личный тамговый знак. Он утверждал, что по этим тамговым знакам и различали роды и племена. Абдулгази Баходирхон в своем произведении «Шажараи тарокима» приводил сведения о следующих тамговых знаках: *койи, баёт, алка уйли, корауйли, ёзир, ясир, дудуога, авшар, кизик, бекдили, кархин, байиндир, бажана, човулдур, чапқин, салор, имир, ола юнатли, урагир, игдир, букдиз, аво, киник* [Тохилов 1995].

В качестве примеров ойконимов, встречающихся в Джизакской области и образованных от названий, обозначающих тамговый знак, в сочетании с этнонимом, можно привести следующие названия мест: *Аламли* (Галляаральский район), *Ачамайли, Ойтамгали* (Форишский район), *Куштамгали* (Заминский район).

Таким образом, тамговый знак, которым изначально клеймили бедра лошадей и скот путем прижигания и который первоначально служил знаком отличия, позднее превратился в этнический термин. Не нужно забывать также и то, что в изучении этнонимов одним из важнейших вопросов считается установление и обозначение их тотемной или тамгово-знаковой основы.

В заключение следует отметить, что в данной статье впервые представлена достаточно подробная классификация ойконимов Джизакской области. Ойконимы были изучены на основе исторических источников с привлечением научно-исследовательских трудов ведущих ученых-топонимистов Узбекистана. Для определения лексико-семантических особенностей ойконимов учитывались как лингвистические, а так и экстралингвистические факторы.

Литература

- Аристов 1896 – *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, и сведения об их численности // Живая старина. – СПб., 1896. – Вып. 3–4. – С. 1–12. {*N.A. Aristov. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities, and information about their numbers // Living antiquity. – Saint-Petersburg, 1896. – Issue 3–4. – PP. 1–12. (In Russian)*}
- Ахунов 1984 – *Охунов Н.* Антропонимика нима? (Что такое антропонимика?) – Ташкент: Ўқитувчи, 1984. {*N. Okhunov. What is anthroponymy? – Tashkent: Ўқитувчи, 1984.*}
- Ахунов 1989 – *Охунов Н.* Топонимы и особенности их названий. – Ташкент: Фан, 1989. – 52 с. {*N. Okhunov. Toponyms and features of their naming. – Tashkent: Fan, 1989. – 52 p. (In Uzbek)*}
- Бабур 2008 – *Захриддин Мухаммад Бабур.* Бобурнаме. – Ташкент, 2008. – 241 с. {*Zahriddin Muhammad Babur. Boburname. – Tashkent, 2008. – 241 p. (In Russian)*}

- Баскаков 1965 – *Баскаков Н.А.* К истории изучения туркменского языка / Акад. наук Туркм. ССР. Ин-т языка и литературы им. Махтумкули. – Ашхабад: Туркменистан, 1965. – 36 с. {*N.A. Basakov.* To the history of research of the Turkmen language / Academy of Sciences of the Turkmen SSR. Makhtumkuli Institute of Language and Literature. – Ashkhabad: Turkmenistan, 1965. – 36 p. (In Russian)}
- Бегматов 1965 – *Бегматов Э.* Антропонирика узбекского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1965. – 28 с. {*E. Begmatov.* Anthroponymy of the Uzbek language: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1965. – 28 p. (In Uzbek)}
- Ващенко, Долгих 1962 – *Ващенко П.Т., Долгих Б.О.* Предания о тотемических названиях родов у нагасан // Советская этнография. – 1962. – №3. – С. 178–182. {*P.T. Vashchenko, B.O. Dolgikh.* Tales of the totemic names of the clans of Nagasans // Soviet ethnography. – 1962. – No. 3. – PP. 178–182. (In Russian)}
- Востров, Муканов 1968 – *Востров В.В., Муканов В.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX века). – Алма-Ата: Наука, 1968. – 255 с. {*V.V. Vostrov, V.S. Mukanov.* The tribal structure and resettlement of the Kazakhs (late 19th–early 20th century). – Alma-Ata: Nauka, 1968. – 255 p. (In Russian)}
- Дониёров 1968 – *Дониёров Х.* Генеология и диалектика узбекского народа. – Ташкент: Фан, 1968. – 98 с. {*Kh. Donyorov.* Genealogy and dialectics of the Uzbek people. – Tashkent: Fan, 1968. – 98 p. (In Uzbek)}
- Дусимов 1970 – *Дусимов З.* Топонимы Северного Хорезма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1970. – 20 с. {*Z. Dusimov.* Toponyms of Northern Khwarazm: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1970. – 181 p.}
- Дусимов 1985 – *Дусимов З.* Хоразм топонимлари. – Тошкент: Фан, 1985. – 79 б. {*Z. Dusimov.* Toponyms of Khwarazm. – Tashkent: Fan, 1985. – 79 p. (In Uzbek)}
- Закиров 1991 – *Закиров А.* Топонимы Джизакской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 1991. – 20 с. {*A. Zakirov.* Toponymy of the Jizzakh region: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1991. – 20 p. (In Russian)}
- Караев 1970 – *Караев С.* Знаете ли вы значение географических названий? – Ташкент: Узбекистан, 1970. – 190 с. {*S. Karayev.* Do you know the meaning of place names? – Tashkent: Uzbekistan Publishing House, 1970. – 190 p. (In Uzbek)}
- Караев 1980 – *Караев С.* Топонимика – наука о названиях мест. – Ташкент: Фан, 1980. – 51 с. {*S. Karayev.* Toponymy – the science of place names. – Tashkent: Fan, 1980. – 51 p. (In Uzbek)}
- Караев 1990 1991 – *Караев С.К.* Топонимика Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1991. – 129 с. {*S.K. Karayev.* Toponymy of Uzbekistan. – Tashkent: Fan, 1991. – 129 p.}
- Караев 2005 – *Қараев С.* Ўзбекистон вилоятлари топонимлари. – Ташкент/Тошкент: O'zbekiston Milliy ensiklopediyasi, 2005. – 240 б. {*S. Karayev.* Toponyms of Provinces of Uzbekistan. – Tashkent: Uzbek National encyclopedia, 2005. – 240 p. (In Uzbek)}
- Кармышева 1976 – *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана по этнографическим данным. – М.: Наука, 1976. – 323 с. {*B.Kh. Karmysheva.* Sketches of ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan according to ethnographic data. – Moscow: Nauka, 1976. – 323 p. (In Russian)}
- Кашгари 1963 – *Махмуд Кашгару.* Собрание тюркских языков. 3-й том. – Ташкент: Фан, 1963. – 499 с. {*Mahmud Koshghariy.* The Collection of Turkic languages. 3rd volume. – Tashkent: Fan, 1963. – 499 p. (In Uzbek)}
- Кононов 1954 – *Кононов А.Н.* О семантике слов «кара» и «ак» в тюркской географической номенклатуре // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. – Сталинабад, 1954. – №5. – С. 83–85. {*A.N. Kononov.* On the semantics of the words «kara» and «ak» in Turkic geographical nomenclature // Bulletin of Department of Social Sciences, Academy of Sciences of the Tajik SSR. – Stalinabad, 1954. – No. 5. – PP. 83–85.}
- Кононов 1980 – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с. {*A.N. Kononov.* Grammar of the language of Turkic runic monuments of the VII–IX centuries. – Leningrad: Nauka, 1980. – 255 p. (In Russian)}
- Наимов 1984 – *Наимов С.* Ойконимы Бухарской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1984. – 25 с. {*S. Naimov.* Oikonymy of Bukhara region: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1984. – 25 p. (In Russian)}

- Нафасов 1985 – *Нафасов Т.* Этнолингвистический анализ топонимии Южного Узбекистана. – Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. пед. ин-та, 1985. – 122 с. {*T. Nafasov.* Ethnolinguistic analysis of toponymy of the Southern Uzbekistan. – Tashkent: Tashkent State Pedagogical Institute publishing house, 1985. – 122 p.}
- Нафасов 1988 – *Нафасов Т.* Толковый словарь топонимов Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1988. – 45 с. {*T. Nafasov.* Explanatory dictionary of toponyms of Uzbekistan. – Tashkent: Fan, 1988. – 288 p. (In Uzbek)}
- Нафасов 1989 – *Нафасов Т.* Почему наша деревня так называется? – Ташкент: Фан, 1989. – 100 с. {*T. Nafasov.* Why our kishlak is so called? – Tashkent: Fan, 1989. – 100 p. (In Uzbek)}
- Нафасов 1993 – *Нафасов Т.* Учебный толковый словарь топонимов узбекского языка. – Карши: Насаф, 1997. – 123 с. {*T. Nafasov.* The Learning Explanatory Dictionary of Toponyms of the Uzbek Language. – Karshi: Nasaf, 1997. – 123 p.}
- Никонов 1965 – *Никонов В.А.* Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 179 с. {*V.A. Nikonov.* Introduction to toponymics. – Moscow: Nauka, 1965. – 179 p. (In Russian)}
- Тохилов 1995 – *Тохилов К.* Абулғозий Баходирхон. «Шажараи тарокима». Исследование, текст, словарь. – Самарканд, 1995. – 71 с. {*K. Tokhirov.* Abulghazy Bahodirxon. «Shajarah-i tarokima». A Research, text, and dictionary. – Samarkand, 1995. – 71 p. (In Uzbek)}
- Уринбаев 2007 – *Уринбаев Б.* Истолкование топонимов Джизака. – Самарканд, 2007. – 80 с. {*B. Urinboev.* Explanation of the place names of Jizzakh. – Samarkand, 2007. – 80 p. (In Uzbek)}
- Хасанов 1985 – *Хасанов Х.* Из истории названий мест Средней Азии. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – 81 с. {*Kh. Khasanov.* From the history of the names of places in Central Asia. – Tashkent: Ukituvchi, 1985. – 81 p. (In Uzbek)}
- Шониёзов 1974 – *Шониёзов К.* К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: Фан, 1974. – 346 с. {*K. Shoniyoov.* On the ethnic history of the Uzbek people. – Tashkent: Fan, 1974. – 346 p. (In Russian)}
- Шониёзов 1990 – *Шониёзов К.* Государство кангов и канги. – Ташкент: Фан, 1990. – 168 с. {*K. Shoniyoov.* The Kankalis States and People. – Tashkent: Fan, 1990. – 168 p. (In Uzbek)}
- Эназаров 1983 – *Эназаров Т.* Историко-сравнительный анализ названий мест в Шахрисабзском регионе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1983. – 24 с. {*T. Enazarov.* Historical and comparative analysis of place names in the Shahrisabz region: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 1983. – 24 p. (In Uzbek)}
- Эназаров 2006 – *Эназаров Т.* Ўзбекистон топонимлари: луғавий асослари ва этимологик тадқиқи йўллари. Филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун тақдим этилган диссертация автореферати. – Тошкент/Ташкент, 2006. {*T. Enazarov.* Toponyms of Uzbekistan: lexical stems and the ways of etymological research: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent, 2006.}

LEXICAL AND SEMANTICAL PECULIARITIES OF OIKONYMS OF THE JIZZAKH REGION

Kh.H. Davurova

Tashkent

Summary: This article sets out the history of the study of oikonyms of the Jizzakh region. Here are analyzed the history of oikonyms, the scientific research works of scholars, e.g. toponymists of Uzbekistan. The lexico-semantic features of the oikonyms of this area are successively identified. The formation of oikonyms is distinguished by two factors of influence: linguistic and extra-linguistic. The linguistic factor is based on the formation of oikonyms from appellatives of common and proper nouns. And the extralinguistic factor is associated with the formation of oikonyms based on signs and totems.

Key words: oikonym, ethnonym, semantics, extralinguistics, linguistics, appellatives, anthroponyms.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РАССКАЗ «ЗОВ РОДИНЫ» АЛТАЙСКОГО ПРОЗАИКА Д. КАИНЧИНА В ФОЛЬКЛОРНО- МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Н.М. Киндикова

г. Горно-Алтайск

Резюме: В рассказе «Зов Родины» Дибаша Каинчина четко прослежены особенности национального мировидения алтайского этноса. Кодовые символы и понятия способствуют созданию этнической картины мира алтайцев. Мифологические сюжеты и сцены, символические образы и мотивы, фольклорные темы и идеи подчеркивают национальную самобытность и индивидуальное своеобразие прозаика Д.Б. Каинчина.

Ключевые слова: мифопоэтика прозаика Д. Каинчина, фольклорные, исторические образы и символы, родословная алтайцев, зов родины.

Национальная картина мира, как особое взаимодействие человека со всем, что его окружает, представляет собой систему сведений, знаний, представлений о мире, которые заложены в мифологии, философии, языке, этнологии, фольклоре каждого народа. Но у каждого человека складывается свое индивидуальное восприятие истоков национальной культуры и ее нравственных норм, особенно четко оно проявляется у поэтов и писателей. В связи с этим вызывает интерес проблема самобытности национальной литературы. Художественная литература достаточно полно реализует особенности национального мышления, освоения и преобразования мира. «Художник национальный космос познает и творит национальный космос. Художественное произведение – это как бы национальное устройство мира в удвоении» отмечает Г.Д. Гачев [Гачев 1999]. При этом художественный мир автора, рассматриваемый, по мнению Бахтина, как система, включает в себя наиболее значимую модель мира – время-пространство, определяющую координаты человеческого бытия. Картина мира выявляется через отношение человека к пространству и времени: «Ощущение человеком своей величины, своего места и роли в мире передается, прежде всего, в способе восприятия и передачи им пространства...» [Бахтин 1975].

Киндикова Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета; e-mail: temene@mail.ru

На сегодня актуальной проблематикой является создание национальной картины мира в прозе современных тюркоязычных народов художественными средствами. В произведениях национальных писателей четко прослеживаются этнические особенности духовной жизни, связанные с мифопоэтическими представлениями предков, историей и культурой того или иного этноса. К числу таких авторов относятся и алтайские писатели. Выявление и описание мифопоэтики в их произведениях способствовало бы воссозданию этнической картины мира алтайцев. Тем не менее, на сегодняшний день нет отдельных монографических исследований по национальной картине мира как целостного единства, существующего из отдельных, но системно взаимосвязанных факторов художественного освоения мира, отражаемого в алтайской литературе.

В данной статье на примере рассказа «Зов Родины» Дибаша Каинчина прослеживается функционирование национальных символов, мифологические сюжеты, фольклорные образы и мотивы, предания, художественная составляющая образа малой родины писателя.

Дибаш Берукович Каинчин (1938–2012) – известный алтайский писатель, произведения которого переведены на русский, эстонский и якутский языки. Творчество Дибаша Каинчина представляет одну из ярких страниц в истории алтайской литературы, занимает особое место в национальной художественной культуре, так как оно наиболее полно и глубоко выражает этническую ментальность алтайцев, их этноэстетическую и мировоззренческую природу. Особое место в его творчестве занимает жанр рассказа. Для писателя это стало той жанровой формой, в которой его талант проявляется наиболее ярко.

Представленный рассказ является отрывком из повести «Дети кедра» (1986). В алтайском варианте текст существует под названием «Адалар јолы» («Дорога отцов») [Каинчин 1989: 306–397]. Хотя повесть написана в постперестроечное время, а отрывок ее опубликован в форме рассказа лишь в 2004 г. [Каинчин 2004: 57–74], это произведение в целом посвящено не вернувшимся с фронта участникам Великой Отечественной войны.

Рассказ «Зов Родины» переведен на русский язык Д. Константиновским. При художественном переводе оригинала на русский язык переводчиком удивительно тонко и точно сохранены этнические, эпические традиции, культурные коды, образные выражения, лексические особенности языка. Все это проявляется в сохранении оригинального названия горы Бай-Туу (Священная гора), упоминании символа – кедра, коновязи, одного из родов алтайцев – *кергил*, исторических и литературных имен героев. К примеру, Эр-Чадак – историческое лицо, окропление огня, четырех сторон света – это в обычаях и традициях алтайцев. Также повесть дорога читателям тем, что подстрочник подготовлен автором при жизни.

Сюжет повести очень интересно построен, действия героев тесно взаимосвязаны, хотя живут они в разных временных пространствах.

В рассказе «Зов Родины» Дибаша Каинчина действуют всего три героя. Композиционно он состоит из двух пластов: фольклорного и исторического. К историческому пласту можно отнести повествование о том, что когда-то Эр-Чадак, предводитель монгольского войска, хотел завоевать алтайский народ, покорить Алтай, но не смог. Первым героем является старик Чагандай, угнанный монголами, который мечтал *«хоть ползком добраться ...до Алтая»*, но ему не удалось.

В памяти старика Алтай остался вечным, *«сверкающим, твердокаменным»*. В то же время образ Алтая представлен в виде символической горы Бай-Туу (Священная гора), *«покрытой кедрами разлапистыми»*.

Вторым героем является семнадцатилетний раб Кертегеш из рода *кергил*, оказавшийся в плену. Именно ему Эр-Чадак обещал *«сладкую жизнь»* (буквально «жирную» – Н.К.), если тот первым отыщет трехглавую змею у подножия горы Бай-Туу, согласно преданию старика Чагандая. В данном случае, *«кто найдет трехглавую змею, тот окажется в достатке, как “почка в сале”»* (*«Луунын ортозында бөөрөк болор»*). Это – авторская интерпретация алтайской сказки о жемчужине змеи. Кто найдет этот *талисман (эрјине)*, тот будет понимать язык зверей и птиц. Так же гласит народное предание – *«И это еще не все. Семьдесят народов под Солнцем и Луною – всех семидесяти будешь знать языки...»*

Кертегеш первым из тысячи подчиненных выполнил задание Эр-Чадака. По приказу Эр-Чадака, он должен был сначала окропить огонь жиром, вытекшим из первой головы змеи. Затем окропить вселенную, точнее, четыре стороны света, небо с солнцем и луною жиром со второй головы змеи, а вот жир, извлеченный из третьей головы змеи, он, вместо того чтобы подать в золотой чаше самому Эр-Чадаку, незаметно от подчиненных «проглотил» сам, словно прозрачную ключевую воду. Кертегеш не пожелал выполнять последнее задание, у него была мечта – обрести свободу, вернуться на родину, не жить на чужбине. Отныне Кертегеш начал слышать и понимать голоса зверей и птиц. Однажды Кертегеш услышал разговор двух оседланных лошадей – аргымаков у коновязи. Один аргымак, скакун, жалуется другому: *«Изболелось сердце, печень тает от тоски, отыскался бы седок хороший, умчался бы я домой, туда, где родные поляны, ложбины»* (это выражение точно и глубоко передает тоску героя по родине, ностальгию по Алтаю – Н.К.). У Кертегеша после такого разговора пробудился *сильнейший зов родины*, он без промедления помчался домой на крылатом коне-аргамаке по кличке Мясистая Кобыла. За ним помчался жеребец Стригунок. Мечту плененного народа о возвращении на родину осуществил Кертегеш, сумевший вырваться из плена, благодаря крылатому аргамаку – герою эпического фольклора алтайцев. В рассказе подчеркивается, что *«С тех пор на Алтае распространились потомки из рода “кергил”, одного из многочисленных родов алтайского народа»*.

Третьим героем является фронтовик, бывший табунщик Саадак, на поле боя он слышит знакомое ржание и узнает коня по кличке Кер-Бее, пригнанного с Алтая. При встрече со знакомым конем он готов был умчаться на этой лошади домой, на Алтай, как богатыри из сказаний. Но в тот момент он не смог так поступить, потому что должен был защищать свою Родину от фашистов. Но был убежден, что коня надо вывести из боя, может, он уцелеет и вернется домой. И действительно, животное уцелело, через бескрайние степи оно чудом возвратилось на Алтай. Эту лошадь в тайге узнал табунщик Токтон, друг Саадака. Саадак не вернулся с поля боя, но его родословная продолжена единственным его сыном по имени Бабыш, художником по профессии. В рассказе отмечается, что впоследствии от легендарного коня Кер-Бее разрослась порода лошадей. В народе не случайно сказано: *«От человека растет человек, от лошадей множатся лошади»*.

В рассказе «Зов Родины» Дибаш Каинчин с его обостренным интересом к национальной культуре и тонким ощущением всех оттенков народной жизни создал своеобразный художественный мир и самобытный, неповторимый способ его изображения. В произведении функционируют мифологические сюжеты, сцены, символические образы и мотивы, фольклорные темы и идеи, подчеркивающие национальную картину мира алтайцев в новых исторических условиях. В данном рассказе писатель сумел в малом жанровом объеме поставить и решить конкретные и общие проблемы человеческого бытия, что достигается не только характером пространственно-временных отношений, но и конструктивным построением прозы. Изначально выбранный объектом художественного изображения родной национально-этнический мир воссоздается художником в неповторимых, сугубо алтайских характерах. Художник с любовью к родному народу, к его национальным традициям сумел передать переживание в его тонких нюансах и переливах. Также в рассказе четко вырисовывается образ Алтая с его священными горами и целебными источниками, символическим образом вечнозеленого кедра, упоминанием родословной у алтайцев и т.д.

В повести, в состав которой входит рассказ «Зов Родины», четко прослеживаются мотивы и образы родины, дороги, коня, человека. Неслучайно повесть впоследствии была переименована автором и вышла под названием «Дети кедра» вместо первоначального названия «Дорога отцов». Тем самым Д. Каинчин подчеркивает мысль о том, что дорогу отцов продолжили их сыновья, в историческом и современном понимании. А малочисленный алтайский народ остался на своей малой родине, несмотря на разнообразные исторические события далеких и недавних времен. По мысли автора, исторически народы не исчезают бесследно, если есть его родная земля, родина. Дороги отцов продолжают их дети. Новое название повести – «Дети кедра» – символизирует современных алтайцев, одного из тюркских народов России. Как известно, кедр или можжевельник – это один из символических образов Алтая. Вспомним, к примеру, стихотворения «Я – горного кедра колючая ветка» поэта Бориса Укачина или «Можжевельник» поэта Бронтоя Бедюрова.

В повести функционируют и другие мифологемы: тотемные птицы и звери, родовая гора и коновязь, священные деревья и целебные источники. Из всего этого формируется образ вечного Алтая. А традиционные образы и символы способствуют созданию национальной картины мира в прозе Дибаша Каинчина. Углубляясь в мифопоэтику рассказа, можно определить национальный образ Алтая: *«айга-күнге жалтыраган Алтай, барбак мөйшти жабынган Байлу туу»* – «Солнцелунный Алтай, покрытая вечнозелеными кедрами Священная гора». Покой этой горы охраняет трехглавая Змея – здесь наблюдаем параллель с семиглавым Дельбегеном из алтайских сказок. В данном контексте она выступает в роли хозяина горы Бай-Туу.

Также отметим, что в повести, в состав которой входит исследуемый рассказ, сосредоточен сгусток художественной мысли автора в историческом и современном понимании. И самое главное, в этой повести четко прослежены особенности национального мировидения, сохранение этнических констант алтайцев в новых исторических условиях. А в самом названии повести заключены кодовые символы и понятия авторского мировосприятия.

Литература

- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 448 с. {*M.M. Bakhtin. Questions of literature and aesthetics.* – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. – 448 p.}
- Гачев 1999 – *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с. {*G.D. Gachev. National images of the world. Eurasia – the cosmos of a nomad, a farmer, and a mountaineer.* – Moscow: Institute DIDIK, 1999. – 368 p.}
- Искания 2018 – Идеино-художественные искания алтайских писателей второй половины XX – начала XXI вв. (К 80-летию Д.Б. Каинчина). Сборник статей. – Горно-Алтайск, 2018. – 200 с. {*Ideological and artistic searches of Altai writers of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. (To the 80th anniversary of D. B. Kainchin).* Collection of articles. – Gorno-Altaysk, 2018. – 200 p.}
- Каинчин 1989 – *Каинчин Д.Б.* Адалар жолы (Дорога отцов) // К. Телесов, Д. Каинчин. Современные алтайские повести (на алтайском языке). Повести и рассказы. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1989. – С. 306–397. {*D.B. Kainchin. Adalar joly (The Road of the Fathers)* // K. Telesov, D. Kainchin. Modern Altai novels (in Altai). Tales and short stories. – Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysky branch of the Altai book publishing house, 1989. – PP. 306–397.}
- Каинчин 2004 – *Каинчин Д.Б.* Родины зов // Каинчин Д.Б. Лунная соната. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 71–74. {*D.B. Kainchin. Homeland Call* // Kainchin D.B. Moonlight Sonata. – Gorno-Altaysk, 2004. – PP. 71–74.}
- Мастер 2002 – Мастер художественного слова / Сөстін журукчызы. (Статьи о творчестве Д.Б. Каинчина). – Горно-Алтайск, 2002. – 80 с. {*Master of the word / Söstin jurukčyzy. (Articles about the work of D.B. Kainchin).* – Gorno-Altaysk, 2002. – 80 p.}
- Султанов 2001 – *Султанов К.К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. – М.: ИМЛИ РАН, 2001. – 117 с. {*K.K. Sultanov. National identity and value orientations of literature.* – Moscow: IMLI RAS, 2001. – 117 p.}

“HOMELAND CALL” – A STORY OF ALTAI PROSAIST D. KAINCHIN FROM THE STANDPOINT OF FOLKLORE AND MYTH

N.M. Kindikova

Gorno-Altaysk

Summary: The story «Homeland Call» by Dibash Kainchin is devoted to the features of the national worldview. Code symbols and concepts contribute to the creation of an ethnic picture of the Altai world. Mythological subjects and scenes, symbolic images and motives, folklore themes and ideas emphasize the national identity and individual identity of the prose writer D.B. Kainchin.

Key words: Mythopoetics of the prose writer D. Kainchin, folklore, historical images and symbols, genealogy of the Altai people, call of homeland.

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ XIX В. О СЮЖЕТАХ «ЧИНГИЗНАМЕ» В БАШКИРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ И ФОЛЬКЛОРЕ

М.Х. Надергулов
г. Уфа

Резюме: В статье в сравнительном плане анализируются русские переводы башкирских легенд о Чингиз-хане из письменного наследия ученых-краеведов XIX в. В.И. Даля, И.И. Лепехина, Р.Г. Игнатьева, А.В. Попова и П.С. Назарова. Отмечается, что эти записи имеют общие и отличительные моменты с содержанием первой главы историко-литературного сочинения «Чингизнаме» неизвестного автора, созданного, предположительно, в конце XVI–начале XVII вв. Текст легенды из фонда А.В. Попова вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: «Чингизнаме», башкирские легенды о Чингиз-хане, исследования русских краеведов.

В прошлые века, вернее, в XVIII–XIX столетиях, широкое распространение и популярность среди башкир и татар получило историко-литературное сочинение неизвестного автора под названием «Чингизнаме» («Книга о Чингизе»). Первоначальный вариант его был написан, предположительно, в конце XVI–начале XVII вв. Об этом свидетельствуют имеющиеся в тексте народные предания и легенды эпохи Золотой Орды. Окончательно же сочинение было оформлено в конце XVII столетия, ибо самое позднее событие, упомянутое в нем, – это башкирское восстание 1681–1683 гг. под предводительством Сайта Джагафара. Такого мнения, к примеру, придерживался татарский историк М.А. Усманов [Усманов 1972: 52].

Сочинение «Чингизнаме» состоит из введения и шести глав. Введение связано лишь с первой и в очень незначительной степени второй главами. В нем приводится генеалогия предков и потомков Чингиз-хана. Первая глава посвящена Чингиз-хану, вторая – Аксак Тимеру (Хромому Тамерлану), третья – сыну Гайсы Амату. Этим главам характерны легендарность, сюжетность, образность и эмоционально-экспрессивное описание былых событий, поэтому они представляют большой интерес как памятники словесного искусства. Остальные три главы сравнительно небольшие. В них представлены родословия царей, ханов и вкратце описаны некоторые события, происходившие во времена их правления. По своим жанровым особенностям они приближены к произведениям средневековой восточной агиографической литературы.

Надергулов Минлегали Хусаинович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, e-mail: nadergul@mail.ru

«Чингизнаме», которое в течение долгого времени бытовало в рукописном виде (у населения и поныне встречаются его арабографичные рукописные списки на старотюркском языке), затем было издано отдельными книгами в Казани в 1822 и 1882 гг., имеет много общих мотивов с башкирскими арабографичными письменными памятниками и фольклором. Это особенно характерно его первой главе, названной в последнем издании «Фасыл фи баяни дастан насли Чингизхан» («Глава, рассказывающая дастан о роде Чингиз-хана»).

В данной главе повествуется о чудесном рождении Чингиза и его приходе к власти. Все события происходят на Южном Урале, и одними из главных героев выступают башкирские родоначальники Уйшын Майкы-бей, Юрматы-бей, Кипчак-бей, Тамъян-бей, Муйтен-бей и другие. Сюжет главы весьма своеобразен и интересен. Ханская дочь Гуламалик, забеременев от солнечного луча, рождает сына, жена которого Алангуа после смерти мужа, также с божьей помощью, рождает Чингиза. Последний, повзрослев, становится правителем и любимцем народа. Однако из-за вражды завистливых братьев он вынужден скрываться у горно-степных казахов. Главы родов после долгих поисков находят его и с помощью данного его матерью колечка в виде условного знака-пароля уговаривают возвратиться на родину. Снова заняв престол, Чингиз-хан дарует беям родовые атрибуты: дерево, птицу, клич и тамгу.

Вот некоторые отрывки из главы в нашем переводе на русский язык: «В прежние времена на Средиземном (досл.: Белом) море находился город Мальта. Имя правителя того города было Алтун-хан (Золото-хан). Имя его ханши (жены хана. – *М.Н.*) – Кюрляюч (Изобилие). У этих двух правителей родилась дочь. Имя ей дали Гуламалик Кюркли (Красавица Царица Роз). Ее никогда не показывали ни луне, ни солнцу, а держали в каменной башне толщиной сорок обхватов. И была Красавица Царица Роз такова: как только рассмеется, то на засохшем дереве распускаются листья, как только расчесет волосы, то (перед ней) рассыпается бриллиант, как только плюнет, то рассыпается золото...».

Как видно, первые же строки сочинения отличаются яркой образностью и беллетризованностью, сюжет интригует и увлекает читателя, пробуждает у него интерес к дальнейшему чтению.

Ход дальнейших событий в произведении таков: несмотря на все старания, родители не смогли уберечь свою дочь. Однажды Красавица Царица Роз открывает окно и показывается солнечному лучу. От этого луча она становится беременной. Спустя некоторое время ее навещает отец и замечает веснушки на лице дочери. Он сообщает об этом своей жене, и они, стараясь избежать позора, сажают дочь в золотую лодку и отправляют в «свободное» плавание по «Северному» морю. После долгих странствований Красавица Царица Роз попадает в руки Тумаул-мэргэна (Смугляка-Силача) (его имя упомянуто во введении), который, убедившись в том, что она, будучи беременной, сохранила свою девственность, с радостью женится на ней.

Надо сказать, что этот же мотив встречается и в башкирской народной легенде «Племя тангауров». В ней говорится следующее:

«В очень давние времена в некоем городе Макине у Белого моря жил хан, у которого была красавица дочь Кулямялек Курклык. Отец прятал ее от посторонних глаз в темнице. Здесь она забеременела от солнечного луча. Тогда рас-

серженный хан посадил ее в серебряную лодку, которая затерялась в Аральском море. Лодку увидели два предка бурзян и тангауров и еще на берегу поделили между собой добычу: лодка достанется бурзянскому батыру, а то, что в лодке, – тангаурскому. Выловив лодку, батыры увидели в ней ханскую дочь. Батыр тангауров женился на красавице и от них пошло племя тангауров...» [БПИЛ 1985: 81].

После смерти своего отца правителем страны становится Тумаул-мэргэн. У них рождается сын, которого нарекают Дуйын-Баяном. Немного спустя Гула-малик рождает еще двух сыновей от Тумаула – Буданатая и Белгутая. Опасаясь борьбы сыновей за власть, отец переселяет их в «страну калмыков».

Дуйын-Баян женится на Алангуа. Она тоже из рода Алтун-хана. От Дуйын-Баяна Алангуа рождает трех сыновей – Буданжара, Кагинжара и Салжута. После смерти Тумаул-мэргэна власть в ханстве переходит в руки Дуйын-Баяна.

Здесь небезынтересно отметить то, что в письменном наследии башкирского поэта Гарифуллы Киикова (Гарифулла Мухаметгалиевич Кииков, 1861–1918), сына известного поэта XIX столетия Гали Сокрыя, хранится список одного из вариантов «Чингизнаме». (Данная рукопись в 1985 г. была приобретена автором этих строк у жительницы города Уфы Нугаевой Сакины Мухаметнуровны (1909 г.р.) – *М.Н.*). В ней повествуется о том, что у некоего Йулдуз-хана было двое сыновей, но они оба умерли раньше отца. От одного из них остался сын по имени Дуйын-Баян, от другого – дочь по имени Алангуа. Внучку хан отдал замуж за внука и сыграл большую свадьбу [ФАРИСК: 1б – 2а]. Таким образом, и в данном варианте подчеркивается родство Алангуа и Дуйын-Баяна.

В «Чингизнаме» далее говорится о том, что после смерти Дуйын-Баяна Алангуа навещают его братья Буданатая и Белгутая. Последние оставляют следующее завещание сыновьям Алангуа: «Признаки хорошего дома (страны, семьи. – *М.Н.*) таковы: (Он) наполнит страну своими близкими., не откроет секреты чужим воинам, на почетное место посадит старших, а молодых заставит работать. Признаки плохого дома таковы: (Он) осквернит свой дом, похвалит чужой дом; осквернит своего брата, похвалит чужого брата; осквернит свой род, похвалит чужой род; (у него) молча стоит старший, говорит младший; молча стоит отец, говорит сын... Тот, кто просит совета у краснолицего (молодого. – *М.Н.*) сына, не заживет по-человечески; та страна, которая покорит другие страны, сама не будет страной... Если тот, кто не охотился с птицей, пойдет на охоту с птицей, то скажет: “Возьму гуся сорокой!” Если тот, кто не видел кожи, увидит кожу, то скажет: “Буду ходить в кожаных сапогах!” Если тот, кто не видел денег, обзаведется деньгами, то скажет: “Не замечаю никого!”...»

Как видно, завещание аксакалов Буданатая и Белгутая построено на поговорках и крылатых выражениях, основанных на многовековом жизненном опыте и мудрости народа, и пронизано идеями гуманизма, осуждения захватнических войн, любви к своей стране и сородичам, уважения к старшим и нетерпимости по отношению к подлым и высокомерным людям. Данное образное завещание по содержанию и стилю напоминает башкирские дидактические кубаиры (кубаир – древний жанр башкирской народной поэзии, который обычно исполнялся речитативом под аккомпанемент домбры и состоял в основном из семисложных строк с парной или смешанной рифмовкой строф – *М.Н.*): «Хорошая жена и плохая жена», «Хороший человек и плохой человек», «Верное слово», «Слово йырау»,

«Похвала» и другие. Сюжет главы частично отражен в народном предании «Бурзяне во времена ханов». Это отмечается и в работах башкирских ученых А. Инана (Ф.М. Сулейманова) [Inan 1934: 25, 28] и Г.Б. Хусаинова [Хусаинов 1984: 111].

По окончании оглашения завещания Буданатай и Белгутау уезжают обратно в калмыцкие степи. Но сыновья Дуйын-Баяна не придерживаются наставлений акасакалов, не слушаются своей матери, более того, начинают всячески унижать и обижать ее. После смерти мужа, Алангуа, подобно Гуламалик, забеременела от солнечного луча. Претендовавшие на престол сыновья обвиняют ее в разврате. Для того, чтобы доказать свою безгрешность, Алангуа обращается к народу. Посоветовавшись, народ страны направляет к ней трех своих представителей, которые воочию убеждаются в ее невинности. Оказывается, каждое утро в дом Алангуа с неба спускается яркий луч, а через некоторое время выходит оттуда в образе серого волка с конской гривой и с криком: «Дженкиз! Дженкиз!» убегает в лес. Алангуа рождает сына. нарекают его Чингизом.

В древнем монгольском письменном памятнике «Юань чао би ши» (XIII в.) это событие описывается так: «Каждую ночь, – рассказывает Алангуа (здесь: Аланхоа), – через верхнее отверстие юрты и сквозь дверь, там, где светит, ходил ко мне человек золотистого цвета и гладил меня по брюху; исходивший от него свет проник в мою утробу» [ТЧРДМ 1866: 26]. Следует отметить, что эту древнемонгольскую хронику русский востоковед С.А. Козин охарактеризовал следующим образом: «Она является в некотором роде универсальным по своему синкретизму произведением монгольской литературы, включая в себя многочисленные элементы: и документально-исторические, и эпические, и элементы литературной лирики, и повести, и даже зачатки драмы и трагедии» [Козин 1941: 46].

Примечательно, что башкирские фольклорные мотивы первой главы «Чингизнаме» в свое время были изучены и записаны известными русскими учеными-краеоведами. Так, например, академик Иван Иванович Лепехин в 1768–1774 гг. посещал эти края, обследовал и дал научное описание фауны и флоры, многих пещер Башкирии, собирал ценнейшие материалы о быте, праздниках и обрядах башкир. При упоминании горы Тура-тау (она расположена недалеко от современного города Стерлитамака. – М.Н.) пишет, что «много о сей горе повествуется в книге о Чингизе, но башкиры, не называя ее, рассказали два домашних примера» [ПСУППР 1822]. К сожалению, автор не раскрывает содержание этих легенд.

О широком распространении среди башкир легенд и преданий о Чингиз-хане писал и выдающийся ученый-лексикограф, писатель Владимир Иванович Даль. Так, в своей статье «Башкирская русалка», которая впервые была опубликована в 1843 г. в журнале «Москвитянин» (№ 1, с. 97–119), он пишет: «В сказках и песнях их поминают родоначальником дивного Чингис-хана, коего предок рожден девственницей от наития солнечного луча, а сам он, Чингис, вдовою Алангу, которую также посетил луч солнца и возвратился от нее серым волком с конскою гривой. Народ башкурт разделился с незапамятных времен на племена, или, как их называют у нас, на волости: у каждой волости свой уран, отклик, своя тамга, рукоприкладный знак, свое дерево и своя птица, розданные, как верит народ, самим Чингис-ханом» [Даль 1989: 173].

В основе статьи «Башкирская русалка» лежит древнее башкирское сказание «Заятуляк и Хыухылыу», которое В.И. Даль записал у башкир в оренбургский период своей жизни, т. е. в 30-е гг. XIX в. В нем повествуется о страстной любви одного из внуков Чингиз-хана Заятуляка и русалки, дочери владыки озер Асылыкуль и Кандрыкуль. Сюжет о «дивном Чингис-хане», предок которого и он сам рождены «от наития солнечного луча», напрямую не связан со сказанием «Заятуляк и Хыухылыу». Он приводится во вступительной части статьи, где даны некоторые сведения об этногенезе башкир.

Еще один известный ученый-краевед Руф Гаврилович Игнатъев перевел на русский язык приобретенную им у башкир рукопись и включил ее в свой сборник «Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края», вышедший в 1875 г. в «Записках Оренбургского отдела Императорского русского географического общества» (вып. 3) [Игнатъев 1875]. Его перевод, озаглавленный «Сказание о великом Хане Чемучине», в сущности является одним из вариантов первой главы «Чингизнаме» (в настоящее время в Государственном архиве Оренбургской области хранится черновой вариант вышеназванного сборника Р.Г. Игнатъева – ф. 168, оп. 1, д. 22 [ЦГАОО: 42 об.–42]. В нем данный перевод башкирской рукописи именован «Повествование о великом, славном, сильном властелине народов земных, великом Хане Чемучине»).

В печатном варианте перевода дана другая версия рождения и наречения будущего властелина. Здесь Чингиз так же, как и в сочинении Рашид ад-Дина, – сын Езукай Багадура. «Когда родился Чингиз, – говорится в этом памятнике, – его отец победил одного сильного татарского князя Чемучина и в память победы дал новорожденному имя Чемучина и велел воспитать царевича, как последнего из подвластных. До 17-ти лет царевич, как второй Давуд, пас стада, и тогда князь и мурзы пришли сказать ему, что он должен занять место отца, в это время умершего...». Чемучин покорил хана Джучея и всех остальных. После того, как Чемучин покорил Китай и Тибет, к нему «явился пророк, тоже имам и абыс, говоря, что провидение Божие назначает его повелителем мира и что он отныне должен зваться не Чемучином, а Чингисом. Вельможи и законники Чемучиновы усомнились было в истине пророчества... Но когда сокол и крик Чемучина, подаренный ему киргизами, закричал: “Чингис!”, то какого нужно было более чуда?! И Чемучин назвался Чингисом...» [Игнатъев 1875: 198–199].

В варианте же «Чингизнаме», записанном Г. Кииковым, наречение будущего завоевателя происходит абсолютно иначе. В нем говорится, что после Бисуки-богатыря ханом стал Тимучин. Он тоже был богатырем. Однажды у него появилась мысль взять под одну власть все те земли, которыми когда-то владели его предки. Татарские ханы и племянники из «китайских монголов» полюбили Тимучина за то, что он был весьма одаренным человеком и объездил весь мир, и дали ему прозвище «Джихангиз», что означает «человек, обошедший свет». Затем его стали звать просто Чингизом [ФАРИСК: 2а–3а].

В Центральном Государственном архиве Оренбургской области автором этих строк обнаружен не менее интересный материал, связанный с первой главой анонимного «Чингизнаме». Здесь хранится богатый личный фонд председателя Оренбургской ученой архивной комиссии Александра Владимировича Попова,

состоящий из рукописей как самого исследователя, так и некоторых других русских ученых-краеведов XIX столетия. В одной из своих рукописей А.В. Попов приводит текст «башкирского предания» под названием «Джингись-Хан», записанного и переведенного на русский язык, как он указывает, неким генералом Генсом. В нем повествуется: «Джингись-Хану по наследству досталось управление башкирским народом, жившим тогда по р. Тургаю. Мать его была еще жива, когда он рассорился со злобным братом своим. Опасаясь злости его, он принял намерение удалиться и объявил о том матери. Сия спросила, куда он пойдет и каким образом она будет узнавать о его местопребывании. Он сказал, что не может ей давать изволить известий о себе посредством людей, потому что он может быть найден через то противной партией. Но, показав на руку, сказал: “Я искусно стреляю из лука, буду убивать птиц для прокормления своего, а перья бросать в воду; когда вода будет носить сверху перья, то узнай, что я жив”. Он ушел и исполнял то, что сказал матери.

Между тем, убили брата его, и народ остался без хана. Трое из почетнейших людей пошли к матери Джингись-Хана и спросили, где сын ее. Сначала она не хотела открыть, где он находится, но когда ее уверили, что они имеют намерение привести его с торжеством, как хана своего, тогда она им сказала: “Пойдете по этой воде, доколь вы на ней будете видеть перья”. Люди пошли и нашли Джингись-Хана. Лошадей у них не было, и так как они полагали, что хану не прилично идти во владение свое пешком, они сделали телегу и привезли его на себе.

Джингись-Хан, приняв правление, пожаловал всех троих грамотами и дал им призвания. Один из них был назван Бикбау. Потомок его в 19 или 20 колене есть кантонный начальник Кагарман Бурангулов, сын Бурангула Куватова. У него грамота эта хранится в целости» [ЦГАОО: 42 об.-42].

Если учесть тот факт, что здесь упомянуто имя Бикбау, который по сведениям башкирских родословных записей, как родовой предводитель усерганцев, ездил вместе с родоначальниками кипчакцев Каракужаком, бурзянцев Иске-бием и тамьянцев Шагали Шакманом к «Белому царю», т. е. к Ивану Грозному, и просил о принятии в подданство, то можно с полной уверенностью утверждать, что генерал Генс записал данное «предание» (мы вынуждены применить здесь кавычки, потому что данное произведение трудно назвать преданием, по жанровым особенностям оно больше тяготеет к легенде. – М.Н.) из уст усерганских башкир. Тем более, что в тексте упоминается и имя легендарного усерганского кантонного начальника, главного героя башкирской народной песни «Кагарман-кантон» Кагармана Бурангулова.

Вышеприведенное «предание», как видим, также как и легенда, записанная В.И. Далем, имеет общие мотивы с первой главой «Чингизнаме». В то же время в нем обнаруживаются и отличительные моменты: Чингиз по наследству правит башкирским народом; он вынужден покинуть страну не из-за притеснений завистливых братьев, как это описывается в анонимном сочинении, а из-за ссоры со своим «злобным» братом; его идут искать не десять родоначальников, а лишь «три почетнейших человека»; здесь вообще не упоминается именное кольцо, по которому Чингиз узнает посланцев своей матери; он одаривает своих спасителей не родовыми атрибутами, а «грамотами и призваниями» и т. п.

Чингиз-хан как властитель у башкир представлен также в «исторической записи», переведенной и опубликованной Петром Назаровым в его статье «К этнографии башкир» [Назаров 1890]. В данной легенде говорится, что в 1149 г. «у башкир ханствовал Чингис-хан...; его убил башкирский батыр Мир-Темир за то, что он издал указ, противный обычаям башкирским; ему наследовал сын его Тедемтай, которому наследовал Алтынбик...».

Таким образом, башкирские легенды и предания о Чингиз-хане дошли до наших дней не только через письменные источники на старотюркском языке и устное народное творчество, но и через записи и переводы русских ученых-краеведов XIX столетия. В статье в сравнительном плане были проанализированы русские переводы башкирских легенд о Чингиз-хане из письменного наследия ученых-краеведов XIX в. В.И. Даля, И.И. Лепехина, Р.Г. Игнатьева, А.В. Попова и П.С. Назарова. Текст легенды из фонда А.В. Попова введен в научный оборот впервые.

Общий обзор этих работ и в сопоставлении с фольклорными источниками лишний раз подтверждает тот факт, что в башкирской письменной литературе и фольклоре бытовали разные варианты легенд о грозном мирозавоевателе и что все события, изложенные в них, тем или иным образом связаны с Южным Уралом, с историей местных родов и племен.

Литература

- БПИЛ 1985 – Башкирские предания и легенды / Сост., вступ. статья и коммент. *Ф.А. Надршиной*. – Уфа: Башкиргоиздат, 1985. {Bashkir lore and legends / Edition, introduction and commentaries by *F.A. Nadrshina*. – Ufa: Bashkniгоizdat, 1985.}
- Даль 1989 – *Даль В.И.* Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе. – Уфа: Башкиргоиздат, 1989. – Т. 1. – С. 172–176. {*V.I. Dahl*. The Bashkir Mermaid // Bashkiria in Russian Literature. – Ufa: Bashkniгоizdat, 1989. – Volume 1. – PP. 172–176.}
- Игнатьев 1875 – *Игнатьев Р.Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. – Вып. 3. – Оренбург, 1875. – С. 183–236. {*R.G. Ignatyev*. Folk tales, fairy-tales and songs preserved in manuscripts of the Tatar written heritage and in oral recounts of Mohammedan foreigners of the Orenburg region // Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. (Notes of the Orenburg department of Imperial Russian Geographical Society.) – Issue 3. – Orenburg, 1875. – PP. 183–236.}
- İnan 1934 – *İnan A.* Destan-ı Nesli-i Çengiz Han Kitabı hakkında // Azerbaycan yurt bilgisi. – 1934. – № 3. – S. 25, 28. {Инан А. О книге «Дастан-и несли Джингиз-хан» // Азербайджан юрт билгиси. – 1934. – № 3. – С. 25, 28. (на турец. яз.)}
- Козин 1941 – *Козин С.А.* Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuca tobčiyau* – Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 1. Введение в изучение памятника: перевод, текст, глоссарии. {*S.A. Kozin*. The Secret History: a Mongol Chronicle of 1240 AD titled *Mongγol-un niγuca tobčiyau* – *Yuán chāo bì shǐ*. The Usual Mongol Gathering. – Moscow–Leningrad: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. – Volume 1. Introduction to the research of the monument: translation, text, glossaries.}
- ПСУППР 1822 – Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению ея президента. – СПб., 1822. – Т. 4. Продолжение записок путешествия академика Лепехина. – С. 36–37. {The Full Compilation of Scientific Voyages in Russia, edited by the Imperial Academy of Sciences, upon the proposal of its President. – Saint-

- Petersburg, 1822. – Volume 4. The Continuation of Voyage Notes of the Academician Lepyokhin (Lepekhin).}
- Назаров 1890 – Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 1. – С. 164–192. {*P. Nazarov. On Bashkir Ethnography // Etnograficheskoye obozreniye (The Ethnographic Review)*. – 1890. – № 1. – PP. 164–192.}
- ТЧРДМ 1866 – Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. 4. {*Works of members of the Russian Spiritual Mission in Beijing*. – Saint-Petersburg, 1866. – Volume 4.}
- Усманов 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингизнаме», «Таварих-и Булгария», «Татарские шеджере». – Казань: Изд-во КГУ, 1972. {*M.A. Usmanov. Tatar Historical Sources of the 17th and 18th centuries: «The Collection of Chronicles», «Daftār-i Čingīznāme», «Tawārīḥ-i Bulğāriyya», «The Tatar şacārā»*. – Kazan: The Publishing House of Kazan State University, 1972.}
- Хусаинов 1984 – Хусаинов Г.Б. Быуаттар тауышы (Голос веков). – Уфа: Башкнигоиздат, 1984. {*G.B. Khusainov. Vyuatтар tauyşy (Voice of the Centuries)*. – Ufa: Bashkniгоizdat, 1984 (in Bashkir).}
- ФАРИСК – Фонд арабграфичных рукописей и старопечатных книг Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Рукопись 1 а 78. {*Oriental Book and Manuscript Collections at the Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Manuscript 1 a 78.*}
- ЦГАОО – Центральный государственный архив Оренбургской области. – Ф. 168. Оп. 1. Д. 58. {*The Central State Archive of the Orenburg region. – F. 168. Op. 1. D. 58.*}

RUSSIAN SCIENTISTS OF THE XIXth CENTURY ABOUT «GENGHISNAME» SUBJECTS IN BASHKIR WRITTEN MONUMENTS AND FOLKLORE

M.H. Nadergulov

Ufa

Summary: This article gives a comparative research of Bashkir legends about Genghis Khan translated into Russian from the archives and works of ethnographers of the 19th century, such as V.I. Dahl, I.I. Lepekhin, R.G. Ignatyev, A.V. Popov, and P.S. Nazarov. Their notes have common and distinctive points with the first chapter of the «Genghisname» written by an unknown author approximately in late 16th–early 17th centuries. Thus, the text of the legend from the A.V. Popov's collection has been introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Genghisname, Bashkir legends about Genghis Khan, research by Russian local historians.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА КРЫМСКОТАТАРСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ БИТЕКСТА ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»)

Л.С. Селендили

г. Симферополь

Резюме: В статье рассматриваются некоторые особенности перевода с русского языка на крымскотатарский язык на материале битекста повести И.С. Тургенева «Первая любовь». Автор обращает внимание на национально-культурную специфику перевода бытовых, этнографических реалий и реалий государственного строя, демонстрирует взаимодействие экстралингвистических и лингвистических факторов, которые в битексте подчиняются одной цели, адекватную трансляцию национально-специфических элементов оригинала, а также такие способы перевода как транслитерация и транскрипция, описательный перевод, уподобляющий перевод, гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод.

Ключевые слова: русский язык, крымскотатарский язык, переводоведение, битекст, национально-культурная специфика, лакуны, способы перевода.

Объектом нашего исследования является параллельный текст (битекст): повесть И.С. Тургенева «Первая любовь», переведенная на крымскотатарский язык У. Эдемовой. В статье анализируются примеры использования различных способов перевода на крымскотатарский язык слов, обладающих и не обладающих национально-культурной спецификой.

Выбор указанного текста в качестве материала исследования обусловлен отсутствием качественных переводных крымскотатарских текстов: переводчики редко правильно переводят лакуны, часто их пропускают, не обращают внимание на лингвистическую относительность и национально-культурную специфику языка оригинала и языка перевода. Ранее данные крымскотатарского языка к анализу в аспекте переводоведения не привлекались.

Впервые описывается специфика русско-крымскотатарского перевода устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, лакун и реалий национальной картины мира, лингвистическая относительность и интенции переводчика-интерпретатора, языковые и культурные барьеры интерпретации оригинального авторского текста,

Селендили Лемара Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»; e-mail: lemara2002@hotmail.com

отражающего реалии иной культуры. Важной спецификой перевода текста иноязычной культуры является адекватная трансляция национально-специфических элементов оригинала, что является неотъемлемым фактором познания прагматической действительности, заложенной автором произведения. Результаты исследования могут быть использованы в качестве справочного инструмента для консультаций специалистов-переводчиков.

Под битекстом понимается искусственно созданная совокупность: текст оригинала вместе с его переводом. Посредством выравнивания параллельных текстов получены пары соответствующих друг другу предложений. Параллельные тексты интересны взаимодействием экстралингвистических и лингвистических факторов, которые в битексте подчиняются одной цели. Битекст при таком подходе можно рассматривать как процесс межкультурной коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния культур, обеспечивающий развитие языка, на который выполняется перевод, мотивирующий его пассивное, но все же функционирование в общественной действительности.

В художественном тексте естественным образом встречаются «слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в другом языке и, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого ухода» [Влахов, Флорин 1980: 47].

В соответствии с классификацией В.С. Виноградова [Виноградов 1978] в рассматриваемом тексте мы хотим обратить внимание на некоторые типы словреалий.

Национально-культурную специфику отражают бытовые реалии: жилище, одежда, пища, виды труда, денежные знаки, музыкальные инструменты, народные праздники.

В предложении «Дача наша состояла из деревянного барского дома с колоннами и двух низеньких флигельков; во флигеле налево помещалась крохотная фабрика дешевых обоев...» *Бизим дачамыз чокъ юксек олмагъан, эки таямалы агъач звден ибарет олып, азбарчыгъында алчачыкъ эки эвчик даа бар эди; азбарнынъ сол бетиндеки эвде диваргъа япыштырылгъан уджуз гулли къагъыт чыкъарыджы кичкене фабрика булунмакъта...* отметим следующее:

- дача – дача (перевод выполнен посредством транслитерации);
- дом с колоннами – *эки таямалы агач эв* (букв. ‘деревянный дом с двумя подпорками’, хотя колонн может быть и больше, автор берет во внимание основное значение слова колонна – сооружение в виде высокого столба, служащее опорой в здании или воздвигаемое в качестве монумента, что при опущении числительного *эки* не противоречит правилам описательного перевода);
- низенький флигель – *алчачыкъ эвчик* (чтобы сообщить о дизайне русского двора, о жилых помещениях, построенных в стиле русского классицизма во второй половине XVIII – начале XIX вв., которым является флигель, мало сказать *алчачыкъ эвчик* ‘маленький домик’, потому что «флигель (от нем. Flügel, основное значение – крыло, боковая пристройка) – вспомогательная пристройка к жилому или нежилому дому, а также отдельно стоящая второстепенная постройка.

Флигели входили в комплекс городской или сельской усадьбы и располагались по бокам от основного здания»¹, флигель отличается от лачуги и собственно маленьких домов, строительство которых было распространено в Крыму, тем, что имеет пристройки в виде маленьких домиков по краям, а крымские дома имеют пристройку в виде террасы впереди дома);

- дешевые обои – (*диваргъа япыштырылгъан*) *уджуз кягъыт* (уподобительный перевод, использованный автором, транслирует значение ‘дешевая бумага’, что может быть любой бумагой, отличной от обоев; в свою очередь «обои – материал в виде широких полос бумаги с рисунком (в старину также ткани) для оклейки (обивки) стен в жилых помещениях» может переводиться как *уджуз дивар кягъыты*).

Интересно эквивалентное описание внешности людей: «Я не раз хаживал туда смотреть, как десяток худых и взъерошенных мальчишек в засаленных халатах и с испытими лицами то и дело вскакивали на деревянные рычаги, нажимавшие четырехугольные обрубки пресса, и таким образом тяжестью своих тщедушных тел вытискивали пестрые узоры обоев». *Мен анда чалышкъан арыкъ, сачлары чыбалгъан, устюндеки урбалары ягълы, кирли, джюнджюген, солукъ черели ондан зияде баланы сейир этмеге бара тургъаным, бу балалар эскенджегинъ дёрт коше тахталарыны сыкъыджы агъачлар устюне сычрап чыкъаракъ, ничар вуджутларынен ашагъы басып, чешит ренкли кягъытларгъа орьнеклер баса эдилер*. Так, если «взъерошенный» переводится полным соответствием *чыбалгъан*, то «в засаленных халатах» переводится описательно с введением уточнений, усиливающих значение «засаленности» халатов *устюндеки урбалары ягълы, кирли, джюнджюген* ‘одежда на них в масле, грязная, потрепанная’, а «испытые лица» (изможденные, истощенные, изнуренные²) – *солукъ черели* ‘с бледными лицами, букв.: увядшими, обычно вследствие болезни, что может быть по причине усталости или как следствие неразделенной любви’, что, с одной стороны, в принципе не противоречит сути, излагаемой в предложении, но, с другой стороны, может быть заменено словосочетанием *ёргун черели*, потому что автор подчеркивает, прежде всего, их физическую усталость.

Рассмотрим перевод следующего предложения: «Ружье мое соскользнуло на траву, я все забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки, и слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком, и этот полузакрытый умный глаз, и эти ресницы, и нежную щеку под ними...» *Омузымдаки тюфек тайып отлар устюне тюшти, мен агъызымны ачып къалдым, козьлерим о нефис боюнгъа ве гузель эльге, без явлукъ тюбюнден корюнип тургъан алтын тюсю сачларгъа, азачыкъ сыкъылгъан акъыллы бакъышы олгъан козьлерге, киртиклерге, дюльбер череге бакъып къалгъан эдилер*.

Из вышеприведенного примера видно, что перевод цвета волос обладает своей национально-культурной спецификой, психологической особенностью

¹ Толкования значений слов приводим из электронных словарей сети Интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari>

² Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. [Электронный ресурс]. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – Режим доступа: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117

восприятия и отношением ко времени описываемых действий. Например, в описываемый период блондинка – это обладательница белокурых или светло-русых волос. Мы знаем, что волосы светлого цвета могут быть с теплым, золотистым и льяным оттенком. Современное представление о цвете волос позволяет изобразить светлые волосы целым рядом синонимов: золотистый, жемчужный, цвета платины, пшеничный, медовый, бежевый, пепельный, розовый и даже серый. У крымских татар «белокурая» это *сары сачлы* (букв. ‘желтоволосая’, к ним относятся все блондинки кроме рыжеволосых *кыналы баи*), но не *беяз сачлы*, потому что белый – это показатель седины как физического возраста, или *акъ сачлы* – мудрости, умудренности. Переводчица использует пару «белокурые» – *алтын туюлю* (букв. ‘златовласая’) неспроста, а для того, чтобы усилить эмоциональное восприятие образа девушки, которую увидел герой произведения, психологически подчеркнуть эффект воздействия, который можно охарактеризовать, как «все забыл». В переводе автор также подчеркивает целостность восприятия образа «стройный стан, и шейку» – *нефис боюн* ‘прекрасная шея’.

Неотъемлемым атрибутом классического русского дома являются часы с боем и маятником. Часы производят непродолжительные звуки-удары, чем сигнализируют о времени: «Часы проббили половину первого». *Саат он эки бучукъ олгъаныны бильдириджи чанъ къакъты*. Возможны варианты с использованием синонимов, где может быть использовано как слово *саат* ‘часы (общее название)’, так и *чалар саат* ‘часы с боем, будильник’, потому что функциональная составляющая часов в крымскотатарском предложении может компенсироваться семантикой глагола «сигнализировать» и его синонимами:

- *Саат он эки бучукъ олгъаныны бильдириджи чанъ къакъты* – «проббили» как *чанъ къакъты* ‘пробил колокол’;
- *Саат он эки бучукъ косьтере эди* – «пробили» как *косътере эди* ‘показывали’;
- *Чалар саат он эки бучукъ акъкъында бильдирди* – «пробили» как *бильдирди* ‘сообщили’;
- *Саат он эки бучукъ олгъаныны чалды* – «пробили» как *чалды* ‘проиграли’.

Словосочетание *чанъ къакъмакъ* может иметь значение с меньшей силой и интенсивностью действия, чем в предыдущем примере: «Хозяин позвонил и велел принять остатки ужина. – И так, это дело решенное, – промолвил он, глубже усаживаясь в кресло и закулив сигару, – каждый из нас обязан рассказать историю своей первой любви». *Эвнинъ сауби чанъ къакъып, софраны джыймакъны эмир этти, креслогъа ерлешипче отурды, сигарет ичти: Демек, къарар бойле, – деди о, – эр биримиз озюмизнинъ биринджи севгимизнинъ тарихыны сёйлей-джекмиз*. Если в предыдущем примере мы говорили о «бое часов», то здесь речь идет о «звонке колокольчика для прислуги». Кроме того, этот пример интересен и другими фактами: «велел принять остатки ужина», т. е. «убрать со стола», что переводится крымскотатарским эквивалентом *софраны джыймакъны эмир этти*, который имеет свою архаичную национально-культурную специфику, изменяющуюся с течением времени, где *софра* – это скатерть, постеленная на пол (на мероприятиях с молебном *дува*), скатерть на низкий стол *маса* или *хона* (для дружеской беседы или семейного ужина), позже – скатерть на обеденный стол, сейчас *софра* переводится как ‘обеденный стол’, поэтому его значение переводится с учетом контекста и предназначения как ‘собрать’ и ‘убрать’; обязатель-

ность действия «обязан рассказать» переводится без вспомогательных глаголов обязательности *меджбур* и *керек*, а определенной продолженной формой глагола будущего времени «говорить»: «каждый из нас будет говорить» – *тарихыны сёй-лейджекмиз*.

Отдельного внимания заслуживают и этнографические реалии, например, игра в фанты или в веревочку: «Фанты наскучили нам – мы стали играть в веревочку». *Фант оюны бизни бездирди, йиптен атлап башладыкъ*. Вопрос с «фантами» решился транслитерацией, а вот «русская игра в веревочку» абсолютно не связана с прыжками *йиптен атлап башладыкъ* ‘начали прыгать через веревку’, потому что И.С. Тургенев имел в виду русскую игру, «в которой нитью (веревкой, шнурком), надетой на пальцы, образуют различные узоры (фигурки). Иногда процессу помогают зубами, запястьем и ступнями»³.

«Мы и на фортепьяно играли, и пели, и танцевали, и представляли цыганский табор». *Биз фортепьяно чалдыкъ, йырладыкъ, ойнадыкъ, чингенелер киби шаматаладыкъ*. Примечательно, что слово «табор» имеет тюркскую этимологию (крым.-тат. *табур* ‘укрепление из повозок’), и его можно было бы использовать в переводе на крымскотатарский язык, но автор применяет уточнительный перевод. Это вполне оправдано, потому что в рассматриваемом контексте речь идет не о «группе цыган, связанных родством или проживающих/кочующих совместно», а о «выходе с цыганскими плясками, переодеванием в цыган, шутками и собственнo шумом и гамом», сопровождающими это действо.

К реалиями государственного строя и общественной жизни (актуальным и историческим) можно отнести форму обмундирования: «Несправедливо, – повторили Беловзоров и господин, названный отставным капитаном, человек лет сорока, рябой до безобразия, курчавый как арап, сутуловатый, кривоногий и одетый в военный сюртук без эполет, нараспашку». *Акъсызлыкъ! – деп текрарлады Беловзоров иле истифадаки капитан, деп таныш этильген дженеп, о къыркъ-яшлар къарарында, чубар юзю титис, арап киби къувурчыкъ сачлары, къамбурджа, къыйыш аякъ, погонсыз арбий урба кийген адам эди*.

Тут уместно вспомнить «Песенку о Колчаке», где «мундир английский, погон французский, табак японский, правитель омский». А ведь роман-то русский! Здесь военный сюртук (устар. *сертук*; от фр. *surtout*) – это не любая военная форма *арбий урба*, а специальная военная форма представителя командного состава российской армии, к которым относятся генералы, штаб- и обер-офицеры⁴, эполеты – «в царской и некоторых иностранных армиях: парадные погоны с шитьем» [БСИС]. Если слова «сюртук», «эполеты» и «погоны» все равно не

³ КартаСлов.Ру – Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/со-словом/ниточка>

⁴ Наумов А.А. Справка о форме одежды г.г. генералов, штаб и обер-офицеров и гражданских чиновников Военного ведомства с заметкой о форме одежды нижних чинов. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – С.-Петербург, 1985. – С. 63. – М.: Книга по требованию. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://books.google.com/books/about/%D0%A1%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0_%D0%BE_%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B5_%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B4.html?id=fwD7AgAAQBAJ

имеют аналогов в крымскотатарском языке, то логично для перевода этих лакун и передачи национально-культурной специфики одежды русских военных использовать не гиперонимический или гипонимический перевод, а транскрипцию или транслитерацию вышеуказанных слов, адаптируя их в контексте в соответствии с правилами крымскотатарской фонетики и грамматики.

В романе И.С. Тургенева есть очень сложное для крымскотатарского произношения слово «казцеремониймейстер». Интересно было увидеть, как переводчик решил и эту проблему. Так вот, здесь не было ни транслитерации, ни транскрипции, которая была бы уместна с более простыми для произношения словами. Автор перевода опустил название должности, но использовал описание, чем не нанес никакого вреда контексту, сделав его более доступным для восприятия крымскотатарским читателем: «Но, – продолжал он, – я, казцеремониймейстер, обязан наблюдать за исполнением всех правил. Мсье Вольдемар, опуститесь на одно колено. Так у нас заведено». *Лякин, – деп сёзюни девам этти Лушин, – мен мерасимнинъ башлыгы оларакъ къаидемизнинъ иджрасыны козь этип турмакъ кереким. Дженап Вольдемар, сиз бир тизинъизнен ерге чёкинъиз, бизим тертибимиз ойле.*

Таким образом, переводчик использовал следующие способы перевода: транслитерацию или транскрипцию, описательный перевод, уподобляющий перевод, обобщенно-приблизительный перевод, гипонимический [Федоров 2002] и гиперонимический перевод.

Топонимы и антропонимы русскоязычного текста при переводе остаются в неизменном виде, с легкостью адаптируются в системе крымскотатарского языка как фонетически, так и грамматически. Кириллическая графика крымскотатарского языка облегчает визуальное восприятие контекста. При переводе простые предложения могут объединяться в сложные, а сложные предложения – передаваться последовательностью простых. Вполне естественно, что в рассматриваемом битексте тематических групп слов-реалий гораздо больше. Этому мы планируем уделить внимание в наших дальнейших исследованиях. Кроме того, битекст может быть интересным и специалистам по французскому языку, они смогут извлечь из текста некоторые русско-французско-крымскотатарские соответствия и в перспективе их проанализировать.

Литература

- БСИС – Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%8D%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D1%8B {The Big Dictionary of Foreign Words [a web source]. – https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%8D%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D1%8B}
- Виноградов 1978 – *Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 174 с. {*V.S. Vinogradov. Lexical questions of fiction prose. – Moscow: Moscow State University publishing house, 1978. – 174 p.*}
- Влахов, Флорин 1980 – *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. – М.: Межд. отношения, 1980. – 342 с. {*S. Vlahov, S. Florin. The Untranslatable in Translation. – Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1980. – 342 p.*}
- Федоров 2002 – *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом “ФИЛОЛОГИЯ ТРИ”», 2002. – 416 с. [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteorii_perewoda2002.shtml {*A.V. Fyodorov. The basic translation theory (linguistic problems): for institutes and faculties of foreign languages. A manual. – 5th Edition. – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University publishing house; Moscow: Limited Loyability Company «FILOLOGIYA TRI» publishing house, 2002. – 416 p. [a web source]. – http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteorii_perewoda2002.shtml}*

**SOME PECULIARITIES OF TRANSLATION OF FICTION TEXTS
FROM RUSSIAN INTO CRIMEAN TATAR
(ON EXAMPLE OF BITEXT OF I.S. TURGENEV'S NOVEL «FIRST LOVE»)**

L.S. Selendili

Simferopol

Summary: The article discusses some features of the translation from Russian into the Crimean Tatar language based on the material of the bitext novel of I.S. Turgenev's «First Love». The author draws attention to the national-cultural specifics of the translation of domestic, ethnographic and political realia, demonstrates the interaction of linguistic and extralingual factors that serve the same purpose in a bitext, adequate translation of nationally specific elements of the original, as well as translation methods such as transliteration or transcription, descriptive translation, so-called assimilating translation, hyponymic or generalized approximate translation.

Key words: Russian language, Crimean Tatar language, translation studies, bitext, national and cultural specificity, gaps, methods of translation.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

О ПРОЕКТЕ «ПЕРЕВОД ЭПОСА И ДРУГИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ»

Ф.Г. Хисамитдинова, Г.Р. Хусаинова

Уфа

Резюме: В статье рассматриваются основные принципы и научные подходы, применяемые при переводе фольклорных произведений на тюркские языки. Анализируется работа, проделанная по переводу произведений устного народного творчества башкир в досоветский период, а также изданные переводы на русский язык фольклора народов СССР в советский период истории. Приводится описание проделанной работы по переводу киргизского эпоса «Манас» и якутского эпоса «Нюргун-боотур Стремительный» на башкирский язык. Отмечаются трудности, возникающие при переводе фольклорного текста, вызванные необходимостью передавать разнообразные этнокультурные реалии. Приводятся универсальные подходы и практические выводы, которые могут быть применены и к переводам с других языков.

Ключевые слова: эпос, тюркские языки, перевод фольклорных произведений, теория и практика перевода.

Фольклор народов России входит в актив многонациональной культуры и является ее составной частью. Устно-поэтическое творчество каждого народа создается и бытует на языке народа-создателя. «Содержание произведений фольклора – народная жизнь» [Манас 1916: 14], она у каждого народа своя, особенная, интересная и богатая. Для того, чтобы народное творчество стало достоянием всего народа большой страны, необходим перевод фольклора нерусских народов на межнациональный, то есть русский язык. В досоветский период хоть и редко, но имели место отдельные издания на русском языке. Например, одним из «ранних опытов перевода эпического произведения тюркских народов России на русский язык» [Климович 1964: 52] было издание книги Т.С. Беляева «Куз-Курпач: башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» в 1812 г. в Казанском

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН; e-mail: hisamitdinova@list.ru

Хусаинова Гульнур Равиловна – доктор филологических наук, заведующая отделом фольклора Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН; e-mail: bashfolk@yandex.ru

университете. Достояния внимания «Башкирская русалка» В.И. Даля, представляющая собой наиболее полную интерпретацию башкирского сказания «Заятук и Хыухылу» и впервые увидевшая свет в журнале «Москвитянин» в 1843 г. [Даль 1843] и т. д.

Р.Г. Игнатъев в 1875 г. в третьем выпуске «Записок Оренбургского отдела ИРГО» опубликовал в переводе на русский язык три сказки. Первая из них – «Сказка о беркуте» – переведена с рукописи, две другие – «Сказка о Сарисагибе», «Сказка о батыре Чемидчудзине» – были записаны от сказочников Троицкого и Верхнеуральского уездов.

Свободно владевший башкирским языком А.Г. Бессонов в конце XIX – начале XX вв. записал на языке оригинала около ста сказок, перевел их на русский язык и представил в 1909 г. в Географическое общество, за что был удостоен малой золотой медали.

В 1912 г. местный энтузиаст М.П. Лось из записей учителя Г. Магазова публикует на русском языке восемь сказок в «Вестнике Оренбургского учебного округа», две из них волшебные: «Суяльбай и его тулпар» и «Тимербулат». В 1914 г. известный русский этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин публикует двенадцать башкирских сказок, записанных им от башкир Пермской губернии, из них шесть – волшебные: «Рога», «Купеческий сын», «Убыр», «Водяная девица», «Бьжыр-мэргэн», «Золотая бабка» [Хусаинова 2014: 8–11].

В советское время переводческая работа была очень актуальна и востребована. Творческое наследие многих писателей было переведено на языки народов СССР и стало достоянием большой многонациональной страны. Реже, но переводились на языки союзных республик и фольклорные произведения, особенно сказки. Однако перевод эпоса на языки народов России не практиковался. Для введения во всероссийский научный оборот эпосы народов России стали переводиться на русский язык. Первым большим проектом по переводу эпических памятников народов СССР на русский язык стало издание серии «Эпос народов СССР» (с 1992 г. – «Эпос народов Евразии»).

Памятники эпической поэзии народов СССР были подготовлены Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР совместно с научно-исследовательскими институтами республиканских академий наук. Каждая книга серии включала обязательные разделы: 1) краткое исследование, посвященное исторической оценке и художественной характеристике издаваемого памятника; 2) текст эпоса на языке оригинала и его перевод; 3) комментарии, примечания, словарь, содержащий термины, имена, географические названия, непонятные русскому читателю, сведения о сказителях, от которых записан текст эпоса.

Таких книг было издано более двадцати. Первым увидел свет в 1971 г. туркменский эпос «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра». Далее друг за другом появились «Украинские народные думы», «Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос» (1972), «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос» (1973), «Нарты. Адыгский героический эпос» (1974), «Кобланды-батыр. Казахский героический эпос», «Лачплесис. Латышский народный эпос» (1975), «Башкирский народный эпос» (1977), «Джангар. Калмыцкий народный эпос» (1983), «Гер-оглы. Туркменский героический эпос» (1983), «Строптивный Кулун Куллуштуур. Якутское олонхо» (1985), «Гуругли. Таджикский народный эпос. Бой Давида с Мсра-

Меликом» (1987), «Коми народный эпос» (1987), «Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос» (1988), «Манас. Киргизский героический эпос» (1984, 1988, 1990, 1995), «Нарты. Осетинский героический эпос (в 3 кн.)» (1989, 1991), «Карело-Финский народный эпос (в 2 кн.)» (1994), «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев» (1994), «Деде Коркут» (2011).

Основные принципы работы над переводами на русский язык фольклора народов СССР были сформулированы и в поныне актуальных научных статьях, собранных в издании [Фольклор 1977] Института мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР, а первые принципы научного перевода эпических памятников были разработаны такими исследователями и переводчиками, как А.А. Петросян, А.С. Мирбадалева, Н.В. Кидайш-Покровская, И.В. Пухов. Как писала А.А. Петросян, первые публикации якутского олонхо или эпоса «Манас», сказаний кавказских народов о нартах, башкирского, алтайского, казахского, калмыцкого эпосов появились именно в трудах русских историков и лингвистов [Петросян 1975: 6]. Как отмечает специалист по переводу Ю.В. Лиморенко, «Фольклористы ИМЛИ РАН уделяли большое внимание соотносительности оригинального текста и его перевода, считая обязательным как можно более полно представить фольклорные памятники, прежде всего путем максимально точного воспроизведения текста в переводе. В связи с этим возникла и необходимость подробного научного комментирования перевода, ставшего составной частью томов этой серии» [Лиморенко 2007: 3].

Книга из серии «Эпос народов СССР» является первой научной публикацией национального эпоса для ряда народов, в том числе башкир. Благодаря названной серии, русский читатель смог получить полное представление о характере и стилистических особенностях этого жанра у тринадцати народов СССР, так как перевод передал все своеобразие публикуемого в этой же книге подлинника.

Как справедливо отмечает А.А. Петросян, в эпическом жанре устной народной поэзии народов СССР найдены уникальные формы художественного воплощения исторического мироощущения, накопленного многими поколениями человечества на протяжении тысячелетий. Огромный пестрый мир народных представлений вкладывается в рамки фантастических сюжетов, которые в эпосе подчинены главному замыслу, непосредственно связанному с реальной исторической жизнью народа, и в каждом памятнике устной эпической поэзии существует свой, особенный самобытный рисунок художественного повествования [Петросян 1975: 9].

В начале 1970-х гг. башкирские фольклористы одними из первых среди тюркских народов начали готовить к изданию многотомный свод «Башкирское народное творчество» на родном языке и завершили его в 1985 г. Многотомник состоял из восемнадцати книг. Он стал основой для подготовки двенадцатитомного свода «Башкирское народное творчество» на русском языке (1987–2010). В научных сводах представлены образцы почти всех традиционных жанров фольклора. Необходимо отметить, что сказки были представлены в пяти, эпос – в трех томах, песни, фольклор советского периода – по два тома, а такие жанры как легенды и предания, пословицы и поговорки, загадки, баиты, кулямасы составили по одному тому. Таким образом, впервые в истории башкирской фольклористики образцы народного творчества увидели свет на русском языке в две-

надцати книгах, что дало возможность ввести их в научный оборот исследователями всех регионов страны.

В 1990 г. Сибирским отделением издательства «Наука» (Новосибирск) была основана серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Это фундаментальный гуманитарный междисциплинарный проект, представляющий собой новый тип публикации и исследования устного народного творчества. Основная цель «Памятников...» – научное издание избранных произведений, представляющих вершинные достижения устно-поэтического творчества народов сибирско-дальневосточного региона (в том числе славянских переселенцев: русских, украинцев, белорусов). Из печати стали выходить двуязычные тома сказок, мифов и легенд, записанных на языках этих этносов и переведенных на русский, которые сыграли важнейшую роль в восприятии фольклорных произведений. К каждому тому имеется приложение в виде грампластинки (тт. 1–19) или диска. Это единственная документальная публикация произведений фольклора более чем на 30 языках.

В рамках «Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Корпусная лингвистика”» создается корпус фольклорных текстов малочисленных народов Сибири. За последнее десятилетие увидели свет монография З.С. Казагачевой об аспектах текстологии и перевода алтайских героических сказаний [Казагачева 2002], диссертационное исследование Ю.В. Лиморенко [Лиморенко 2007]. В ИИЯЛ УФИЦ РАН также создан корпус фольклорных текстов устного народного творчества башкирского народа, который постепенно пополняется.

По сравнению с деятельностью, проводимой по переводу произведений народного творчества на русский язык, не достаточно активно ведется работа по переводу фольклорных произведений народов России на родственные, в частности, тюркские языки. В Республике Башкортостан, например, в 1996 г. увидела свет книга «Башкорт экиятләре» на татарском языке в переводе Дины Мурзакаевой [Мурзакаева 1996]. В книгу были включены 70 текстов всех сказочных жанров: сказок о животных, богатырских, волшебных-героических, волшебных и бытовых. В 2001 г. под названием «Башкорт иленнән күчтәнәч» («Гостинец из страны башкир») вышла еще одна книга на татарском языке в переводе Галимжана Галимьянова [БИК 2001]. В нее были включены избранные образцы разных жанров башкирского фольклора: кубаиры, легенды и предания, песни, такмаки, баиты, богатырские сказки, новеллистические сказки, пословицы. Все эти произведения на татарском языке были опубликованы впервые.

В 1997 г. Турецким лингвистическим обществом был запущен проект «Фиксация, перевод на турецкий язык и публикация тюркских эпосов», в рамках которого предполагалось издание эпосов тюркского мира в одной серии в 140 томах. В 2018 г. увидела свет 66-я книга «Кыргызские эпосы 15: эпос “Манас” (вариант Джусупа Мамаея)» [Манас 2018]. Благодаря названному проекту, на турецком языке были изданы эпосы почти всех тюркских народов мира, прежде всего России.

В 2015 г. якутские коллеги выступили с инициативой выполнения совместного проекта под названием «Эпические памятники народов мира», в рамках которого к настоящему времени увидели свет на якутском языке кыргызский «Манас», алтайский «Маадай Кара», башкирский «Урал-батыр», а якутский героиче-

ский эпос олонхо «Нюргун-боотур Стремительный» – на кыргызском и алтайском языках. Данная работа успешно продолжается и сегодня. В частности, перевод якутского олонхо «Нюргун-боотур Стремительный» на башкирский язык осуществлен и в Республике Башкортостан в соответствии с поручением Правительства РБ в целях расширения взаимополезного культурного сотрудничества между двумя республиками – Республикой Башкортостан и Республикой Саха (Якутия), на данном этапе идет подготовка к изданию. Статьи о проблемах и сложностях при работе над этим и другими переводами были опубликованы основными переводчиками [Хусаинова 2016; Хусаинова и др. 2018; Юлдыбаева и др. 2018].

Перевод – сложная работа, особенно если он касается фольклорных текстов и предполагается научное издание. Для достижения эквивалентности перевода текста, прежде всего, необходимо делать подстрочник. Поскольку издание обычно адресуется широкой аудитории, из подстрочника нужно сделать понятный текст, соответствующий оригиналу, с сохранением колорита и выразительности переводимого произведения. Многочисленные трудности, возникающие при переводе фольклорного текста, вызваны необходимостью передать разнообразные этнокультурные реалии. При переводе эпоса «Манас» с кыргызского языка на башкирский это были названия предметов обихода (*кыл кыяк* ‘двухструнный смычковый инструмент’); военная лексика (*соот* ‘военная одежда’, *калча* ‘телохранитель’, *чор* ‘соратник’); слова, связанные со скотоводством (*аркар* ‘горный баран’, *кебээ* ‘ягненок’, *кулук* ‘скакун’); слова, определяющие социальный статус человека (*эр*, *бек*, *кан*) и т. д. В процессе работы также приходилось сталкиваться с трудностью выбора подходящего слова из-за его полисемантической: в этом случае выходили из положения, исходя из общего смысла предложения. Сложно было работать и с устойчивыми выражениями. Например, выражение *кызыл тупөк, сыр найза* с кыргызского языка переводится на русский язык как ‘крашенная пика красным бунчуком’, а на башкирском это – *буялган һөңгөлө кызыл таяк*.

Перевод с одного тюркского языка на другой через посредство русского языка, например, в случае перевода якутского эпоса-олонхо, делает процесс перевода эпического произведения достаточно трудоемким. Каждый язык отражает особенности национальной культуры, истории, менталитета того народа, который на нем говорит, а каждый литературный текст создается в рамках определенной культуры. Элементы этой культуры могут быть совершенно неизвестны и непонятны носителям других языков. Поэтому текст нужно адаптировать для того, чтобы он был понятен читателю перевода [Теория перевода 2007: 391]. Проблему адаптации текста при переводе можно рассматривать с разных точек зрения.

Имеющиеся ономастические материалы, мифологические составляющие и этнографические реалии позволяют сохранить как оригинальность текста, так и передать его содержание на другом языке без искажений. К основным переводческим проблемам относятся: перевод названия, перевод ономастических материалов, проблема перевода этнографического материала, безэквивалентной лексики, перевод общих мест, особенности передачи рифмы и стихотворного метра при переводе.

Переводчики и кыргызского эпоса, и якутского олонхо с русского (переводчиком всех республик был рекомендован текст в переводе В. Державина) на башкирский язык старались дать максимально точный перевод.

Таким образом, проблемы перевода фольклорного текста рассмотрены нами на примере перевода кыргызского и якутского эпосов на башкирский язык; но предложенные подходы, методология и практические выводы, на наш взгляд, могут быть приложены и к переводам с других языков. Если для широкой аудитории и для целей популяризации фольклора проблема научной точности перевода не стоит, то для исследователей и переводчиков этот вопрос является ключевым и принципиальным.

Литература

- БИК 2001 – Башкорт иленнэн күчтәнәч. Башкорт халык ижаты жәүһәрләреннән / Төз.: Әхмәт Сөләймәнов, Фәнүзә Нәдершина, Нур Зарипов, Бөрһян Баёмов. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 2001. – 272 б. {The Gift of Bashkir Land. The masterpieces of Bashkir folklore / ed. Akhmet Suleymanov, Fanuza Nadrshina, Nur Zaripov, Beriyan Bayimov. – Kazan, Tatar kitap nәshriyәte (Tatar book publishing house), 2001. – 272 p.}
- Даль 1843 – *Даль В.И.* Башкирская русалка // Москвитянин. – 1843. – № 1. – С. 97–119. {*V.I. Dahl.* The Bashkir Mermaid // *Moskvityanin.* – 1843. – № 1. – PP. 97–119.}
- Казагачева 2002 – *Казагачева З.С.* Аспекты текстологии и перевода. – Горно-Алтайск: Ин-т Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – 348 с. {*Z.S. Kazagacheva.* Aspects of textology and translation. – Gorno-Altai: S.S. Surazakov Institute for Altaistic studies, 2002. – 348 p.}
- Климович 1964 – *Климович Л.И.* Башкирский эпос «Куз-курпяч» 1812 года в переводе крепостного Тимофея Беляева // Народный эпос «Куз-курпяч и Маянхылу». – Уфа, 1964. – С. 52–69. {*L.I. Klimovich.* The Bashkir epos «Kuz-kurpyach» of 1812 in the translation of Timofey Belyayev, the peasant serf // The folk epos «Kuzykurpyas and Mayanhylu». – Ufa, 1964. – PP. 52–69.}
- Кравцов 2009 – *Кравцов Н.И.* Славянский фольклор: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 352 с. {*N.I. Kravtsov.* The Slavic Folklore: a manual. – 2nd edition, extended. – Moscow: The Publishing House of Moscow State University, 2009. – 352 p.}
- Лиморенко 2007 – *Лиморенко Ю.В.* Проблемы перевода фольклорных текстов: на материале фольклора эвенков. дисс.... на соиск. уч. степ. к.ф.н. – Новосибирск, 2007. – 205 с. {*Yu.V. Limorenko.* The problems of translation of folklore texts: on the data of Evenki folklore. Ph.D. thesis. – Novosibirsk, 2007. – 205 p.}
- Манас 2016 – Манас. Батырлар тураһында кыргыз халык иртәге. РФА ӨҮТ Тарих, тел һәм әдәбиәт институты / тәрж.: *Сиразитдинов З.Ә., Хәсәйенова Г.Р., Хөббәтдинова Н.Ә., Хәкмиәнова А.М., Юлдыбаева Г.В.* – Өфө: Китап, 2016. – 388 б. {The Manas. On the Batyrs of Kyrgyz Folk Epos. RFA ÖGHÜ Tarih, tel һәм әдәбиәт instituty (Ufa Scientific Centre for History, Language and Literary Studies of Russian Academy of Sciences) / translated by *Z.A. Sirazitdinov, G.R. Khusayinova, N.A. Khebbetdinova, A.M. Khakimyanova, G.V. Yuldybayeva.* – Ufa: Kitap, 2016. – 388 p.}
- Манас 2018 — <https://www.mynet.com/turk-dil-kurumu-destan-projesinin-66-kitabini-yayimladi-180103855306>
- Морзакаева 1996 – *Морзакаева Д.* Башкорт әкиятләре / Төзүче, тәрж. Динә Морзакаева. – Уфа: Башкортостан «Китап» нәшрияты, 1996. – 400 б. {*D. Morzakayeva.* The Bashkir Tales / edited and translated by Dina Morzakayeva. – Ufa: Bashkir «Kitap» publishing house, 1996. – 400 p.}
- Петросян 1975 – *Петросян А.А.* О героическом эпосе народов Советского Союза // Героический эпос народов СССР. В двух томах. Том 1. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1975. – С. 5–28. {*A.A. Petrosyan.* On heroic epos of the folks of the USSR // Heroic epos of the folks of the USSR. In two volumes. Volume 1. – Moscow: «Khudozhestvennaya literatura» publishing house 1975. – PP. 5–28.}
- Теория перевода 2007 – *Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевода. Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – М.: АСТ, Восток–Запад, 2007. – 448 с. {*V.V. Sdobnikov, O.V. Petrova.* The theory of translation. A manual for students of linguistic higher education institutions and foreign language faculties. – Moscow: AST, Vostok–Zapad, 2007. – 448 p.}
- Фольклор 1977 – Фольклор: поэтическая система / отв. редакторы *А.И. Баландин, В.М. Гацак.* – М., 1977. – 344 с. {The folklore: poetic system / executive editors: *A.I. Balandin, V.M. Gatsak.* – Moscow, 1977. – 344 p.}

- Фольклор (Текст) – Фольклор [Текст]: Издание эпоса / Ред. коллегия: ... *А.А. Петросян* (отв. ред.); АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1977. – 286 с. {Folklore [Text]: edition of an epos / Editorial board: ... *A.A. Petrosyan* (executive editor); The Academy of Sciences of the USSR. A.M. Gorky Institute of World Literature. – Moscow: Nauka, 1977. – 286 p.}
- Хусаинова 2014 – *Хусаинова Г.Р.* Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология. – Уфа: Гилем, 2014. – 216 с. {*G.R. Khusayinova.* Bashkir fairy-tales: poetics and textology. – Ufa: Ghilem, 2014. – 216 p.}
- Хусаинова 2016 – *Хусаинова Г.Р.* Из опыта перевода киргизского эпоса «Манас» на башкирский язык // I Сибирский форум фольклористов: тезисы докладов. – Новосибирск, 2016. – С. 41–43. {*G.R. Khusayinova.* From the experience of translation of Kyrgyz epos «Manas» into the Bashkir language // The 1st Siberian Forum of Folklorists: Theses of the Reports. – Novosibirsk, 2016. – PP. 41–43.}
- Хусаинова и др. 2018 – *Хусаинова Г.Р., Ягафарова Г.Н.* О переводе якутского эпоса олонхо «Нюргун-боотур Стремительный» на башкирский язык // Пространства коммуникации: язык, литература, медиа: Материалы Международной науч. конф., посвящ. 100-летию Иркутского государственного университета / отв. ред. О.Л. Михалёва. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2018. – С. 119–125. {*G.R. Khusayinova, G.N. Yagafarova.* On the translation of the Yakut (Sakha) Olonkho epos «Nyurgun Bootur the Swift» into the Bashkir language // The communicational space: language, literature, the media: The data of International scientific conference devoted to the 100th anniversary of Irkutsk State University / executive editor: O.L. Mikhalyova. – Irkutsk: The Irkutsk State University Publishing House, 2018. – PP. 119–125.}
- Юлдыбаева и др. 2018 – *Юлдыбаева Г.В., Хуббитдинова Н.А., Хакимьянова А.М.* Из опыта перевода киргизского народного эпоса «Манас» на башкирский язык // Сборник материалов II международной конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход». – Симферополь, 2018. – С. 613–617. {*G.V. Yuldybayeva, N.A. Khubbitdinova, A.M. Khakimyanova.* From the experience of translation of Kyrgyz folk epos «Manas» into the Bashkir language // The data compendium of the 2nd international conference «Translation discourse: interdisciplinary approach». – Simferopol, 2018. – PP. 613–617.}

ON THE PROJECT «TRANSLATION OF EPOS AND OTHER FOLK CREATIONS INTO CLOSELY RELATED LANGUAGES»

F.G. Khisamitdinova, G.R. Khusayinova

Ufa

Summary: This article depicts the main principles and scientific approaches, that are used when a folklore monument is translated into a Turkic language. Here is also an analysis of the work, which had been done during the translation of Bashkir national oral folklore in the pre-Soviet epoch, and also of the edited Soviet translations from different languages of the USSR into Russian. The translation work process is described by examples of translation of Kyrgyz epos «Manas» and Yakut (Sakha) epos «Nyurgun-Bootur the Swift» into Bashkir. The prominent difficulties, caused by necessity of transmission of different cultural peculiarities, are also mentioned in the article. Thus, here are some universal approaches and some practical conclusions that could be used with languages of families other than Turkic.

Key words: epos, Turkic languages, folklore translation, theory and practice of translation

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

РАЗВИТИЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ

А.П. Долгова, А.В. Кузнецов

г. Чебоксары

Резюме: В статье представлен обзор наиболее значительных научных работ по чувашскому языку за последние двадцать лет. Акцент сделан в основном на проектах, реализующихся в Чувашском государственном институте гуманитарных наук. Намечены актуальные вопросы чувашского языкознания и основные перспективные направления для дальнейшей работы.

Ключевые слова: чувашское языкознание, грамматика чувашского языка, лексикография, орфография, социолингвистика, диалектология.

Чувашский язык был объектом внимания ученого мира еще в XVIII–XIX вв., однако начальным этапом его непосредственного научного изучения следует называть, видимо, все-таки конец XIX в. А комплексное исследование разворачивалось, в основном, в течение последнего столетия. Краткая история развития чувашского языкознания излагалась в разных публикациях неоднократно, так, о процессах, происходивших в 1917–1990 гг. написал М.Ф. Чернов [Чернов 1992]. Мы же хотим остановиться на работах, осуществленных в течение последних двух десятилетий.

Исследованием чувашского языка в настоящее время занимаются языковеды в нескольких научных центрах Российской Федерации, работа ведется также турецкими, финскими и венгерскими коллегами и лингвистами ряда других государств. Но работа по изучению чувашского языка во всех его аспектах сосредоточена главным образом в Чебоксарах и прежде всего в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (ЧГИГН). Сотрудники отдела языкознания института вступили в новое тысячелетие, имея в плане ряд проектов научных изысканий по таким направлениям, как лексико-семантические и грамматические

Долгова Алевтина Петровна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: enzenz@yandex.ru

Кузнецов Александр Валерьянович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: timer1975@mail.ru

особенности чувашского языка, культура речи, терминология, топонимика, речевой этикет, социальное функционирование чувашского языка, место чувашского языка среди тюркских языков и другим. Было запланировано составление различных словарей.

Наиболее крупными проектами, основы которых были заложены еще в 80-х и 90-х гг. прошлого века, являлись составление «Толкового словаря современного чувашского литературного языка» и подготовка коллективного трехтомного труда «Современный чувашский язык». Первый том последнего был издан в 1990 г., в него включено описание фонетики, орфоэпии, лексикологии, фразеологии, графики и орфографии [СЧ 1990]. Но в дальнейшем, в самом конце прошлого века, работа по этому проекту сначала замедлилась, затем вообще была свернута. Второй том был написан еще в 90-х гг. XX в. И.П. Павловым почти полностью, но завершить его и подготовить к изданию он не успел. Рукописи И.П. Павлова отредактировал и подготовил к изданию уже в 2010-е гг. В.И. Сергеев. И в 2014 г. была издана первая часть монографии, включающая в себя разделы «Морфемика», «Морфонология», «Словообразование» с примечаниями и научными комментариями В.И. Сергеева [Павлов 2014]. А вторая часть – «Морфология», также под научной редакцией и с комментариями В.И. Сергеева, была издана в 2017 г. [Павлов 2017].

Из реализованных замыслов можно назвать выпущенные в свет двухтомный русско-чувашский словарь [Скворцов 2012] и несколько терминологических словарей, издание А.В. Кузнецовым монографии и публикацию цикла статей о речевом этикете чувашей, Э.Е. Лебедевым – серии работ о глагольных формах и категориях в чувашском языке, Н.И. Егоровым – исследований по этнолингвогенезу и истории чувашского языка. Среди работ прикладного характера необходимо упомянуть библиографический указатель по чувашскому языкознанию [ЧЯ 2004]. Но часть проектов по ряду причин была свернута, в качестве примеров можно привести уже упомянутый проект трехтомного труда о современном чувашском литературном языке, монографическое исследование исторического развития лексики чувашского языка и проект топонимического словаря Чувашии. Только в текущем году доктор филологических наук Ю.Н. Исаев возродил проект, посвященный топонимике Чувашии, но уже в стенах Чувашского республиканского института образования.

Что касается составления толкового словаря, то следует сказать, что затеянный еще в конце 1980-х гг. проект фактически начал реализовываться только в самом начале XXI в., претерпев значительные трансформации и в объеме, и в ряде основополагающих принципов составления. Так, отказавшись от слова «литературный» в названии самого словаря, авторский коллектив отказался и от функции нормализации, т. е. этот словарь не является справочником, дающим сведения о нормах чувашского языка – лексических, грамматических, словообразовательных и др. [ТСЧЯ 2011–2017]. Руководство авторским коллективом и научное редактирование словаря взял на себя кандидат филологических наук Г.А. Дегтярёв, и в настоящее время готовится к изданию четвертый том. Г.А. Дегтярёв ведет работу также над неологическим словарем чувашского языка, выпущены в свет два тома из трех [Дегтярёв 2003–2017].

Следующее направление исследований связано с нормализацией и кодификацией чувашского языка, с вопросами чувашской орфографии и пунктуации. Здесь

уместно остановиться на деятельности межведомственной комиссии по чувашскому языку, которая утвердила наименования учреждений образования и культуры, списки почетных званий и псевдонимов писателей, терминов различных отраслей на чувашском языке и некоторых других перечней, основным разработчиком их выступил также Г.А. Дегтярёв. Он же подготовил и опубликовал в изданиях института списки терминов на чувашском языке по отдельным другим отраслям науки и искусства.

Проблемы орфографии чувашского языка обсуждались в продолжение двух-трех десятилетий на рубеже XX и XXI вв. достаточно горячо. Непрерывающиеся дискуссии в печати и интернет-пространстве было решено продолжить на научном форуме, и в 2015 г. в ЧГИГН была проведена межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная проблемам чувашского правописания [ЧО 2015]. После конференции на базе института была собрана рабочая комиссия с привлечением специалистов из других учреждений и общественных организаций для урегулирования наиболее спорных моментов. В 2016 г. было принято решение о внесении некоторых изменений в существующие правила и подготовке нового издания орфографического словаря.

Еще один вид деятельности, без которого не может развиваться наука, – обсуждение актуальных вопросов на различных форумах – конференциях, симпозиумах, семинарах и т. п. В начале XXI в. отдел языкознания ЧГИГН выступил организатором ряда мероприятий, наиболее крупными из них явились международные симпозиумы «Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра» (2004) и «Вариативность в языках народов Поволжья» (2006), международная научная конференция «Чувашский язык и проблемы алтаистики» (2009), международная тюркологическая конференция «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации» (2010).

Нельзя обойти вниманием и полевые исследования. Часть экспедиционных выездов организовывались совместно с Институтом языкознания РАН и с Российским государственным гуманитарным университетом: в 2004 г. проведена социолингвистическая экспедиция в ряд районов Чувашии, диалектологические – в 2009–2011 гг. в Малом Карачкино Ядринского района, в 2012–2016 гг. в Шумерлинском, Аликовском, Красночетайском районах, в 2015 г. в Янтиковском районе Чувашии.

С начала 2010-х гг. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук разворачивается еще один масштабный проект, направленный на комплексное фундаментальное исследование чувашского языка, – написание коллективом авторов цикла монографий «Строй чувашского языка».

Вышедшая в рамках этой серии монография доктора филологических наук В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка. Словоизменение, формоизменение и формообразование» [Сергеев 2017] является результатом многолетней исследовательской деятельности автора, позволившей ему выйти на решение проблем грамматического строя не только чувашского языка, но и общетюркологического масштаба. Поставив во главу угла оппозицию «форма категориальная и форма некатегориальная», основанную на зависимости от распространения той или иной грамматической категории на все множество элементов рассматриваемой группы или на их часть (например, на все слова той или иной части речи

или только на некоторые из них), он выводит деление морфологии на три уровня: *словоизменение*, *словоформоизменение* (или вкратце *формоизменение*) и *формообразование*. К последнему уровню относятся, по его мнению, все случаи некатегориальных форм, один из таких случаев – «форма лица у числительных от двух до семи: *иксёмёр* ‘мы вдвоем’, *иксёр* ‘вы вдвоем’...», у других числительных данная форма не встречается.

В этой же серии в институте подготовлено к изданию и скоро выйдет в свет монографическое исследование «Фонетика и фонология чувашского языка», написанное кандидатом филологических наук П.Я. Яковлевым. Несмотря на кажущийся обширным список имеющихся на сегодня публикаций о звуковом строе чувашского языка, в чувашской фонетической и фонологической науке до настоящего времени сохраняется ряд нерешенных проблем. Наиболее запутанным из таковых является вопрос фонемного инвентаря консонантизма чувашского языка. П.Я. Яковлев предлагает, в отличие от своих предшественников, непротиворечивую трактовку: так, например, отрицая существование в современном чувашском языке оппозиций согласных по звонкости-глухости и по квантитативности, он выявляет в качестве релевантной корреляцию геминированных шумных согласных и простых шумных согласных (которые имеют свойство позиционного ослабления – в интервокальной позиции и между сонорным и гласным). В монографии также рассмотрены вопросы вокализма, сингармонизма, словесной акцентуации, особое внимание уделено заимствованным фонемам и ударению в заимствованных словах.

Еще две книги (первая – о словообразовании чувашского языка, вторая – о его диалектах и говорах) находятся на стадии завершения, авторы соответственно Э.Е. Лебедев и А.В. Кузнецов. Начата работа над монографией, посвященной синтаксису.

Крайне актуальная проблема рассматривается в работах Э. Алос-и-Фонта, изучающего особенности языковой ситуации в Чувашской Республике. Его статьи, как опубликованные в различных периодических изданиях и сборниках материалов конференций, так и собранные в отдельный сборник [Алос-и-Фонт 2015], не только представляют собой достаточно объективную картину о положении чувашского и других языков в республике, но и содержат предложения и конкретные рекомендации общественным, образовательным, управленческим и другим структурам для определения путей выхода из создавшейся неблагоприятной для будущего чувашского языка ситуации.

Ряд направлений чувашского языкознания успешно развивается в вузах республики. Функционирует лаборатория чувашской диалектологии в Чувашском государственном педагогическом университете имени И.Я. Яковлева; в ней собрана богатая эмпирическая база, преподавателями и студентами практически ежегодно проводятся экспедиции в республике и за ее пределами – в местах компактного проживания чувашей, регулярно организуются конференции и публикации сборников статей, словарей и атласов.

В Чувашском государственном университете проводятся сравнительные и сопоставительно-типологические исследования грамматического строя и лексического состава чувашского языка, предпринимаются первые шаги по разработке принципов создания корпуса чувашского языка. Интерес представляют ориги-

нальные лексикографические работы А.М. Ивановой и Э.В. Фомина (словари агнонимов, ретроспективный, словарь лексического наследия и др.). Наиболее заметным явлением в чувашской лингвистике стали два монографических исследования, изданные преподавателями данного учебного заведения. Доктор филологических наук Г.Н. Семенова обратила свое внимание на такие явления в чувашском языке, как редупликация имен, парные слова и так называемые сложные слова. Объединив общим термином «именные композиты», она рассматривает эти объекты с точки зрения связи их частей – различных моделей подчинительного и сочинительного типа [Семенова 2005]. Новый взгляд на вопросы взаимообусловленности морфологии и синтаксиса предложен А.М. Ивановой. Представив грамматический строй чувашского языка как «сложную комбинированную языковую организацию – морфологический синтаксис, т. е. морфосинтаксис» [Иванова 2011: 290], она рассматривает в этом ключе такие грамматические категории, как словосочетания, аналитические глагольные конструкции, падеж и склонение, конструкции со служебными словами.

В обоих вузах и Чувашском республиканском институте образования осуществляется систематическая деятельность по изучению и решению вопросов преподавания чувашского языка, по внедрению в образовательную деятельность новых методов и технологий. В последние годы вошла в практику организация на базе Института образования обсуждения этих вопросов с привлечением широкого круга специалистов – научных работников, преподавателей вузов, методистов, учителей общеобразовательных школ.

А что же в перспективе? На нынешнем этапе перед чувашскими лингвистами стоит ряд важнейших задач.

Во-первых, необходимо продолжить фундаментальные исследования строения, функционирования и исторического развития чувашского языка, направленные: а) на описание исторического процесса формирования и развития чувашского языка на основе диахронических исследований его строевых уровней (лексики, фонетики, грамматики) с установлением пространственно-временных параметров стадий его развития; б) на анализ особенностей уровней современного чувашского языка с учетом коренных изменений за последние несколько десятилетий в парадигме самой лингвистики (современному исследователю требуются усилия, чтобы ориентироваться в современных лингвистических теориях и методологиях, осмысленно выбирать научную парадигму, отвечающую конкретным целям и задачам исследований); в) на создание обстоятельного, по возможности непротиворечивого, описания строя чувашского языка, исходя из особенностей самого чувашского языка – как с точки зрения традиционной (формальной) грамматики (т. е. рассматривания по принципу «от формы к значению»), так и посредством комплексного изучения средств всех уровней, служащих выражению того или иного значения (соответственно – функции), т. е. «от значения к форме»; г) на изучение особенностей функционирования чувашского языка (в том числе стилевых), а также роли языка в жизни общества и способов оптимизации его социальных функций (например, вопросы теории и практики перевода, преподавания языка, создания информационных систем – того же машинного фонда, социолингвистические исследования). Одна из частных задач в рамках этого направления – работа по изучению особенностей строя разговорной чувашской ре-

чи, фиксации и анализу особенностей устной и письменной форм языка, т. е. документирование языка (прежде всего наиболее заметных изменений, происходящих на рубеже веков). Со временем звучащие тексты живой речи, записанные в полевых (естественных) условиях, должны стать такими же привычными материалами, как и письменные, которым мы все еще отдаем предпочтение.

Во-вторых, продолжать работу, связанную с решением задач языковой практики. Это требует деятельности в двух направлениях. Одно из них связано с продолжением разработки проблем нормативного языкознания на основе результатов фундаментальных исследований с учетом современного состояния чувашского языка и его роли в обществе и с установлением исходя из этого определенных правил использования языка; а также с вопросами унификации терминологии (общей и отраслевой), именования и переименования улиц, площадей и т. д. (эта работа у нас развивается в основном в связи с переводами терминов и наименований с русского на чувашский язык). Второе направление имеет непосредственное отношение к практическому использованию чувашского языка. Это в первую очередь создание справочников и словарей различного профиля, перечней и списков по различным сферам использования чувашского языка. Например, в ЧГИГН периодически обращаются представители различных структур с просьбой перевести перечни слов, терминов, наименований на чувашский язык для использования их в документообороте. Работы эти, как правило, проводятся по факту обращения. Видимо, стоит обсудить вопросы, существенные для этой сферы, определить наиболее важные области приложения сил лингвистов в этом направлении и наметить план дальнейших действий.

Следующий очень важный раздел языкознания связан с задачей создания машинного фонда, или национального корпуса, чувашского языка. Для ее решения действительно требуется объединение сил лингвистов, программистов и организаций, занимающихся изданием и хранением текстов на чувашском языке.

В этом коротком обзоре отмечены только наиболее значительные, на наш взгляд, работы в области чувашского языкознания за последние двадцать лет и обозначены основные перспективы дальнейших разработок, важных для развития чувашского языка и чувашской лингвистической науки. На самом деле диапазон и разрабатываемых вопросов, и перспектив исследований намного шире.

Литература

- Алос-и-Фонт 2015 – *Алос-и-Фонт Э.* Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2015. {*E. Alos-i-Font.* Study of the language situation in the Chuvash Republic. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2015.}
- Дегтярёв 2003–2017 – *Дегтярёв Г.А.* Неологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. – Т. 1; 2017. – Т. 2. (На чуваш. яз.) {*G.A. Degtyarev.* Neological Dictionary of the Chuvash language. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2003. – Vol. 1; 2017. – Vol. 2. (In Chuvash)}
- Иванова 2011 – *Иванова А.М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. {*A.M. Ivanova.* Problems of morphosyntax in the Chuvash linguistics: typological-contrastive aspect. – Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2011.}
- Павлов 2014 – *Павлов И.П.* Современный чувашский язык. Т. 1: Морфемика. Морфонология. Словообразование. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. {*I.P. Pavlov.* The Modern

- Chuvash language. Vol. 1: Morphemics. Morphonology. Derivation. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2014.}
- Павлов 2017 – *Павлов И.П.* Современный чувашский язык. Т. 2: Морфология. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2017. {*I.P. Pavlov.* The Modern Chuvash language. Vol. 2: Morphology. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2017.}
- Семенова 2005 – *Семенова Г.Н.* Композитобразование в чувашском языке и его национальная специфика. – М.: Прометей, 2005. {*G.N. Semyonova.* Composite formation in the Chuvash language and its national specificity. – Moscow: Prometheus, 2005.}
- Сергеев 2017 – *Сергеев В.И.* Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формобразование. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2017. {*V.I. Sergeyev.* Morphology of the Chuvash language: inflection, inflection of word forms, word form formation. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2017.}
- Скворцов 2012 – *Скворцов М.И.* Русско-чувашский словарь: в 2 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. {*M.I. Skvortsov.* Russian-Chuvash Dictionary: in 2 volumes. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2012.}
- СЧ 1990 – Современный чувашский литературный язык. Т. 1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. {The Modern Chuvash literary language. Vol. 1. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1990.}
- ТСЧЯ 2012–2016 – Толковый словарь чувашского языка: в 7 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. – Т. 1; 2014. – Т. 2; 2016. – Т. 3. (На чуваш. яз.) {Explanatory Dictionary of the Chuvash language: in 7 volumes. – Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 2012. – Vol. 1; 2014. – Vol. 2; 2016. – Vol. 3. (In Chuvash)}
- Чернов 1992 – *Чернов М.Ф.* Развитие чувашского языкознания // Тюркология. – 1992. – № 4. – С. 15–25. {*M.F. Chernov.* The Development of the Chuvash linguistics // Turkology. – 1992. – № 4. – PP. 15–25.}
- ЧО 2015 – Чувашская орфография вчера, сегодня завтра. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2015. {The Chuvash spelling yesterday, today and tomorrow. – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2015.}
- ЧЯ 2004 – Чувашское языкознание (1730–2002): библиографич. указатель: в 2 частях / сост. *Е.И. Батченко.* – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2004. {The Chuvash linguistics (1730–2002): bibliographic index: in 2 parts / comp. *E.I. Batchenko.* – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2004.}

THE DEVELOPMENT OF THE CHUVASH LINGUISTICS AT THE BEGINNING OF THE XXIst CENTURY: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS AND PRESSING TASKS

A.P. Dolgova, A.V. Kuznetsov
Cheboksary

Summary: The article provides an overview of the most significant scientific works on the Chuvash language over the past twenty years. The focus is made mainly on projects implemented at the Chuvash State Institute of Humanities. The most pressing issues and the main promising areas for further work are outlined.

Key words: Chuvash linguistics, structure of Chuvash language, lexicography, spelling, sociolinguistics, dialectology.

ПРОТОКОЛ
годового собрания Российского комитета тюркологов
при Отделении историко-филологических наук РАН

31 января – 1 февраля 2020 г.
(Москва, Институт языкознания РАН)

Присутствовали: члены бюро РКТ: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – заместитель председателя РКТ, Институт языкознания РАН, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Хисамитдинова Ф.Г.* – ИИЯЛ УФИЦ РАН, д.ф.н., проф.; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Институт языкознания РАН, к.ф.н.; члены РКТ: *Есипова А.В.* – Институт филологии СО РАН, д.ф.н.; *Кузнецов А.В.* – Чувашский гос. институт гуманитарных наук, к.ф.н.; *Кызласов И.Л.* – Институт археологии РАН, д.и.н., проф.; *Кызласова И.Л.* – Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова, к.ф.н., доц.; *Майзина А.Н.* – НИИ Алтаистики им. С.С. Суразакова, к.ф.н.; *Мудрак О.А.* – ИЯз РАН, д.ф.н., проф.; *Насипов И.С.* – БГПУ им. М. Акмуллы, д.ф.н., доцент; *Невская И.А.* – Институт филологии СО РАН / университет г. Франкфурт, Германия, д.ф.н., проф.; *Нуриева Ф.Ш.* – КФУ, д.ф.н., проф.; *Оганова Е.А.* – ИСАА МГУ, к.ф.н., доцент; *Псянчин Ю.В.* – ООО «Лингва», д.ф.н., проф.; *Сарбашева С.Б.* – Горно-алтайский гос. университет, к.ф.н.; *Селендили Л.С.* – Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, д.ф.н., проф.; *Хаджиева Т.М.* – ИМЛИ им. М. Горького РАН, к.ф.н., проф.; сотрудники региональных институтов и приглашенные участники: *Айбазова З.К.* – ИЯз РАН, аспирант (г. Москва); *Акбулатова Р.Т.* – Фонд по развитию и сохранению башкирского языка (г. Уфа); *Ахматова М.А.* – КБГУ им. Х.М. Бербекова, к.ф.н., доцент (г. Нальчик); *Данилова Н.И.* – ИГИ и ПМНС СО РАН, д.ф.н. (г. Якутск); *Зимин М.М.* – Институт языкознания РАН, исследователь-лаборант (г. Москва); *Исангулов М.Ф.* – МГПУ, магистрант (г. Москва); *Келеш Н.Д.* – Институт развития родных языков народов РФ (г. Москва); *Кичеева К.В.* – ХГУ им. Н.Ф. Катанова, аспирант (г. Абакан); *Коровина Е.В.* – ИЯз РАН (г. Москва); *Кочакаева З.К.* – ИЯз РАН (г. Москва), к.ф.н.; *Латфуллина Л.Г.* – МПГУ, к.ф.н., доцент (г. Москва); *Маршова Л.И.* – Институт развития родных языков народов РФ, д.ф.н. (г. Москва); *Норманская Ю.В.* – ИЯз РАН, д.ф.н. (г. Москва); *Самситова Л.Х.* – Институт стратегических исследований РБ, д.ф.н. (г. Уфа); *Султакаева Р.А.* – БГПУ им. М. Акмуллы, к.ф.н. (г. Уфа); *Пустогачева О.Н.* – ИЯз РАН, к.п.н. (г. Москва); *Шаров А.В.* – ИЯз РАН, аспирант (г. Москва); *Шеймович А.В.* – ИЯз РАН (г. Москва); *Юсупова А.Ш.* – Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, д.ф.н., проф. (г. Казань).

Пленарное заседание (11.00 – 15.00)**31 января, пятница****11.00 Кормушин Игорь Валентинович** (д.ф.н., проф., председатель РКТ).*Вступительное слово*

Председатель РКТ сделал доклад о текущих делах комитета, выработке нового положения РКТ, подготовке и издании журнала «Российская тюркология».

11.20 Маршева Лариса Ивановна (д.ф.н., профессор, директор Института развития родных языков народов Российской Федерации, г. Москва).*Тюркские языки в системе образования Российской Федерации***11.40 Самситова Луиза Хамзиновна** (д.ф.н., в.н.с. Института стратегических исследований РБ, г. Уфа).*О научной деятельности Центра социокультурного анализа Института стратегических исследований РБ*

Доклад посвящен деятельности Центра социокультурного анализа ИСИ РБ. Работа Центра сопряжена с активной полевой, архивной и лабораторной работой, что выражается в постоянных экспедициях, интервьюировании общественно-политических и религиозных активистов. Причем данная работа не редко проводится в других регионах России. Основные научные направления:

- 1) Историко-этнографические исследования
- 2) Этноконфессиональные исследования
- 3) Исследования картины мира башкир

Что касается лингвистического аспекта исследований, то, согласно государственной программе «Сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан», основной задачей которой является содействие развитию государственных и родных языков народов, проживающих в регионе, расширение их применения в различных сферах, повышение уровня языковой грамотности населения, популяризация родных языков среди молодежи, учеными разрабатываются концепции и УМК.

12.00 Насипов Ильшат Сахиятуллович (д.ф.н., доц., зав. каф. татарского языка и литературы БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа).*Научно-методические центры татарской филологии в Башкортостане***12.20 Долгова Алевтина Петровна** (к.ф.н., в.н.с.), **Кузнецов Александр Валерьянович** (к.ф.н., с.н.с. Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары).*Развитие чувашского теоретического и прикладного языкознания в начале XXI века: достижения, проблемы и насущные задачи***12.40 Акбулатова Рита Тимерхановна** (специалист по науке Фонда по сохранению и развитию башкирского языка, г. Уфа).*О деятельности Фонда по сохранению и развитию башкирского языка*

Фонд по сохранению и развитию башкирского языка был создан по Указу Главы Республики Башкортостан и функционирует с марта 2019 г. Деятельность

данной Автономной некоммерческой организации направлена на реализацию собственных проектов, а также всестороннюю поддержку проектов и программ, способствующих сохранению, популяризации и развитию башкирского языка. В статье приводится краткий обзор ряда успешных проектов Фонда, реализованных в течение апреля – декабря 2019 г.

13.00 Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна (д.ф.н., проф., науч. рук. ИИЯЛИ УФИЦ РАН, г. Уфа), **Хусаинова Гульнур Равиловна** (д.ф.н., зав. отделом фольклора ИИЯЛИ УФИЦ РАН, г. Уфа).

О проекте «Перевод эпосов и других фольклорных произведений тюрков на близкородственные тюркские языки»

13.20 Нуриева Фануза Шакуровна (д.ф.н., проф., Институт филологии и межкультурной коммуникации КФУ, г. Казань).

Книги для крещеных татар как лингвистический источник (XIX – начало XX вв.)

13.40 Юсупова Альфия Шевкетовна (д.ф.н., проф., директор Центра татаристики КФУ, г. Казань).

Становление двуязычной лексикографии татарского языка в XIX в.

Печатные двуязычные словари – лексикографические памятники, предназначенные для изучения татарами русского языка и русскими – татарского, стали появляться с 1801 г. Первыми были татарско-русский и русско-татарский словари И. Гиганова, изданные в 1801 и 1804 гг. Эта деятельность была продолжена другими авторами. В XIX в. вышли в свет словари А. Троянского (1833, 1835), С. Кукляшева (1859), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш. Габдельгазиза (1893), А. Воскресенского (1894), М. Юнусова (1900). Эти двуязычные словари, созданные учеными, преподавателями и миссионерами, донесли до нас богатейший лексический материал той эпохи, который отражал продолжавшийся культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

14.00 Майзина Аржана Николаевна (к.ф.н., с.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск).

Орфография алтайского языка на современном этапе развития

Вопрос о пересмотре правил орфографии алтайского языка на протяжении последних лет возникал неоднократно, поскольку действующие правила орфографии не в полной мере отражали современное состояние алтайского языка. В этой связи в 2019 г. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова издал коллективную монографию «Правила орфографии современного алтайского языка» (2019). Изменения и дополнения в новой орфографии коснулись правил правописания слов с огубленными и редуцированными гласными. Были уточнены и дополнены правила правописания сложных и сложнокращенных слов, усовершенствованы правила правописания заимствованных слов. Кроме того, были включены правила употребления прописных и строчных букв в названиях документов, произведений искусства, организаций, предприятий, фирм, названий орденов, медалей, наград, знаков отличия, премий, должностей и званий.

В настоящее время на основе вышеуказанной теоретической работы специалистами НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова подготовлен к изданию новый орфо-

графический словарь алтайского языка. Словарь содержит более 19000 слов и словоформ, входящих в состав общеупотребительной лексики алтайского языка. Помимо широко распространенной лексики, в нем представлены специальные термины, вызывающие трудности при написании. Также в словарь включены неологизмы, вошедшие в употребление в последние годы и нуждающиеся в орфографической нормализации.

14.20 Кызласов Игорь Леонидович (д.ф.н., проф., Институт археологии РАН, г. Москва).

К постижению нерасшифрованного письма

Среди руноподобных надписей Евразии есть четыре до сих пор не расшифрованные письменные системы, продолжающие интересовать тюркологов: одна представлена древними письменами на чаше из кургана Иссык (Казахстан), вторая – шестью средневековыми надписями ачикташского алфавита в городах Средней Сырдарьи (Казахстан) и на близлежащих землях Узбекистана и Кыргызстана, третья – родственным им по облику знаков южноенисейским письмом Южной Сибири и Монголии, четвертая – мурфатларскими начертаниями Румынии и Болгарии. Возможности изучения нерасшифрованного письма в многоалфавитном пространстве возникают в свете социоскрипторики, созданной В.В. Вертоградской. Время существования, общественный статус и религиозная принадлежность таких нечитаемых письменных систем средневековья устанавливается, прежде всего, благодаря учету мест нанесения выполненных ими надписей и их соседства с читаемыми написаниями.

14.40 Мудрак Олег Алексеевич (д.ф.н., проф., ИЯз РАН, г. Москва).

«Промежуточная» родина карачаево-балкарцев по данным культурной лексики

Научная сессия «Актуальные проблемы современной тюркологии»

31 января, пятница (16.00 – 19.00)

«Общие проблемы тюркской филологии»

16.00 Кормушин Игорь Валентинович (д.ф.н., проф., ИЯз РАН, г. Москва).

К вопросу о характере древнетюркского языка VII–VIII вв.

16.20 Невская Ирина Анатольевна (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск).

Недавно открытая руническая надпись Горного Алтая Кутту-1, ее прочтение, интерпретация и историко-культурный контекст

16.40 Хаджиева Ганзиля Мусаевна (к.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН, г. Москва).

Стилистические особенности карачаево-балкарской «Нартиады» (типичные места, традиционные формулы, повторы)

17.00 Коровина Евгения Владимировна (н.с. ИЯз РАН, г. Москва).

Обзор тюркского материала в «Словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа

17.20 **Сарбашева Сурна Борисовна** (к.ф.н., доцент, декан Факультета алтаистики и тюркологии, зав. кафедры алтайского языка и литературы, Горно-Алтайский госуниверситет, г. Горно-Алтайск).

Фонетические особенности гидронимии Турочакского и Чойского районов Республики Алтай

17.40 **Данилова Надежда Ивановна** (д.ф.н., зав. Отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малых народов Севера СО РАН, г. Якутск).

О работе Отдела якутского языка за прошедший (2019) год

18.00 **Султакаева Раушания Абдулхаевна** (к.ф.н., доцент БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа).

Характер протекания действия в сложных глаголах башкирского языка

18.20 **Кочакаева Зарема Калабзаровна** (н.с. ИЯз РАН, г. Москва).

Первичная и вторичная долгота гласных в гагаузском языке по экспериментальным данным

1 февраля, суббота (11.00 – 15.00)

«Тюркская диалектология и лингвогеография»

11.00 **Ахматова Мариям Ахматовна** (к.ф.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик).

Еще раз к вопросу изучения диалектов карачаево-балкарского языка

11.40 **Айбазова Зухра Казимовна** (м.н.с. ИЯз РАН, г. Москва).

Промежуточные итоги карачаево-балкарской диалектологической экспедиции Института языкознания 2018–2019 гг.

12.00 **Акбулатова Рита Тимерхановна** (специалист по науке Фонда по сохранению и развитию башкирского языка, г. Уфа).

Фонетические различия диалектов башкирского языка в области исторического перехода звуков $t > d > z > ʒ > j$.

12.20 **Псянчин Юлай Валиевич** (д.ф.н., проф., руководитель Отдела перевода ООО «Центр трудовой миграции – Лингва», г. Уфа).

Н.Х. Ишбулатов и вопрос функционирования западного диалекта башкирского языка

12.40 **Абубакирова Лидия Фатиховна** (н.с., Лаборатория лингвистической антропологии ТГУ, г. Томск), **Зимин Марк Михайлович** (ИЯз РАН, лаборант-исследователь, г. Москва).

Опыт генетической классификации волго-уральских тюркских диалектов

13.00 **Дыбо Анна Владимировна** (чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф., ИЯз РАН, г. Москва).

Генетическая классификация близкородственных языков: узлообразующие процессы и лексикостатистика (на материале языков z-группы)

13.20 **Селендили Лемара Сергеевна** (д.ф.н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь).

Некоторые проблемы перевода художественных текстов с русского на крымскотатарский язык

«Тюркская диалектология и лингвогеография»

(продолжение, 15.00 – 18.00)

15.00 **Норманская Юлия Викторовна** (д.ф.н., ИЯз РАН, г. Москва).

Первые кириллические книги на тюркских языках

15.20 **Есипова Алиса Васильевна** (д.ф.н., г. Томск).

Показатель настоящего времени -чар как один из морфологических признаков диалектной принадлежности первых кириллических православных книг на шорском языке.

В докладе рассматривается один из диагностических признаков диалектной принадлежности двух кириллических православных книг на шорском языке («Священная история на шорском нарѣчїи для инородцевъ восточной половины кузнецкаго округа» (Казань, 1883) и «Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии. Тегрїдїң чарыгынга кірчен чолды кōдүсче» (Казань, 1884)), которые использовались в обучении грамоте шорских детей, молитвенной практике принявших православие шорцев, а также в богослужебной практике в православных церквях на территории современной Горной Шории. Синтетической форме настоящего времени на -ча в данных книгах соответствует форма на -чар, что является признаком верхнекондомского говора кондомского диалекта шорского языка. Форма на -чар еще не окончательно сформировалась как синтетическая временная форма. Она имеет как слитное, так и раздельное, а в отдельных случаях и дефисное написание со смысловым глаголом. Дублетные формы настоящего времени в текстах этих книг отсутствуют.

15.40 **Кызласова Инга Людвиговна** (зав. каф. хакасской филологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан).

Глагольные аналитические формы -ып ал и -ып пир в хакасском языке

Вспомогательные глаголы ал 'брать' и пир 'дать' в сочетании с агентивными переходными глаголами обозначают результативно-процессный аспектуальный способ действия, в котором развивающиеся действия направлены на достижение предусмотренного результата. В сочетании с непереходными глаголами состояния и деятельности в зависимости от контекста могут обозначать делимитативный или сативный способы действия. Семантическая разница между формами -ып ал и -ып пир лишь в том, выполняется это действие в пользу агенса или бенефактива.

16.00 **Кичеева Кристина Владимировна** (выпускница аспирантуры кафедры хакасской филологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан).

Глагольные формы будущего времени в хакасском языке

В докладе систематизируются простые и аналитические формы будущего времени, определяются их прямые, переносные и модальные значения.

Постерная сессия

Аминев Закирьян Галимьянович (к.филос.н., с.н.с. ИСИ РБ, г. Уфа).

Священная гора тюрков Отукен в башкирской топонимии

Леонтьев Алексей Петрович (н.с. Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары).

К вопросу о классификации чувашских поверий

Сибгатов Флюр Шарифуллович (к.ф.н., доцент, заведующий отделом рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди Республики Башкортостан, г. Уфа).

Творчество Мажита Гафури в системе тюрко-мусульманской литературы: сюжетно-композиционные особенности и концепция героя

Сиразитдинов Зиннур Амирович (к.ф.н., зав. лабораторией компьютерной лингвистики ИИЯЛИ УФИЦ РАН, г. Уфа).

Изысканный дар к тюркским языкам (в память об академике А.Т. Кайдарове)

Усманова Минсылу Губайтовна (д.ф.н., проф. БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа).

Причастие будущего времени и способы его выражения в башкирском языке: новый взгляд на проблему.

Постановили:

1. Об изменениях в составе редколлегии журнала «Российская тюркология». В связи с дальнейшей деятельностью по продвижению журнала в список ВАК ввести в состав редколлегии следующих новых членов: **Акматалиев Абдылдажан Амантурович** – д.ф.н., проф., Действительный член Национальной академии наук Кыргызской Республики, Директор института языка и литературы им. Ч. Айтматова Национальной Академии Кыргызской Республики (Кыргызстан); **Койчурев Бахтияр Турарович** – д.ф.н., доцент, зав. каф. истории и теории литературы КРСУ (Кыргызстан); **Габышева Луиза Львовна** – д.ф.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутия); **Миннуллин Ким Мугаллимович** – д.ф.н., проф., директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (Татарстан); **Надергулов Минлегали Хусаинович** – д.ф.н., проф., зав. отделом литературоведения УФИЦ РАН (Башкортостан); **Родионов Виталий Григорьевич** – д.ф.н., проф. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чувашия); **Тугужекова Валентина Николаевна** – д.и.н., проф., Хакасский НИИ языка, литературы и истории (Хакасия); **Функ Дмитрий Анатольевич** – д.и.н., проф., директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва); **Хаджиева Танзиля Мусаевна** – к.ф.н., в.н.с. Института мировой литературы им. А.М. Горького (Москва).

2. В год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне (2020 г.) для рубрики «Персоналии» журнала «Российская тюркология» подготовить подборку статей, посвященных тюркологам – ветеранам и участникам ВОВ.

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ, к.ф.н. Эмба З.Н.

ПЕРСОНАЛИИ

**К 75-летию победы советского народа
в Великой Отечественной войне.
Посвящается тюркологам – участникам ВОВ**

О НАУЧНОМ НОВАТОРСТВЕ МИРФАТЫХА ЗАКИЕВИЧА ЗАКИЕВА

Филолог, педагог, общественный деятель, ученый с большой буквы Мирфатых Закиевич Закиев – один из ярких представителей тюркологической науки современности. Его имя стоит в одном ряду с именами таких корифеев науки, как Б.А. Серебрянников, Л.З. Залялетдинов, Э.Р. Тенишев, Д.Г. Тумашева, Ф.А. Ганиев. Учителем, открывшим Мирфатыху Закиеву путь в большую науку, являлся видный исследователь татарских народных говоров, первый доктор филологических наук по татарскому языку Залялетдинов Латыф Залялетдинович (1894–

1966). Сегодня его ученик М.З. Закиев сам является создателем и хранителем истории Казанской тюркской лингвистической школы.

Доктор филологических наук (1963), профессор, действительный член АН РТ (1991), академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и член Президиума АН РТ. Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, лауреат Государственной премии РТ по науке и технике, Почетный член Турецкого лингвистического общества, заведующий отделом лингвистики Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ) им. Г. Ибрагимова АН РТ. Автор более 700 научных печатных работ.

Окончил с отличием Казанский государственный университет. Работал заведующим кафедрой татарского языка КГУ, проректором по научной работе, ректором КГПИ, директором ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, Председателем Верховного Совета Татарской АССР.

Мирфатых Закиевич Закиев в 35 лет стал доктором наук. Научной общественности он известен фундаментальными исследованиями в области синтаксиса татарского языка. Опубликовал более пятисот научных работ, в том числе тридцать пять монографий, брошюр, учебников и учебных пособий по проблемам татарского языка, истории татарской школы тюркологов, этнической истории тюркских народов, межнациональных и межъязыковых контактов, двуязычия и многоязычия.

За годы работы директором Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова М.З. Закиев создал самостоятельные отделы этнографии, рукописей и текстологии, лексикологии и лексикографии, отделы по составлению Свода памятников истории и культуры и Татарской энциклопедии.

Ученым созданы научные школы в области языковых, межнациональных и межъязыковых контактов, двуязычия и многоязычия. М.З. Закиевым подготовлено более 60 кандидатов наук, многие его ученики стали докторами наук, профессорами, заслуженными деятелями науки. Под его руководством отдел лингвистики ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова составил трехтомную академическую грамматику татарского языка. Указом Президента РТ от 2 ноября 1994 г. академику М.З. Закиеву, члену-корреспонденту Ф.А. Ганиеву, академику Д.Г. Тумашевой, доценту К.З. Зиннатуллиной присуждена Государственная премия в области науки и техники за создание этого научного труда.

Мирфатых Закиевич Закиев возглавлял ученую комиссию Минпроса Российской Федерации по филологическим наукам, комиссию Минпроса Татарстана по татарскому языку, комиссию Верховного Совета Татарстана по подготовке проекта Закона о языках народов Республики, республиканский совет по общественным и гуманитарным наукам, был членом Конституционной комиссии Татарстана, бюро Российского комитета тюркологов РАН, Научного совета «Язык и общество» при Отделении литературы и языка РАН.

Академик М.З. Закиев за многолетний добросовестный труд награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, восемью медалями. Ветеран Великой Отечественной войны.

М.З. Закиев является одним из ученых, чье богатое научное наследие в настоящее время представляет большой интерес для молодых исследователей. Изучение опыта и деятельности ученого, ведущего разносторонние научные изыска-

ния, продолжившего разработку научных проблем такой области языкознания, как синтаксис татарского языка, отличающегося оригинальностью подхода к различным проблемам языка, является актуальным и представляется одним из способов дальнейшего развития и сохранения языка.

Научное наследие академика АН РТ М.З. Закиева – краеугольный камень всех достижений и тенденций развития татарского языкознания конца XX – начала XXI вв. Проведение Международной научной конференции в честь юбилея выдающегося тюрколога в стенах Казанского университета является символом признания заслуг ученого перед наукой и научным сообществом.

Вклад М.З. Закиева в развитие синтаксиса татарского языка невозможно переоценить: в его фундаментальных трудах кропотливо и тщательно изучены такие категории, как словосочетание, предложение, синтаксическая и грамматическая природа членов предложения в татарском языке, словосочетание как синтаксическая категория, представлены разработки о сложном предложении, синтетических и аналитических придаточных, о структуре текста.

В трудах М.З. Закиева объект исследования синтаксиса связывается со структурой речи, окончательно проводится граница между словосочетанием и предложением, пояснительные отношения рассматриваются в пределах словосочетания. В работах по словосочетаниям ученый, опираясь на формально-грамматические признаки, состав словосочетаний, определение средств связи между единицами в составе словосочетания, вносит свой неоценимый вклад в определение лексико-грамматических отношений компонентов словосочетания в татарском языке.

Академик М.З. Закиев в монографическом плане исследовал предикативность и модальность, составляющие грамматическую основу предложения и включающие в себя такие категории, как время, лицо, интонация. При исследовании структуры простого предложения ученый уделяет большое внимание его парадигме и указывает на следующие парадигмы, в которые организуются предложения: утверждение/отрицание; цель высказывания; лицо и число; наклонение; время; залог; актуальность. М.З. Закиев выдвинул новую для татарского синтаксиса и до сих пор не до конца изученную гипотезу – о предложениях с полупредикативностью, где неполный предикат только называет действие и выражается морфолого-синтаксическим способом, имплицитно.

Как известно, в основе исследования членов предложения должно лежать изучение взаимосвязи слов в предложении. Анализ членов предложения, согласно его мнению, является одним из методов исследования внутренних закономерностей строя речи, моделей и типов предложения. М.З. Закиев делает вывод, что только участвующее в процессе речи со своим конкретным значением слово может быть отдельным членом предложения. Ученый указывает на первостепенную роль подлежащего и сказуемого в организации предложения. Он традиционно рассматривает второстепенные члены предложения, подразделяя их на дополнение, обстоятельство, определение и уточнение, из которых дополнение, обстоятельство и определение квалифицирует как второстепенные, а уточнение – как третьестепенный элемент.

Академик М.З. Закиев называет конструкции с предикатом более одного сложным предложением, указывает на согласование компонентов сложного

предложения с точки зрения содержания и формы. Этот факт дает академику основания для вывода о том, что предложения в составе сложного предложения не могут быть самостоятельными. Основной целью исследования сложного предложения М.З. Закиев считает анализ типов и средств связи между компонентами сложного предложения, а также семантических взаимоотношений между отдельными предложениями в их составе.

М.З. Закиев в своих научных работах на богатом теоретическом и фактическом материале доказал, что синтетические придаточные предложения в татарском и тюркских языках составляют полную и стройную систему. Академик проводит аналогию между синтетическими придаточными предложениями и второстепенными членами предложения, отмечает, что синтетическое придаточное предложение подчиняется главному с помощью средств в составе сказуемого и подчеркивает активное употребление в этой роли неспрягаемых глаголов. Синтетические средства связи с главным предложением лишают сказуемое его законченности, вследствие чего эти синтетические придаточные предложения занимают препозицию или интерпозицию относительно главного предложения. По этому поводу ученый, одним из первых в тюркологии, указывает на необязательность выражения сказуемого придаточного предложения спрягаемым глаголом, на нереальность неперменного требования от сказуемого формы *verbum finitum*.

Мирфатых Закиевич Закиев, одним из первых в татарском языкознании, оценивая предложение как явление речи, анализирует его в плоскости лингвистических и экстралингвистических факторов. Работы М.З. Закиева, посвященные структуре простого предложения, в полном смысле переживают эволюцию. Если в первых работах ученый понимает синтаксис простого предложения под влиянием русских и тюркских грамматик, в традиционном плане, в дальнейшем он оценивает структуру простого предложения с учетом модальности и предикативности. На следующем же этапе объединяет их все в модели и парадигмы предложения. Этот факт, во-первых, дает более полное и четкое представление об общих с тюркскими языками и специфичных для татарского языка признаках простого предложения, во-вторых, открывает возможности для адекватного отражения структурно-грамматических особенностей татарской речи. Произведя тщательный анализ традиционных для русского и европейского языкознания воззрений на категорию предложения, ученый берет их за основу для исследования структуры татарского и тюркского предложения, грамматических моделей, формирования научной платформы татарского синтаксиса. В этом заключается научное новаторство М.З. Закиева.

Академик М.З. Закиев – ученый широкого диапазона. Много сил и времени он уделяет изучению этнической истории татарского народа. Его ценные этнолингвистические взгляды изложены в известных всему научному сообществу трудах, таких как «Тюрки-татар этногенезы» (М., 1997), «Происхождение тюрков и татар» (М., 2003), «Тюрко-татарское письмо» (М., 2005) и др.

Одной из значительных работ, созданных в течение последних пяти лет, является капитальный труд «Казанская лингвистическая школа»¹. В этом издании

¹ Казанская лингвистическая школа. Книга первая. Казанская тюркская лингвистическая школа / сост. М.З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 424 с.

энциклопедического характера собраны богатейшие сведения о появлении тюркологии в зарубежных странах и России, о зарождении в Казани русского востоковедения, о традициях и приоритетах современной отечественной тюркологии.

* * *

Трудное детство выпало на долю Мирфатыха Закиева. Когда началась Великая Отечественная война, тринадцатилетний подросток работал в колхозе и пастухом, и конюхом, и кузнецом. В ту пору хватало работы и взрослым, и детям: на сенокосе возили копны, гоняли лошадей на молотилке, помогали ухаживать за колхозной скотиной. Трудно перечислить все работы, в которых участвовали подростки в военные и послевоенные годы. Война закалила, научила помогать людям, относиться по-доброму ко всем, кто нуждается в помощи. Наш земляк Булат Сулейманов всего на 10 лет был младше М.З. Закиева, судьба свела их в Казанском университете. Один – молодой успешный ученый, доцент, заведующий кафедрой, другой – абитуриент из сельской глубинки, из далекой Сибири, как Ломоносов в Москву, пришедший в Казань чуть ли не пешком и босиком учиться в знаменитом университете, чтобы воплотить давнюю мечту стать таким же поэтом, как Габдулла Тукай. Академик М.З. Закиев много лет спустя написал свои воспоминания о Булате, я ему очень благодарна за это:

«Учитывая то, что с этим докладом я выступаю на “Сулеймановских чтениях”, хочу сказать несколько слов о поступлении Булата Сулейманова на отделение татарской филологии Казанского университета и о его учебе на этом отделении. Помню, в 1961 г. по традиции, сложившейся у нас, мы (заведующий кафедрой татарской литературы писатель Хатиб Усманов и заведующий кафедрой татарского языкознания Мирфатых Закиев) пригласили абитуриентов, занимающихся литературным творчеством, на беседу. Среди так называемых творческих абитуриентов был и Булат Сулейманов. По сравнению с другими абитуриентами, он был старше их на пять лет. Решил он поступить в Казанский университет после получения среднего образования экстерном, поэтому его вступительные баллы были не очень высокими. Но мы решили его принять на 1-й курс, надеясь на то, что и из сибирских татар у нас сформируется татарский поэт. К сожалению, он как сын колхозника из дома не получал материальной помощи, а гонорары за стихи, а также подработанные на разных подсобных работах средства не давали ему возможности продолжать учебу.

Надо подчеркнуть, что его стихи обсуждались на заседаниях литературного кружка отделения. На его стихи особое внимание обращал специалист по стихосложению зав. кафедрой татарской литературы Хатиб Усманов. Помню, он возлагал на Булата большие надежды и радовался тому, что Булат Сулейманов станет поэтом из сибирских татар. Настоящая конференция – “Сулеймановские чтения” – является прекрасным доказательством того, что Булат Сулейманов действительно стал знаменитым поэтом татарского народа. Но период учебы Булата Сулейманова в Казанском университете почему-то забывается его биографами. По моему мнению, он как поэт получил первую критику и похвалу именно в стенах Казанского университета».

В 1990 г. мне посчастливилось принять участие в международной конференции, проводившейся в Венгрии. Маститый ученый, патриарх тюркологической науки, пришел на секцию, в которой я выступала с докладом, при подведении итогов дал высокую оценку моему сообщению. Мирфатых Закиевич и далее остался верен себе, внимательно следил за моим продвижением по карьерной лестнице. В 1997 г., когда член-корреспондент АН СССР (РАН) Эдхем Рахимович Тенишев организовал в Москве первую Международную тюркскую академию, я была избрана в ее состав по рекомендации М.З. Закиева.

В 2006 г. не стало моего научного руководителя Д.Г. Тумашевой. Они постоянно были в оппозиции друг к другу, что не мешало им обоим добиваться наилучших научных результатов, вместе создавать трехтомную академическую грамматику татарского языка, вместе получать заслуженные награды из рук Президента М.Ш. Шаймиева. М.З. Закиев, несомненно, переживал уход коллеги, только этим, по-моему, объясняется то, что он потом специально приехал в Тюменский университет взглянуть на моих студентов, на то, в каких условиях я работаю. Итогом стало то, что в 2007 г. по рекомендации М.З. Закиева, И.Р. Тагирова, М.А. Усманова тайным голосованием меня избрали почетным академиком АН РТ...

Х.Ч. Алишина, М.Ф. Закиев, М. Ондер

Мирфатых Закиевич Закиев – человек щедрой души. Многим молодым ученым помог поверить в себя, обрести свой путь в науке и в жизни. У него очень много последователей и учеников.

М.З. Закиев и его лучшие ученики и соратники Г.Ф. Саттаров, Ф.С. Сайфуллина, Р.А. Юсупов, Д.Б. Рамазанова, Ф.С. Баязитова, Ф.А. Ганиев, Р.Р. Замалетдинов и многие другие помогали и помогают моим ученикам, соискателям и аспирантам Тюменского государственного университета. Лучшим подарком являются книги, монографии, словари, при каждом удобном случае передаваемые в далекую Сибирь. В библиографии мы представили только очень небольшой перечень основных трудов проф. М.Ф. Закиева.

Искренне поздравляем Мирфатыха Закиевича Закиева с прошедшим 90-летним юбилеем, выражаем искреннюю благодарность за труд, за помощь, сотрудничество и поддержку. Желаем глубокоуважаемому Мирфатыху Закиевичу крепкого здоровья, дальнейших успехов в науке, новых сил и энергии, радости и вдохновения от успехов многочисленных благодарных учеников.

д.ф.н. проф. Х.Ч. Алишина и ученики:
к.ф.н. Г.Ф. Тимканова, к.ф.н. С.З. Рахимбакиев, к.ф.н. Р.Н. Рахимова,
к.ф.н. Л.Х. Маликова, к.ф.н. Г.Н. Ниязова, к.ф.н. Г.М. Ниязова,
к.ф.н. Э.Р. Сайдимова, к.ф.н. Л.Г. Замалутдинова,
к.ф.н. З.М. Калгаманова, к.ф.н. Г.Ф. Исмагилова

Литература

- Бурганова Н.Б., Закиев М.З., Курбатов Х.Р. и др.* Современный татарский литературный язык: Часть 1. Лексикология, фонетика, морфология / АН СССР, Казанский институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова. – М.: Наука, 1969. – 380 с. {*N.B. Burganova, M.Z. Zakiyev, Kh.R. Kurbatov et al.* Modern Tatar literary language. Part 1: Lexicology, Phonology, Morphology / Academy of Sciences of the USSR, G. Ibragimov Kazan Institute of linguistics, literature and history. – Moscow: Nauka, 1969. – 380 p.}
- Закиев М.З.* Избранные труды в 7 томах (с парал. текстом на русском и татарском языках) / гл. ред. Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Магариф-Вақыт, 2017. {*M.Z. Zakiyev.* Selected works in 7 volumes (with parallel texts in Russian and Tatar) / ed. R.R. Zamaletdinov. – Kazan: Magarif-Vakyt, 2017.}
- Закиев М.З.* История татарского народа: этнические корни, формирование и развитие. – М.: ИНСАН, 2008. – 559 с. {*M.Z. Zakiyev.* History of the Tatar people: ethnic roots, formation and advancement. – Moscow: INSAN, 2008. – 559 p.}
- Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. – М.: ИНСАН, 2003. – 495 с. {*M.Z. Zakiyev.* The genesis of Turkic and Tatar peoples. – Moscow: INSAN, 2003. – 495 p.}
- Закиев М.З.* Синтаксический строй татарского языка. – Казань, 1963. – 464 с. {*M.Z. Zakiyev.* Syntactic structure of Tatar language. – Kazan, 1963. – 464 p.}
- Закиев М.З.* Татар халкы теленен барлыкка килүе (Образование языка татарского народа). – Казань, 1977. – 208 б. {*M.Z. Zakiyev.* Formation of the Tatar folk's language. – Kazan, 1977. – 208 p. (In Tatar)}
- Закиев М.З.* Төрки-татар этногенезы. – М., 1997. {*M.Z. Zakiyev.* Turkic-Tatar ethnogenesis. – Moscow, 1997. (In Tatar)}
- Закиев М.З.* Тюрко-татарское письмо. – М.: ИНСАН, 2005. – 247 с. {*M.Z. Zakiyev.* The Turkic-Tatar Script. – Moscow: INSAN, 2005. – 247 p.}
- Закиев М.З.* Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. – Казань, 1958. – 244 б. {*M.Z. Zakiyev.* Modern Tatar literary language. Syntax. – Kazan, 1958. – 244 p. (In Tatar)}
- Закиев М.З.* Этногенез тюрков, болгар и башкир. – Уфа: Гилем, 2011. – 284 с. {*M.Z. Zakiyev.* Ethnogenesis of the Turkic people, Bulgars and Bashkirs. – Ufa: Ghilem, 2011. – 284 p.}

ON SCIENTIFIC INNOVATIONS OF MIRFATYKH ZAKIYEVICH ZAKIYEV

Kh.Ch. Alishina, G.F. Timkanova, S.Z. Rakhimbakiyev, R.N. Rakhimova,

L.Kh. Malikova, G.N. Niyazova, G.M. Niyazova, E.R. Saydimova,

L.G. Zamalutdinova, Z.M. Kalgamanova, G.F. Ismagilova

РЕДКОСТНЫЙ ДАР К ТЮРКСКИМ ЯЗЫКАМ (В ПАМЯТЬ ОБ АКАДЕМИКЕ А.Т. КАЙДАРОВЕ)

Абдуали Туганбаевич Кайдаров (13.12.1924, с. Талдыбулак Енбекшиказахского района Алматинской области Республики Казахстан – 27.02.2019, г. Алмата). Окончил Казахский государственный университет, аспирантуру Академии наук Казахской ССР. После завершения аспирантуры начинает научную деятельность младшим научным сотрудником Сектора уйгуро-дунганской культуры АН КазССР. Успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Парные слова в современном уйгурском языке» (1955). Старший научный сотрудник сектора востоковедения АН КазССР (1958), заведующий отделом уйгурской филологии (1959), заместитель директора по научной работе (1961–1963, 1967–1978), заведующий отделом (1963–1967) Института языкознания им. Ахмета Байтурсынова. Защитил докторскую диссертацию на тему «Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка» (1970). Профессор (1972), член-корреспондент Академии наук КазССР (1972), в 1983 г. избирается действительным членом Академии наук Казахской ССР. Директор (1978), почетный директор (1995), ведущий научный сотрудник (1995–2019) Института языкознания имени Ахмета Байтурсынова.

Автор свыше 500 научных работ, в т. ч. более 60 крупных исследований, опубликованных в виде отдельных научных монографий, сборников, словарей, учебников для вузов и школ.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами: Славы III степени (1944), Отечественной войны I и II степени (1944), дважды орденом Красной звезды (1945) и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За защиту Москвы» и др.

* * *

Война началась, когда он окончил 9-й класс казахской средней школы в г. Иссыке. В первые же недели призвали в армию его отца и двух старших братьев. На фронт Абдуали ушел добровольцем в 1941 г., когда ему было 17 лет. В воинской части, где проходило распределение новобранцев, Абдуали стоял в строю, взявшись за руки со своим двоюродным братом Ашимом Иманбаевым. Это было не по уставу и явно не понравилось командиру части. Он подошел к ним, командовал одному – налево, другому – направо и направил Ашима на Кавказский фронт, Абдуали – на Калининский. Больше братья никогда не увиделись... Годы спустя за боевые заслуги на этом фронте Кайдаров будет удостоен медали «За оборону Москвы».

Много всего пришлось пережить будущему ученому в те тяжелые годы. Трагическая история, поистине достойная фильма или книги, произошла с Абдуали в 1942 г. При наступлении на г. Великие Луки с. Плеханово несколько раз переходило из рук в руки. Когда рота, в которой служил рядовой Абдуали Кайдаров, 21 декабря 1942 г. повторно освободила эту деревню, он узнал, что здесь, в братской могиле, похоронен его отец, Кайдар, погибший в бою десятью днями раньше, 11 декабря того же года. Оказывается, отец и сын воевали бок о бок, не подозревая об этом, а коварная смерть-разлучница не дала возможности встретиться им хотя бы ненадолго, перед вечным расставанием. В том кровавом бою юный солдат был тяжело ранен, глубокий шрам до конца жизни зиял на его левой руке, а незаживающая рана от потери отца навсегда осталась в его сердце.

Через два месяца после лечения в госпитале г. Торжок он был направлен на 1-й Прибалтийский фронт, где шли ожесточенные бои в направлении осажденного Ленинграда. Получив звание сержанта, уже командовал отделением в стрелковой роте и в одном из боев оборонял высоту №61, которая постоянно подвергалась губительному огню немецких танков «Тигр» и «Фердинанд», а на нейтральной полосе нескончаемо бил по позициям советских бойцов станковый пулемет. От командира полка последовал приказ подавить эту огневую точку, захватить пулемет и доставить его в качестве трофея. Выполнять задание вызвались Абдуали Кайдаров и рядовой Кононенко. Передвигаясь ползком, попластунски, тщательно маскируясь, они с фланга обошли огневую точку. Пулеметчик был убит, оружие доставлено на высоту. И как раз вовремя. Началась контратака фашистов, и трофейный пулемет оказал большую услугу, выкашивая атакующие цепи врага. В перерыве между стрельбой на высоту поднялся командир полка и тут же, на передовой, вручил сержанту Кайдарову орден Славы III степени.

А спустя еще несколько дней Абдуали вновь оказался на волосок от смерти. При сильнейшем артобстреле снаряд разорвался рядом с сержантом, засыпав его землей с ног до головы. Контуженного, бездыханного, его доставили в ближайший полевой медпункт, где санитары, не разобравшись, перенесли его тело в неоплеченный блиндаж, где лежали погибшие. Солдат проснулся от холода, пришел в себя, огляделся и пришел в ужас. Было от чего! Вокруг – одни мертвецы. Ничего не стоило санитарам вместе с ними по ошибке заживо похоронить и его. Собравшись с последними силами, он охрипшим голосом закричал: «Я живой!

Я живой!» Санитары быстро перенесли его в теплый блиндаж, обогрели, помыли, накормили и на другой день отправили в госпиталь.

В дальнейшем его военная судьба сложилась таким образом. Он был направлен в Ленинградское военно-инженерное училище, которое в то время размещалось в г. Костроме. Окончив 8-месячные курсы по подготовке командиров младшего командного состава, в звании младшего лейтенанта попал на 2-й Белорусский фронт, которым командовал маршал К. Рокоссовский, и был назначен командиром взвода управления в отдельном моторизованном понтонно-мостовом батальоне. Годы спустя Абдуали Туганбаевич вспоминал, насколько ответственно и напряженно было в советских частях весной 45-го, во время подготовки наступления на Берлин, в том числе и при проведении Штеттинской наступательной операции. Таким образом, Абдуали Туганбаевич прошел всю войну, до последнего дня. Военное командование высоко оценило заслуги А. Кайдарова, он был награжден многими орденами и медалями. Демобилизовали его в 1946 г. в звании лейтенанта¹.

* * *

Многосторонняя научная деятельность Абдуали Туганбаевича Кайдарова – известного ученого-тюрколога, доктора филологических наук, академика Национальной академии наук Республики Казахстан, почетного академика Академии наук Республики Башкортостан – неразрывно связана не только с отечественной, но и мировой тюркологией, в которой ему отведено достойное место.

Первая работа ученого в области лингвистики относится к 1953 г. и посвящена проблемам уйгурской терминологии [Кайдаров 1953]. Отметим, что в период открытых границ между СССР и КНР в 1950-х гг. в Казахскую ССР прибыли уйгурские переселенцы, число уйгуров в республике росло быстрыми темпами. В эти годы перед научной общественностью ставится задача создания в СССР литературного языка уйгур на кириллической основе. Вопросы разработки алфавита, норм орфографии и терминологии были чрезвычайно важными для национального языка, и работы Абдуали Туганбаевича в реализации этих задач стали определяющими. Его выступление на сложную и спорную в то время тему «Принципы терминологии уйгурского литературного языка» на конференции в 1958 г. в г. Алматы заложило основы научного терминотворчества уйгурского языка, и эти принципы до сих пор сохраняют свою актуальность.

Среди научных исследований по развитию казахского и уйгурского терминологического образования особо выделяется работа «Новый взгляд на казахскую терминологию» [Кайдаров 1993]. В данной монографии автор определяет 11 принципов терминологического образования, которые учитывают новые исторические условия функционирования казахского языка. Среди них особым образом выделяется принцип заимствования интернациональных терминов и терминов из других языков с учетом фоно-морфологических свойств казахского языка.

Отдельного внимания заслуживают работы академика А.Т. Кайдарова по этимологии. В этой области ученый проводит исследования на основе учета фо-

¹ В статье использованы материалы сайта <https://www.kazpravda.kz/fresh/view/harakter-uchenogo-kovalsya-na-peredovoi>.

нетического, морфологического, семантического подходов в единстве с экстралингвистическими факторами [Кайдаров 1977: 53]. Абдуали Туганбаевич определяет цели этимологических исследований в тюркологии следующим образом: 1) выявление общего древнего пласта лексических основ; 2) выявление общих лексических элементов близкородственных групп языков; 3) выявление лексических особенностей языковых единиц, принадлежащих только к данному конкретному языку; 4) выявление фонетических и семантических изменений заимствований в тюркских языках, вошедших из арабского, персидского, монгольского, китайского, русского и др. языков в разных исторических, культурных, политических и географических условиях; 5) анализ процессов лексического сближения и удаления в языках как закономерный процесс развития языка. Сформированные принципы этимологии Абдуали Туганбаевич озвучил в докладе «Тюркская этимология: проблемы и задачи» на Всесоюзной научно-практической конференции по этимологии в тюркских языках в г. Алматы [Кайдаров 1989].

Особый интерес у ученого вызвала топонимика родного края. Абдуали Туганбаевич интересовался проблемами происхождения географических названий, лексико-морфологическим моделированием топонимии Казахстана, отражением топонимии в эпических памятниках народа, современным состоянием и перспективами дальнейшего развития ономастики Казахстана.

Не остались в стороне научных интересов ученого и проблемы антропонимики. Исследователь первым в СССР подготовил и издал в приложении к уйгурско-русскому словарю список имен уйгуров [УРС 1961: 284–288]. Он также подробно исследовал вопрос образования прозвищ у казахов и уйгур, дал их этнолингвистическую характеристику.

С обретением Казахстаном суверенитета и дальнейшим расширением функций казахского языка как государственного Абдуали Туганбаевич предложил свою концепцию упорядочения казахских личных имен, отчеств и фамилий, которая была принята на государственном уровне [Кайдаров 1995].

Проблемам этнонимии Казахстана посвящена объемная монография ученого «Канлы: историческая родословная», в которой автор по крупицам собрал богатый материал из существующего свода народного творчества, из родословных, хранящихся в исторических архивах, провел лингвистический анализ этнонимов казахского языка [Кайдаров 2004].

В поле научной деятельности А.Т. Кайдарова постоянно находились вопросы интерпретации бытования фразеологизмов. Он подробно изучал проблемы фразеологических вариантов и установления научных критериев классификации фразеосочетаний [Кайдаров, Жайсакова 1979], выявил авторско-стилевые особенности и инварианты в казахских и уйгурских пословицах и поговорках.

Современную уйгурскую и казахскую лексикографию невозможно представить без трудов академика А.Т. Кайдарова. Его вклад в лексикографию определяют лексикографические приложения к монографическим работам «Уйгурско-русский словарь парных слов» (1958) и «Казахско-русский словарь односложных основ» (1986). Он принимал непосредственное участие в составлении лексикографических трудов: «Уйгурско-русского словаря» (1961), «Этимологического словаря казахского языка» (1966), «Русско-уйгурского словаря лингвистических терминов» (1987), «Этнолингвистического словаря казахского языка» в 4 томах

(2009, 2013), «Толкового словаря казахских пословиц и поговорок» (2004), «Словаря парных слов казахского языка» (2013). Неоценимо его участие в редактировании и подготовке к печати академических словарей Института языкознания АН Казахстана им. А. Байтурсынова.

А.Т. Кайдаров плодотворно работал в области исторической и сравнительной грамматики и лексикологии тюркских языков. Особо следует отметить его вклад в изучение уйгурского языка. В 1969 г. была издана работа «Развитие современного уйгурского литературного языка» [Кайдаров 1969]. В этой монографии автор рассмотрел общенародный уйгурский язык во всех его диалектных проявлениях, исследовал его взаимоотношения с современным уйгурским литературным языком как казахстанских, так и синьцзянских уйгуров. Ученый подробно осветил вопросы народно-разговорной речи уйгуров, основные признаки и научные принципы членения уйгурских диалектов и говоров, выявил процессы, формирующие две разновидности литературного языка, функционирующие в КНР и в СССР. Монографическое исследование было отмечено многими отечественными и зарубежными тюркологами, положения этой работы легли в основу его докторской диссертации. В 1971 г. за этот труд Абдуали Туганбаевич был удостоен Республиканской премии им. Ч.Ч. Валиханова.

Исследования ученого по фоно-морфо-семантическому анализу базисной лексики казахского языка на уровне моносиллабов, основные положения которых были изложены автором в его монографической работе [Кайдаров 1986], заложило целое направление по исследованию структуры односложных корней в тюркологии.

Его фундаментальное учебное пособие «Введение в тюркологию» выдержало в Казахстане три издания [Кайдаров 1985; 1992; 2004], переведено на китайский и турецкий языки. Под его научным руководством выполнены сопоставительные исследования по тюркским, монгольским, японскому и корейскому языкам.

Новые реалии, сложившиеся в Казахстане в связи с распадом СССР и суверенным развитием республики, требовали укрепления статуса и расширения функций казахского языка как государственного. Однако существующее несоответствие алфавита и фонетической системы национального языка сдерживало усвоение всем населением литературных норм государственного языка. Учитывая это, некоторые лингвисты предлагали реформировать существующую письменность, другие исследователи предлагали еще более радикальные меры: учитывая влияние алфавита и норм иносистемного языка на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях на казахский язык, предлагали вернуться к древнетюркской письменности.

В своей работе «Кириллицу меняем на латиницу?» (1993) Абдуали Туганбаевич Кайдаров первым предложил перейти на латиницу [Кайдаров 1993]. Своё предложение он обосновывал тем, что кириллический алфавит, вне зависимости от реформы, не сможет передать всего фонетического богатства казахского языка, постепенно приведет к утрате части звуков национального языка. Использование же латиницы является предпочтительным, поскольку именно на ее базе существует богатый опыт передачи специфических звуков любого языка в виде официально принятой международной фонетической транскрипции на основе точного описания систем вокализма и консонантизма каждого из существующих

языков человечества. В дальнейшем ученый обосновал и разработал принципы нового алфавита. Спустя 23 года идея академика стала реальностью, и все эти годы А.Т. Кайдаров выступал консультантом в этом вопросе. Именно благодаря его конструктивной критике был отклонен неудачный во всех отношениях вариант латиницы с широким использованием апострофов.

Благодаря неустанной энергии Абдуали Туганбаевича, его заботе о жизнедеятельности возглавляемого им коллектива Институт языкознания АН Казахстана стал в 80-е – 90-е гг. прошлого столетия авторитетным лингвистическим центром в системе академической науки СССР. При его поддержке были изданы все крупные многотомные академические лексикографические труды в Казахстане.

Академик А.Т. Кайдаров – основатель казахской этнолингвистики. Первая его работа в этом направлении появилась в 1973 г., где ученый дал этнолингвистическое объяснение названиям доспехов и вооружений в казахском языке [Кайдаров 1973]. Основное содержание, цель и значимость трудов ученого в этом направлении заключается в выявлении и объяснении духовной сущности, особенности миропонимания и мироощущения, национальной психологии, истории и культуры казахского этноса. Венцом исследований ученого в данной области знаний явился вышеназванный 4-х томный «Этнолингвистический словарь казахского языка», три тома которого на сегодня уже изданы, а также «Казахско-русский фразеологический словарь» с этнолингвистическим толкованием (2003). Работы Абдуали Кайдарова стали примером для начала создания аналогичных словарей в башкирской, чувашской и татарской лексикографии.

Активная жизненная позиция, которую ученый занимал во всех вопросах, касающихся научной, духовной, культурной, политической, общественной жизни СССР и Республики Казахстан, характеризует А. Кайдарова как истинного гражданина, подлинного интеллигента, настоящего ученого. Доказательством этому служат некоторые значимые вехи и события его жизни: в течение 23 лет он возглавлял специализированный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, восемь лет являлся главным редактором научного журнала Академии наук РК «Известия», а также членом редакционных коллегий журналов «Советская тюркология», «Білім және еңбек», «Парасат». Долгие годы был заместителем председателя, членом Государственного терминологического комитета, заместителем председателя Государственной ономаσιологической комиссии, членом Комитета по присуждению Ленинской и Государственной премии по науке и технике при Совете Министров СССР, Комитета по присуждению Государственных премий в сфере науки и техники при Совете Министров КазССР, Высшей аттестационной комиссии СССР, Президиума Высшей аттестационной комиссии РК, Национального совета по государственной политике при Президенте РК, президентом Международного общества «Қазақ тілі», почетным академиком лингвистического общества Турции «Türk Dil Kurumu» и почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан.

Масштаб деятельности академика А.Т. Кайдарова как руководителя и организатора казахстанской и всесоюзной науки проявился и в подготовке научных кадров: он воспитал целую плеяду талантливых ученых-тюркологов. Под его научным руководством подготовлены и защищены 13 докторских и 66 кандидатских диссертаций. Его ученики работают не только в вузах и НИИ Казахстана, а

также за его рубежами (Москва, Уфа, Абакан, Нукус, Ташкент, Нальчик, Кемерово, Бишкек, Китай, Монголия и др.). Темы защищенных учениками Абдуали Туганбаевича диссертаций поражают разнообразием научных направлений: фонетика, лексикология, морфология, стилистика, диалектология, этнолингвистика, история языка, прикладная лингвистика и др. Это еще раз подтверждает энциклопедическую широту научных познаний ученого.

Научная, научно-педагогическая и общественная деятельность академика высоко оценена правительством Республики Казахстан: А.Т. Кайдаров награжден орденами «Дружбы народов» (1984), «Отечества» (1996), орденом Турции «Знак почета» (2002), золотой медалью родного языка «Ана тілінің айбары», 12 медалями и многочисленными почетными грамотами.

Светлая память о Абдуали Туганбаевиче как ученом, как о человеке широкой души будет оставаться долго в отечественной и мировой науке. Вузовская и академическая общественность Российской Федерации благодарна А.Т. Кайдарову за его неоценимую помощь в решении кадровых вопросов и в становлении новых научных направлений в отечественной лингвистике.

С обретением Казахстаном суверенитета и дальнейшим расширением функций казахского языка как государственного концепции Абдуали Туганбаевича по алфавиту казахского языка, по упорядочению казахских личных имен, отчеств и фамилий, по возрождению и масштабному внедрению в языковое сознание казахстанцев этнолингвистической составляющей национального языка были приняты на государственном уровне.

Сиразитдинов Зиннур Амирович

кандидат филологических наук, в.н.с.,
зав. лабораторией лингвистики и информационных технологий
отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа

Литература

- Кайдаров 1953 – *Кайдаров А.Т.* К вопросу об уйгурской терминологии // Учитель Казахстана. – 09.10.1953. {*A.T. Kaydarov.* To the question of Uighur terminology // *Uchitel' Kazakhstan.* – October 9, 1953.}
- Кайдаров 1955 – *Кайдаров А.Т.* Парные слова в современном уйгурском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1955. – 16 с. {*A.T. Kaydarov.* Pair words in modern Uighur language: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1955. – 16 p.}
- Кайдаров 1958 – *Кайдаров А.Т.* Парные слова в современном уйгурском языке. – Алма-Ата: Наука, 1958. – 168 с. {*A.T. Kaydarov.* Pair words in modern Uighur language. – Alma-Ata: Nauka, 1958. – 168 p.}
- Кайдаров 1969 – *Кайдаров А.Т.* Развитие современного уйгурского литературного языка // Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Ч. 1. – Алма-Ата, 1969. – 359 с. {*A.T. Kaydarov.* The development of modern Uighur literary language // *The Uighur dialects and the dialect base of literary language.* Part 1. – Alma-Ata, 1969. – 359 p.}
- Кайдаров 1973 – *Кайдаров А.Т.* Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. – 1973. – №6. – С. 25–34. {*A.T. Kaydarov.* Armour and weaponry of batyr-warrior in Kazakh epos and their ethno-linguistic explanation // *Bulletin of the KazSSR Academy of Sciences. Sociology Series.* – 1973. – No.6. – PP. 25–34.}
- Кайдаров 1977 – *Кайдаров А.Т.* О критериях определения синкретических слов в тюркских языках // Известия АН КазССР, Серия филологическая. – 1977. – №3. – С. 51–57. {*A.T. Kaydarov.* On criteria of determination of syncretic words in Turkic languages // *Bulletin of KazSSR Academy of Sciences, Philology Series.* – 1977. – No.3. – PP. 51–57.}

- Кайдаров 1980 – *Кайдаров А.Т.* Некоторые аспекты синкретизма первичных основ в тюркских языках // Проблемы современной тюркской этимологии. – Алма-Ата, 1980. – С. 85–93. {*A.T. Kaydarov. Some aspects of syncretism of elementary stems in Turkic languages // Problems of modern Turkic etymology. – Alma-Ata, 1980. – PP. 85–93.*}
- Кайдаров 1985 – *Кайдаров Ә., Оразов М.* Түркологияға кіріспе. Университеттер мен педагогика институтының филол. факультет. студ. арналған оқу құралы. – Алматы, 1985. – 166 б. (*Кайдаров А.Т., Оразов М.* Введение в тюркологию. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов и педагогических вузов. – Алматы, 1985. – 166 с.); Алматы, 1992. – 248 с.; Алматы: Арыс, 2004. – 360 с. {*A.T. Kaydarov, M. Orazov. Introduction to Turcology. A Manual for students of philological faculties of universities and pedagogical high-schools. – Almaty, 1985. – 166 p. (In Kazakh.)*}
- Кайдаров 1986 – *Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата, 1986. – 328 с. {*A.T. Kaydarov. Structure of One-Syllable Roots and Stems in the Kazakh Language. – Alma-Ata, 1986. – 328 p.*}
- Кайдаров 1990 – *Кайдаров А.Т.* Тюрская этимология: проблемы и задачи // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата, 1990. – С. 5–25. {*A.T. Kaydarov. Turkic etymology: problems and perspectives // Problems and perspectives of Turkic languages. – Alma-Ata, 1990. – PP. 5–25.*}
- Кайдаров 1993 – *Кайдаров А.Т.* Кириллицу меням на латиницу? // Азия. – 1993. – №11. {*A.T. Kaydarov. Should we change the Cyrillic alphabet to Latin? // Asia. – 1993. – No.11.*}
- Кайдаров 1993 – *Кайдаров Ә.Т.* Қазақ терминологиясына жаңаша көзқарас. – Алматы: Рауан, 1993. – 44 б. (*Кайдаров А.Т.* Новый взгляд на казахскую терминологию. – Алматы: Рауан, 1993. – 44 с.) {*A.T. Kaydarov. A new outlook on Kazakh terminology. – Almaty: Raïan, 1994. – 44 p. (In Kazakh.)*}
- Кайдаров 1995 – *Кайдаров А.Т.* Концепция упорядочения личных имен, отчеств и фамилий для лиц казахской национальности Республики Казахстан // Столичное обозрение. – 13.04.1995. {*A.T. Kaydarov. The conception of normalization of proper names, paternal names and family names of people of Kazakh descent in Republic of Kazakhstan // Stolichnoye Obozreniye. – April 13, 1995.*}
- Кайдаров 2004 – *Кайдаров Ә.Т.* Қаңлы: тарихи шежіре. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 610 б. (*Кайдаров А.Т.* Канлы: историческая родословная. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 610 с.) {*A.T. Kaydarov. Qanly: a historic genealogy. – Almaty: Daïk-Press, 2004. – 610 p. (In Kazakh.)*}
- Кайдаров 2009 – *Кайдар Ә.* Қазақтар ана тілі әлемінде [Мәтін]: этнолингвистикалық сөздік. – Алматы: Дайк-Пресс, т. I–III, 2009, 2013, 2013. (*Кайдаров А.Т.* Казахи в мире материнского языка [Текст]: этнолингвистический словарь. – Алматы: Дайк-Пресс, I–III тома, 2009, 2013, 2013.) {*A.T. Kaydarov. Kazakhs in the world of mother tongue [Text]: ethnolinguistic dictionary. – Almaty: Daïk-Press, Volumes 1–3, 2009, 2013, 2013 (In Kazakh.)*} Кайдаров 2013 – *Кайдар Ә.* Қазақ тіліндегі қос сөздер сөздігі: зерттеу және сөздік. – Алматы, 2013. (*Кайдаров А.Т.* Словарь парных слов казахского языка: исследование и словарь. – Алматы, 2013. {*A.T. Kaydarov. The Dictionary of pair words of the Kazakh language: research and dictionary. – Almaty, 2013.*}
- Кайдаров, Жайсакова 1979 – *Кайдаров А.Т., Жайсакова Р.Е.* Принципы классификации фразеологизмов и классификационные группы в современном казахском языке // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1979. – №3. – С. 1–11. {*A.T. Kaydarov, R.Ye. Zhaysakova. The Principles of Classification of Idiomatic Expressions and Classification Groups in Modern Kazakh Languages // Bulletin of KazSSR Academy of Sciences. Philology Series. – 1979. – No.3. – PP. 1–11.*}
- УРС 1961 – Уйгурские имена // Уйгурско-русский словарь. – Алма-Ата, 1961. {*Uighur Names // The Uighur-Russian Dictionary. – Alma-Ata, 1961.*}

A REFINED TALENT FOR TURKIC LANGUAGES (in honour of Academician A.T. Kaydarov)

Sirazitdinov Zinnur Amirovich

Institute of History, Language and Literature

of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa

ГОВОРЯЩИЙ ИСТИНУ
АХНЯФ НУРЕЕВИЧ КИРЕЕВ (КИРЕЙ МЭРГЭН)

Среди плеяды башкирских писателей, прошедших сквозь пламя войны, особое место занимает доктор филологических наук, профессор А.Н. Киреев, известный в литературных кругах как Кирей Мэргэн.

Война застала А.Н. Киреева на работе. Он собирался в очередную командировку. Еще в начале 1941 г. Ахняф Киреев был выдвинут в аппарат Башкирского обкома ВЛКСМ и работал в должности собственного корреспондента газеты «Комсомольская правда» по Башкирской АССР. За короткое время в составе выездной редакции газеты он обследовал практически все пусковые объекты Башкирии.

С началом войны стали регулярными командировки на фронт, Ахняф Киреев то и дело выезжал в прифронтовую зону. Он сразу же подал заявление и вступил в ВКП(б), так проявился его патриотизм.

Осенью 1942 г. по его настойчивой просьбе и при поддержке Главного политического управления Красной Армии был прикомандирован к 16-й гвардейской Башкирской кавалерийской дивизии. Здесь он встретил земляка, уже известного к тому времени прозаика Али Карная, назначенного главным редактором дивизионной газеты «Кызыл Атлылар». Познакомился с Т.Т. Кусимовым, дружба с которым продолжалась и в мирные годы до самых последних дней.

«Там я находился в должности военного корреспондента до июля 1943 г. Новые очерки, рассказы, военные истории – все это при мне. Писать их пришлось в военном госпитале, в который был превращен санаторий имени Аксакова. О боевых

подвигах башкирских джигитов я рассказал в нескольких книжках», – вспоминая события прошлых лет, Кирей Мэргэн скромно умолчал, что был демобилизован с полным фронтовым «букетом»: туберкулез, контузия, осколочные ранения обеих ног. Сам он считал, что ему повезло, он вернулся живым, и это главное.

Юго-Западный фронт, 28 армия, 38 мотомехбригада, май 1942 г.

Один из его фронтовых блокнотов представлял собой неиспользованную квитанционную книжку. Записи велись химическим или простым карандашом. Это были отрывочные, сделанные наспех словесные наброски.

«Сильно укрепленный пункт. Подбили 4 танка, 4 бронетранспортера. К 10 утра прорвали шоссе №3. Соседний эскадрон отошел...» Запись обрывается и вслед за ней идет новая: «Он не смог вернуться обратно. Оставалось пять шагов. Перекрестный огонь. Ушел вперед. Из 30-ти один остался жив». Сразу вспоминается его очерк «Высота тридцати». Показательны такие записи: «Суфияров Гумер Суфиярович, д. Миништы Дюртюли, Урал, спас 170 бойцов и командиров; 3 июля 1942 г. оруд. расчет сержанта Галимова сбил первый самолет “Мессершмитт 109”, род. в д. Никол. Курской обл.». Под заголовком «Разведчики» мелькает фамилия Сабирьянов. Это явно герой очерка «Джигит Махмуд Сабирьянов», опубликованного в газете «Красная Башкирия» в августе 1943 г. Очерк рассказывает об отважном разведчике, сделавшем курай из алюминиевой трубки лично им сбитого самолета. Разведчик трагически погибает, попав в руки немцев.

Впоследствии в кругу друзей, родственников и коллег Кирей Мэргэн нередко вспоминал об одном эпизоде, считая его курьезным и поучительным. Зимой ежедневные «наркомовские» собирал во фляжку, берег на всякий случай. Мало ли куда судьба выведет фронтового журналиста. С него брал пример и Али Карнай. Он был старше и сразу понял грамотность подхода. Накопилось таким образом две фляжки. С ними их задержали на одном из контрольно-пропускных пунктов.

Заявили, что они якобы мародеры, украли спирт, и их отдадут под суд. Они пытались объяснить, что это их родные наркомовские, накопленные за двадцать дней. Однако оппоненты слушать не хотели. Спасло только то, что старший по званию смершевец оказался башкиром и был знаком с творчеством писателей. Он их отпустил, конечно, хорошенько «прочистив им мозги».

Очерки и рассказы Кирея Мэргэна в годы Великой Отечественной войны пользовались популярностью на фронте и в тылу. Писатель взволнованно передавал неиссякаемый дух патриотизма, который проявлялся в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Жизнь газетчика, тем более военного корреспондента, – это постоянная нехватка времени. Материалы нередко пишутся с колес прямо в номер. Осмысливать события приходится на ходу. Главное не терять время. Информация должна как можно быстрее попасть на газетную страницу – в этом-то и ценность фронтовых очерков. Например, очерки «Односельчанин» (1942) и «Журналист» (1942) богаты не столько глубокими художественными достоинствами, сколько событийностью и правдивостью, особая ценность их в том, что они оперативно появились на страницах газеты и донесли факты до читателей, нетерпеливо ждущих вестей с фронта. Впрочем, талант писателя-новеллиста все же сделал свое дело. Очерки читаются на одном дыхании.

В лучших очерках Кирея Мэргэна фактическая достоверность и конкретность естественно сочетаются с публицистическими обобщениями. Свойственна им и некая авторская игра в сюжетной линии, когда появляется приключенческая стилистика, например, как в очерке «Исянгильде» (1943).

Находясь в составе 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, Кирей Мэргэн безусловно стал зорче подмечать типическое во множестве повседневных явлений фронтовой жизни, и его мастерство военного журналиста и писателя поднялось на новый уровень – автора новелл и ярких социально-бытовых рассказов.

Примечателен в этом отношении очерк «Джигиты» (1943–1944). Беспрецедентная стойкость рядового Суяргулова вызывает у автора раздумья об исторических истоках и национальном своеобразии героизма башкирских джигитов, которые сражаются за свободу Родины. Далее следует беседа автора с генералом Шаймуратовым, который утверждает, что славные боевые традиции башкир обретают в условиях Великой Отечественной войны форму массового героизма. «В современной войне, – говорит генерал, – выйти победителем – сложная вещь... Сейчас недостаточно героизма отдельного джигита... Необходим общий, массовый героизм».

Размышления автора о героизме Салавата Юлаева, Кахыма-тури, Шагита Худайбердина и Багау Нуриманова, о высокой моральной доблести советских воинов, служат реалистической обрисовке образов солдата Суяргулова и генерала Шаймуратова. «Судьба родины в руках джигита», – гласит народная пословица. Своевременное, связанное с особенными условиями Великой Отечественной войны осмысление Киреем Мэргэном этого народного представления о патриотическом воинском долге придает публицистическому очерку «Джигиты» возвышенное звучание.

Как логическое продолжение «Джигитов» воспринимается очерк «Высота тридцати» (1943–1945). Главная его идея, выраженная в фольклорном эпиграфе «Победивший врага навечно прославился», отражается в словах героев очерка –

солдата и командира – и пронизывает все повествование о подвиге тридцати бойцов Башкирской кавалерийской дивизии, погибших, но удержавших стратегически важную высоту. Автор подчеркивает, что подвиг совершили обыкновенные советские люди, без громких слов, молча и сосредоточенно исполняя свой долг перед Родиной: «Среди тысяч героев имена тридцати башкирских джигитов будут написаны золотыми буквами в книге Великой победы. О легендарном подвиге тридцати батыров девушки сложат новые песни, сэсэн – новые байты, юноши на примере мужества павших в бою будут учиться героизму, стойкости».

Кирей Мэргэн, описывая в очерке «Артиллерист» (1943) подвиг лейтенанта Нигмата Бикметова, исследует изменения в мышлении, психологическом состоянии этого бесстрашного и очень находчивого, выносливого джигита во время боя. Недовольный тем, что его определили не в эскадрон, а в батарею, Бикметов уже в начале боя меняет свое предвзятое мнение об артиллерии. В унисон его переживаниям звучат слова: «С артиллерией, брат, не шути! Самая точная штука она, артиллерия!» В разгаре боя Бикметов произносит эти слова вслух, и они подчеркивают его адреналиновое, возбужденное состояние в самый решительный, самый трудный момент его жизни. Но вот бой кончился, и Бикметов снова, на этот раз громко и гордо, произносит эти слова, и на этот раз они выражают облегчение, может быть даже некий упадок сил, следующий после нечеловеческого напряжения. Боевой подвиг изображается Киреем Мэргэном как состояние, требующее крайнего напряжения физических и душевных сил человека, невозможного в обычной жизни.

В очерке «Баймакский курай» (1943) через образ музыкального инструмента раскрывается характер оружейного мастера, бойца, музыканта Шарипа Ахметшина, в быту очень скромного, трудолюбивого, живущего своей внутренней жизнью. Медный курай, казалось бы, сугубо мирная вещь, в кульминационном эпизоде очерка превращается в оружие. И в то же мгновение история курая становится историей воинского подвига бесстрашного человека.

Курай еще в древние времена сопровождал башкирских батыров во время походов, игра на курае поднимала их боевой дух. В песнях о Салавате батыр перед боем воодушевлял бойцов своим пением, и «в правой руке у него был курай». В исторической песне «Кахым-туря» герой-батыр также неразлучен с кураем: «Когда Кахым-туря дает приказы, в левой руке у него – курай». Вот и боец-кураист Шарип Ахметшин, вдохновлявший своих однополчан игрой на курае, оказался продолжателем давней башкирской народной традиции.

Это следует сказать и о бойце-кураисте Махмуде Сабирьянове – герое очерка Кирея Мэргэна «Гибель кураиста» (1943). Он отвлекает на себя внимание врагов и тем самым обеспечивает успех разведывательной операции. «Пленный гитлеровцами, обессиленный и измученный, Махмуд вдохновенно заиграл на курае. Гитлеровцы зверски убили его, но не погиб герой-кураист! Слава Махмуда песней вернулась на родину. Тысячи кураистов воспевают теперь его подвиги».

Подвиг батыра в произведениях устного народного творчества немислим без богатырского коня. В башкирской народной песне «Азамат» поется:

«Где только не побывают,
Что только не повидают
Джигит и его конь?»

Этот мотив своеобразно развивается в очерке Кирея Мэргэна «Танцующий конь» (1945). Основную мысль этого очерка о подвиге советского джигита и его славного коня-«артиста» выражают слова генерала: «В этой войне мы, башкиры, проявляем свойственные нам особенности. Всегда бывает так: народ, участвующий в войне, следует своим национальным боевым традициям».

Необыкновенные подвиги героев Кирея Мэргэна воспринимаются как естественное проявление патриотизма советского человека на войне. В очерке «Поединок» (1944) смертельно раненный, но верный воинскому долгу Альтаф Ахмедьянов напрягает последние силы, чтобы отогнать от себя смерть и убить фашиста.

Поэтично раскрывается писателем-фронтовиком тема дружбы народов, которая закалялась, крепла в борьбе за свободу и независимость социалистического отечества. Отважная украинская девушка Оксана, убитая потом гитлеровцами, дарит в очерке «Дружба» (1943) башкирским кавалеристам самовар. Этот самовар становится символом дружбы.

Очерки и рассказы Кирея Мэргэна, в которых ему удалось создать колоритные образы-характеры башкирских конников, связаны между собой как главы цельного произведения о легендарной Башкирской кавалерийской дивизии и ее славных традициях. Его очерки фронтовой жизни увидели свет не только на страницах газет и журналов, но и были опубликованы в небольших карманного формата книжках: «Наш поход» (1942), «Башкиры» (1943) и «Джигиты» (1944). Собранный Киреем Мэргэном фронтовой фольклор вышел отдельным сборником «Фольклор войны» (1944).

В годы Великой Отечественной войны Кирей Мэргэн написал четырехактную комедию «Моя семья» (1942) и пятиактную драму «Битва» (1943), четвертый акт которой был переписан совместно с журналистом В.С. Кедровым. В комедии «Моя семья» народный патриотизм героев сочетается с осмеянием отживших представлений. Старик Килдияров горд тем, что его сын поедет на фронт защищать Родину, но, оказывается, что на фронт отправляется не сын, а сноха Килдиярова, и старик никак не может с этим примириться.

В «Битве», как отмечали критики, отразился «героизм башкирского народа в Великой Отечественной войне, крепкая нерушимая дружба народов Советского Союза; ее герои воплощают лучшие черты и традиции башкирского народа – воинственность, мужество и отвагу, любовь к свободе и Великой России».

* * *

11 июля (28 июня по старому стилю) 1912 г. в семье Киреева Нурмухамета, сына Шагиарслана, который был известен как сэсэн Нурмухамет Йомрани, родился сын. Ему дали имя Ахняф, что означает «говорящий истину». Произошло это событие в деревне Кигазытамак, что находится в нынешнем Мишкинском районе Республики Башкортостан.

Малыш выжил, сказался, видимо, достаток в родительском доме Гульрух Бабичевой – жены Нурмухамета, куда они приехали, по семейной версии, на сабантуй. В воспоминаниях Кирей Мэргэн отметит, что мать была из богатой семьи, имевшей довольно близкие отношения к роду Шайхзады Бабича, хотя ее и выдали за хальфу, то есть учителя, просветителя, сэсэна.

Творчество Нурмухамета Йомрани к тому времени было уже довольно популярным, его стихи помнили и передавали из уст в уста в оренбургских и казахских степях, где Йомрани, подражая Акмулле, вел просветительскую деятельность. Были хорошо знакомы с его творчеством и жители более северных регионов Уфимской губернии.

Когда сын подросток, хальфа сам обучил сына первоначальной грамоте. Он понимал, что в России обязательно надо владеть русским языком, ибо дальнейшая судьба башкир тесно связана с россиянами. Потому и для дальнейшего обучения направил Ахняфа в деревню Турай, потом в село Есаул, где в течение года он обучался русскому языку. А потом для него открылся огромный новый мир в школе крестьянской молодежи деревни Базансат, а в дальнейшем и в средней школе, по окончании которой Ахняф Киреев был направлен учителем в деревню Аксаит. Но учительский труд оказался не по душе молодому человеку. По окончании учебного года он приехал по каким-то делам в Аскино. Поскольку образованных людей не хватало, за него ухватились и сразу поручили организовать газету.

7 ноября 1931 г. вышел в свет первый номер «Колхозника». Ахняф Киреев стал редактором и организатором издания. Газета выпускалась вручную. Она была рукописной и размножалась на стеклографе тиражом в 150 экземпляров. Таким образом местные власти отметили четырнадцать лет пролетарской революции. Сам Кирей Мэргэн в своих воспоминаниях охарактеризовал те номера как шумные и крикливые, переполненные лозунгами, но излучающими неподдельный энтузиазм.

В 1932 г. комсомольцев республики мобилизовали на строительство моторного завода, и Ахняфа в группе аскинских комсомольцев направили на эту ударную стройку. Он трудился каменщиком, бригадиром, затем литсотрудником газеты «За мотор и турбину» (башкирский вариант – «Удар тозолеш»), где познакомился с начинающими литераторами, своими сверстниками Яковом Ухсаем и Мазгаром Абдуллиным.

Черниковка, 1932, Яков Ухсай, Кирей Мэрген, Мазгар Абдуллин

В газете строителей появились первые его очерки. В «Дневнике строительства» (1932) молодой журналист повествует о рождении коллектива ударников в процессе труда. В очерке «Завод рождается» (1933) Ахняф Киреев показал на фоне исторического прошлого героизм рядовых тружеников, «поднявшихся с самого дна жизни». Этот материал получился эмоциональным, волнующим, даже в некотором роде пафосным, и отличался натуральностью и яркостью описываемого фактического жизненного материала. Целый ряд статей, зарисовок, очерков Ахняфа Киреева о социалистическом строительстве посвящен «массовой перековке» человеческих характеров.

Ахняф активно работает, его публикации время от времени появляются в республиканской печати. На него, естественно, обратили внимание и в 1934 г. пригласили в комсомольскую газету «Ленинсы», а затем и в редакцию газеты «Красная Башкирия». Беспокойная жизнь корреспондента республиканской газеты приводила его на заводы и фабрики, рудники и шахты, в леспромхозы, совхозы и колхозы. В своих очерках, напечатанных в газетах «Ленинсы» и «Красная Башкирия», он стремился раскрыть глубину преобразований, происходивших в то время, показать изменения в психологии и судьбах конкретных людей («Чудесная машина» (1934), «Исян Ахметов» (1937) и др.).

В 1936–1939 гг. он учился в Башкирском государственном педагогическом институте, затем работал в редакции башкирского литературного журнала «Октябрь». Одна за другой выходят тогда в свет его книжки рассказов: «Поиски» (1940), «Суетливый человек» (1940), «Наш поход» (1941), «Маленькие рассказы» (1941).

Став членом Союза писателей СССР, Ахняф Киреев взял псевдоним Кирей Мэргэн. *Мэргэн* у многих тюркоязычных народов переводится как ‘меткий стрелок, охотник’. Он посчитал, что такой псевдоним будет понятен или хотя бы не труден для произношения. В тот же период времени изменил отчество на Нуреевич, поскольку обратил внимание, что окружающим трудно запомнить и даже произнести сочетание его имени и отчества.

После войны А.Н. Киреев свою жизнь посвятил исследовательской работе: был научным работником Института истории, языка и литературы. В 1951–1954 гг. учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Проблема единства национальной формы и содержания в советской литературе». В аспирантуре он познакомился со Светланой Аллилуевой, дочерью Сталина. Они были дружны. Ахняф Нуреевич был вхож в семью, поддерживал приятельские отношения с ее мужем Юрием Ждановым.

С 1946 по 1964 гг. А.Н. Киреев заведовал сектором фольклора Института истории, языка и литературы БФАН СССР. В эти годы он развернул большую собирательскую и научно-исследовательскую работу. Им были организованы фольклорные экспедиции по Башкирии, а также в Оренбургскую, Челябинскую, Курганскую, Свердловскую, Пермскую, Куйбышевскую, Саратовскую области. В экспедициях был собран уникальный материал, который позволил по-новому взглянуть на многие научные проблемы. В то время многие исследователи считали, что башкирский эпос, как и эпос других народов, например, русского, перестал существовать, поскольку последние «живые» записи датировались 90-ми гг. XIX в. Экспедиции А.Н. Киреева конца 50-х и начала 60-х гг. XX столетия дока-

зали, что башкирский эпос реально бытует в живом исполнении. «В поле» были записаны десятки эпических сказаний в речитативно-песенном стиле: «Заятуляк и Хыухылу», «Алпамыша и Барсынхылу», «Акхак-кола», «Кара-юрга» и др.

Закономерным итогом плодотворной собирательской и исследовательской работы А.Н. Киреева стала монография «Эпические памятники башкирского народа», изданная в 1962 г. На русском языке книга вышла только спустя восемь лет под названием «Башкирский народный героический эпос». Книга стала основой для докторской диссертации по фольклору, которую он успешно защитил в 1963 г., став первым «остепененным» фольклористом из башкир. Этот фундаментальный труд рассказывает об истории записей и изучения башкирского народного эпоса, раскрывает тонкости в манере исполнения эпоса исполнителями-сэсэнными, подробно анализирует сказания и кубаиры о батырах («Сура-батыр», «Акшам-батыр» и др.).

Научные исследования А.Н. Киреева получили большой резонанс и стали предметом оживленного обсуждения на конференциях, конгрессах, как в нашей стране, так и за ее пределами. В 1964 г. он выступил с докладом на VII Международном конгрессе этнографических наук в Москве с докладом «О жанровых особенностях эпической поэзии башкирского народа». Доклад сопровождался фонограммами исполнения отрывков из башкирских сказаний «Заятуляк и Хыухылу», «Кара-юрга», «Алпамыша и Барсынхылу», записанных в ходе фольклорных экспедиций 1959–1964 гг. «Я был участником этого конгресса, – не раз вспоминал впоследствии доктор филологических наук, профессор Салават Галин, – и видел, как был воспринят этот доклад. Он произвел настоящий фурор. Все выступавшие в один голос говорили о том, что это было открытием. Удивлялись тому, что башкирский эпос существует в своем живом бытовании, в то время как такой вид творчества практически у многих народов давно уже перестал существовать. Так, благодаря трудам Ахняфа Нуреевича мир узнал о богатстве башкирского эпоса в его живом бытовании».

Спустя четыре года, в 1968 г., А.Н. Киреев выступил и на VIII Международном конгрессе этнографических наук в Токио с докладом «Отражение мифологических воззрений в башкирском фольклоре», который также был принят благожелательно научным сообществом. Оба доклада были опубликованы на русском и английском языках.

Небольшая в общем-то поездка в Японию на конгресс оставила много глубоких впечатлений и не могла не отразиться в творчестве писателя. Он написал книгу «В стране тайфунов», ее издали в г. Уфа. А через некоторое время она заинтересовала японских издателей и вышла в свет в Стране восходящего солнца.

К этому времени он преподавал в Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября, где в 1965 г. организовал кафедру башкирской литературы и возглавлял ее до ухода на пенсию в 1983 г. Ученый продолжил научную работу, опубликовал несколько сотен статей, десятки книг, в их числе первый учебник по башкирскому фольклору, где впервые предложил классификацию уникального наследия башкирского народа. Он воспитал и вырастил целую плеяду замечательных ученых, среди которых доктора наук Салават Галин, Ахмед Сулейманов, Фануза Надршина и многие другие, десятки аспирантов, полу-

чивших научную подготовку под его руководством, успешно защитили кандидатские диссертации.

Научные исследования и материалы экспедиций легли в основу серии радиопередач, в которых А.Н. Киреев рассказывал об уникальных людях – исполнителях фольклорных произведений, об эпических памятниках, в эфире также звучали песни оренбургских и пермских башкир.

К. Мэргэн читает свои произведения односельчанам (послевоенные годы)

Творчество писателя в послевоенный период заметно активизировалось. Одна за другой выходят его новые книги. Увидели свет повести приключенческая «Караидель» и «Беспокойное лето», первый в башкирской литературе роман о нефтяниках «На склонах Нарыш-тау», двухтомник избранных произведений, сборники «Дедушкин топор» (для детей и юношества) и «Радушный дом», в который вошли рассказы разных лет, повесть и четыре наиболее популярные пьесы и многое другое.

Повесть «Караидель» рассказывает о сплавном поисковом походе школьников по одноименной реке. Язык, манера изложения визуализированы (что было свойственно произведениям западноевропейской и русской литератур, но гораздо более позднего периода). У читателя возникает цельный образ сцены, что-то вроде кадра, и он как бы становится свидетелем таинственных событий и приключений героев произведения. Книга в переводе А. Тверского вышла в издательстве «Детская литература» общим тиражом 200 тысяч экземпляров. Второе издание вышло уже после смерти писателя.

Роман «На склонах Нарыш-тау» вошел в число произведений нового, модного в то время направления в литературе – производственной прозы. В 1972 г. он был издан в издательстве «Советский писатель» и разошелся тиражом 100 тысяч экземпляров. Спустя несколько лет роман в русскоязычном варианте был переиздан в Башкирском книжном издательстве тиражом 50 тысяч экземпляров. Даже для тех лет тиражи были огромными. В увлекательной форме в книге созданы убедительные образы смелых новаторов, воодушевленных общей целью и сообща преодолевающих возникшие трудности.

Последние годы жизни Кирей Мэргэн работал над двумя большими проектами. Это исторический роман «Крыло беркута» в четырех книгах и вузовский учебник по башкирскому фольклору. Каждую свободную минуту он отдавал этим проектам. День, ночь или выходной – не имеет значения, есть возможность писать – надо писать! Роман посвящен присоединению Башкирии к России, он охватывает большой пласт исторического материала. Новый роман прямо из-под пера публиковался на страницах литературного журнала «Агидель» и сразу набрал аудиторию. Впоследствии он выходил большими тиражами на башкирском и русском языках и неизменно раскупался.

Кирей Мэргэн был и успешным драматургом. Его пьесы шли в Башкирском драматическом театре, ставились на периферийных сценах республики. Спектакли шли с неизменным аншлагом в течение нескольких недель: комедия в народном стиле «Шомбай», фантастическая новогодняя история «Прадедушкины часы» и многие другие. Спектакль «Прерванная мелодия», посвященный драматическому моменту жизни сэсна Акмуллы, вернул интерес башкирской общественности к своему поистине народному поэту. Личность Акмуллы стала центром притяжения научно-исследовательских кадров и творческих людей. Телевизионная, еще черно-белая версия спектакля в течение нескольких лет, в том числе и в «цветную ТВ-эпоху», не уходила из эфира башкирского телевидения, такой же популярностью пользовался и радиоспектакль.

Произведения Кирей Мэргэна издавались на многих языках народов СССР, а также на болгарском, польском, чешском, немецком, английском, турецком, японском и китайском языках.

А.Н. Киреев вел большую общественную работу. Избирался депутатом Кировского районного и Уфимского городского совета депутатов. В течение ряда лет он являлся членом Президиума Башкирского филиала АН СССР, членом экспертной комиссии ВАК по литературоведению, вел большую работу будучи заместителем председателя Совета Башгосуниверситета по присуждению ученых степеней по филологическим наукам, членом научного совета по фольклору при ОЛЯ АН СССР, членом государственной комиссии по присуждению Республиканской премии им. Салавата Юлаева.

Долгие годы работал членом редколлегии литературно-художественных журналов «Дружба народов», «Агидель» и ряда других изданий.

Награжден Орденом «Знак Почета», медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Скончался 24 января 1984 г. Похоронен в г. Уфа на мусульманском кладбище возле телецентра.

Его именем названы улицы в Октябрьском районе г. Уфа (Нагаево) и в с. Аскино, районном центре Аскинского района Республики Башкортостан. На стене дома по улице Тукаева, 29, где жил Кирей Мэргэн, установлена мемориальная доска.

Рушан Ахняфович Киреев
сын А.Н. Киреева (Кирея Мэргэна),
член Союза журналистов СССР

Литература

На башкирском языке / In Bashkir:

Алдар и шайтан: рассказы для детей. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1959. – 20 с. {Aldar and shaytan: Children's tales. – Ufa: Bashkir publishing house, 1959. – 20 p.}

Башкирские народные загадки. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1968. {Bashkir Folk Riddles. – Ufa: Bashkir publishing house, 1968.}

Башкирское народное устно-поэтическое творчество: учеб. пособие. – Уфа: Изд-во БГУ, 1981. – 232 с. {Bashkir Folk Oral Poetic Creativity: A Manual. – Ufa: Bashkir State University publishing house, 1981. – 232 p.}

Гора Фирузы: рассказы. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1959. – 158 с. {The Mount of Firuza: Tales. – Ufa: Bashkir publishing house, 1959. – 158 p.}

Зеркало души народной: Лит.-критич. статьи. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1960. {The Mirror of Folk's Soul: Critical literature articles. – Ufa: Bashkir publishing house, 1960.}

Избранные произведения. В 2 т. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1962–1963: т. 1. Рассказы. Очерки. – 1962. – 448 с.; т. 2. Роман, повесть. – 1963. – 488 с. {Works: Selected: In 2 Volumes. – Ufa: Bashkir publishing house, 1962–1963: Volume 1. Tales. Essays. – 1962. – 448 p.; Volume 2. Roman, novella. – 1963. – 488 p.}

Крыло Беркута: роман. В 2 кн. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. – 384 с. {The Berkut's Wing: A Novel. In 2 Books. – Ufa: Bashkir publishing house, 1985. – 384 p.}

Радужный дом: рассказы, повесть и пьесы. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. – 447 с. {The Hospitable House: Tales, novel and play. – Ufa: Bashkir publishing house, 1982. – 447 p.}

Утро города: пьесы. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. – 96 с. {A Morning of the Town: Plays. – Ufa: Bashkir publishing house, 1966. – 96 p.}

Целебный айран // Антология детской литературы. – Уфа, 1986. – Кн. 1. – С. 278–284. {The Healthful Ayran // Anthology of children's literature. – Ufa, 1986. – Book 1. – PP. 278–284.}

На русском языке / In Russian:

Башкирский народный героический эпос. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1970. – 304 с. {Bashkir Folk Heroic Epos. – Ufa: Bashkir publishing house, 1970. – 304 p.}

Беспокойное лето: повесть // Башкирские повести. – М., 1977. – С. 3–78. {A Trialsome Sommer: Novella // Bashkir novellas. – Moscow, 1977. – PP. 3–78.}

Крыло Беркута: роман. В 2 кн. / Пер. с башк. М. Гафурова. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1987. – 496 с. {The Berkut's Wing: A Novel. In 2 Books. / Translated from Bashkir by M. Gafurov. – Ufa: Bashkir publishing house, 1987. – 496 p.}

Мэргэн К. Зифа-апа. Бабушка Майгуль // Башкирские рассказы. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1954. – С. 108–115. {K. Mergen. Zifa-apa. Granny Maigul // Bashkir Tales. – Ufa: Bashkir publishing house, 1954. – PP. 108–115.}

На склонах Нарыш-Тау: роман / Пер. с башк. В. Василевского. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1979. – 335 с. {On the slopes of Narysh-Tau: A Novel / Translated from Bashkir by V. Vasilyevskiy. – Ufa: Bashkir publishing house, 1979. – 335 p.}

Тайна Караидели: повесть. – М.: Дет. лит., 1985. – 159 с. {The Mystery of Karaidel: A Novella. – Moscow: Detskaya Literatura, 1985. – 159 p.}

Чудесный айран: рассказы, юмор, повесть. – М.: Современник, 1976. – 287 с. {The Healthful Ayran: Tales, Humor, Novella. – Moscow: Sovremennik, 1976. – 287 p.}

На татарском языке / In Tatar:

Гора Фирюзы: рассказы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1963. – 175 с. {The Mount of Firuza: Tales. – Kazan: Tatar publishing house, 1963. – 175 p.}

О Кирее Мэргэне / About Kirey Mergen:

Вахитов А. Жанр и стиль в башкирской прозе: О К. Мэргене. – Уфа, 1982. – С. 296–300. {A. Vakhitov. On genre and style in Bashkir prose: About K. Mergen. – Ufa, 1982. – PP. 296–300.}

Гайнуллин М., Хусаинов Г. Писатели Советской Башкирии. Биобиблиографич. справочник. – Уфа, 1969. {M. Gaynullin, G. Khusayinov. Writers of Soviet Bashkiria. Biobibliographic Handbook. – Ufa, 1969.}

Гафуров М. Путь, ставший судьбой // Бельские просторы. – 2007. – №1. – С. 99–103. {M. Gafurov. The way that become a fate // Bel'skiye prostory. – 2007. – No.1. – PP. 99–103.}

Докучаева А. Читая Кирея Мэргэна // Республика Башкортостан. – 11.07.2007. {A. Dokuchayeva. The reading of Kirey Mergen // Respublika Bashkortostan. – July 11, 2007.}

Киреев Ахняф Нуреевич (Кирей Мэргэн): библиографический указатель. – Уфа: Изд-во БГУ, 1982. – 36 с. {Kireyev Akhnyaf Nureyevich (Kirey Mergen): Bibliographic Handbook. – Ufa: Bashkir State University publishing house, 1982. – 36 p.}

Кирей Мэргэн // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 335–336. {Kirey Mergen // Bashkortostan: A Brief Guide. – Ufa, 1996. – PP. 335–336.}

Кирей Мэргэн [Биогр. справка] // Антология детской литературы: в 2 т. – Уфа, 1987. – Т.1. – С. 278. (На башк. яз.) {Kirey Mergen [Bibliographic reference] // Anthology of Children's Literature: In 2 Volumes. – Ufa, 1987. – Volume 1. – P. 278. (In Bashkir).}

Многогранный талант: к 85-летию К. Мэргэна // Истоки. – 1997. – №3. – С. 6. {A Polymath Talent: Dedicated to the 85th anniversary of K. Mergen // Istoki. – 1997. – No.3. – P. 6.}

Мэргэн К. // История башкирской литературы: в 6 т. – Уфа: Китап, 1993. – Т. 5. – С. 196–198, 542–547, 557–563. (На башк. яз.) {K. Mergen // History of Bashkir literature: In 6 Volumes. – Ufa: Kitap, 1993. – Volume 5. – PP. 196–198, 542–547, 557–563 (In Bashkir).}

Рахимкулов М. Зеркало народной души // Советская Башкирия. – 10.07.1997. – С. 4. {M. Rakhimkulov. The Mirror of Folk's Soul // Sovetskaya Bashkiriya. – July 10, 1997. – P. 4.}

Сафуанов С. Мэргэн значит – меткий: [к 90-летию К. Мэргэна] // Истоки. – 2002. – №15. – С. 6–7. {S. Safuanov. «Mergen» means «the Pithy»: [Dedicated to the 90th anniversary of K. Mergen] // Istoki. – 2002. – No.15. – PP. 6–7.}

Сафуанов С. Произведения К. Мэргэна для детей // Сафуанов С. Проблемы развития башкирской детской литературы. – Уфа, 1988. – С. 50–70, 155–157, 203. (На башк. яз.) {S. Safuanov. Children's books by K. Mergen // S. Safuanov. Problems of development of Bashkir children's literature. – Ufa, 1988. – PP. 50–70, 155–157, 203. (In Bashkir).}

Узиков Ю. Кирей Мэргэн // Узиков Ю. Исторические памятники Уфы. – Уфа: Китап, 1999. – С. 45–46. {Yu. Uzikov. Kirey Mergen // Yu. Uzikov. Monuments of History in Ufa. – Ufa: Kitap, 1999. – PP. 45–46.}

THE TRUTH-TELLING AKHNYAF NUREYEVICH KIREYEV (KIREY MERGEN)

Rushan Akhnyafovich Kireyev

A.N. Kireyev (Kirey Mergen)'s son, member of the Journalist Union of the USSR

**БОЕВОЙ ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПУТЬ И МИРНАЯ ЖИЗНЬ
ВАХИТА ХОЗЯТОВИЧА ХАКОВА –
ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

«История науки расщепляется на две истории: объективизированную, независимую от субъекта историю идей и персонализированную, связанную с деятельностью ученого по производству знаний, погруженную в контекст социальных, политических, религиозных и прочих отношений» [Философия 1996: 362]. В представленной статье речь идет об истории становления личности как ученого. Имя В.Х. Хакова известно, прежде всего, как имя основателя научной школы по истории татарского литературного языка, поэтому создание его персоналии является необходимым условием описания истории тюркской лингвистической науки. Ему довелось жить и действовать в разных исторических эпохах, в условиях крутых поворотов общественного развития, но всегда и неизменно он проявлял свои замечательные личностные качества – стойкость, целеустремленность, порядочность, стремление к тому, чтобы воплотить в реальные дела свое творческое «я». Доктор филологических наук, академик Российской академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, участник Великой Отечественной войны, почетный профессор Казанского государственного университета Вахит Хосятлович Хаков (1926–2008) являлся и теоретиком, и практиком в области истории татарского языка – вся его жизнь и научная деятельность свиде-

тельствуют об огромном вкладе выдающегося ученого в сокровищницу татарского языкознания [Нуриева 2013].

Вахит Хозятович Хаков родился 16 августа 1926 г. в деревне Среднее Лаще (Кузби) Буинского района Республики Татарстан в семье учителя. Его дедушка Габдулхак до революции был местным имамом, поэтому в семье имелась богатая библиотека художественной и исторической литературы, рукописные книги на арабском и старотатарском языках, газеты и журналы начала XX в., благодаря которым Вахит Хаков получил образование и воспитание в духе лучших традиций восточной и татарской классики.

Нагрянувшая Великая Отечественная война разрушила мечты юноши о получении высшего образования. Средняя школа была закрыта, отец ушел на фронт. В 1943 г. и его самого призвали в ряды Красной Армии, на тот период ему не было и семнадцати лет. Судьба забросила Вахита Хакова на Восток – в г. Чойбалсан (Баян-Тюмень) Монгольской Народной Республики. В то время Советский Союз был вынужден держать на Дальнем Востоке большую армию в готовности отразить возможные нападения Японии. 8 августа 1945 г. после официального объявления войны Японии 17-я армия Забайкальского фронта, в котором участвовал Вахит Хозятович, двинулась на территорию Китая, занятую Квантунской армией японцев. За короткий срок армия прошла пешим ходом расстояние длиной около тысячи километров, начиная от города Чойбалсан МНР до Желтого моря Китая, преодолев при этом безводные степи Монголии, пустыню Гоби и горы Большого Хингана в тяжелых условиях бездорожья, отсутствия воды и непрерывных боёв с противником. На этом пути Вахит Хаков был рядовым солдатом-автоматчиком, затем барабанщиком, санитаром роты; далее, уже будучи сержантом, в Китае вошел в состав разведывательного отряда дивизии. Эти отряды представляли собой хорошо организованные, вооруженные и отборные группы, состоящие из 12–15 человек. Отряд с участием В. Хакова взял с боями город Пинцюань и принял капитуляцию японского гарнизона этого города. В результате наступления советских войск со стороны Монголии и из советского

На военной службе. Монголия, 1944 г.

Китай, г. Пинцюань, 1945 г.

Приморья, ведения успешных боевых операций главные силы Квантунской армии были окружены, расчленены на части, разгромлены. Участие Вахита Хакова в боевых действиях было отмечено различными правительственными наградами: благодарностью от Главнокомандующего, орденом «Великой Отечественной войны II степени», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и др. Был ранен [Туган 2007: 37].

В годы войны на территории Монголии Вахит Хаков впервые увидел древнетюркские письменные памятники, написанные руническим шрифтом. Тайна их истории притягивала его, что явилось толчком к выбору будущей профессии.

Проработав после демобилизации учителем в сельской школе Буинского района, поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета, окончил аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (1960). В 1961 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории татарского литературного языка начала XX в., а в 1971 г. – докторскую на тему «Образование и развитие татарского литературного языка и его стилей». В 1965 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в 1974 г. – звание профессора. В 1989–1994 гг. работал заведующим кафедрой татарского языка КГУ.

Основные научные интересы Вахита Хозятовича Хакова сосредоточены в области истории тюркских (главным образом татарского) литературных языков, развития их стилистических категорий, а также языка древних и старотатарских письменных памятников. В разные годы занимался также общими вопросами языкознания, проблемами лексикологии, терминологии, фразеологии, орфографии, этимологии, методики и изучения языка художественных произведений в школе, в вузе. В монографиях «Вопросы языка и стиля» (1961), «Введение в стилистику татарского языка» (1963), «Очерки по истории татарского литературного языка», «Образование и развитие национального литературного языка» (1972), «Стилистика и искусство слова» (1979), «Развитие татарского литературного языка в советский период» (1985), «История татарского литературного языка (дооктябрьский период)» (1993), «Татарский литературный язык (стилистика)» (1999), «Язык – зеркало истории» (2003) и других публикациях исследуются во-

просы развития лексических, фонетических, грамматических норм и стилистических категорий татарского литературного языка [Туган 2007]. Вахит Хозятович также известен своими учебниками для школ, учебными пособиями для учителей, такими как «Изучение стилистики в школе» (1970), «Стилистика татарского языка» (1984), «Изучение языка татарских писателей в школе» (1984), «Навыки чтения и письма на латинской графике» (1993) и др., также опубликовано 27 книг: монографий, учебников, учебных пособий и более 500 научных и научно-методических статей. В годы преподавания в университете Вахит Хаков читал лекции по истории тюркско-татарского литературного языка и стилистики, а также ряд спецкурсов: «Историко-лингвистический анализ тюркско-татарских письменных памятников», «Функциональные стили», «Основы социолингвистики» и др., являлся научным руководителем темы «Лингвистическое изучение старотюркских и старотатарских памятников XIII–XIX вв. и их роль в формировании норм и стилей татарского языка».

Вахит Хозятович Хаков является основателем научной школы по истории татарского языка и в целом изучения вопросов истории тюркских языков. В рамках этой деятельности он много сил отдавал воспитанию молодого поколения исследователей. Под его руководством защищены около 20 кандидатских диссертаций, являлся научным консультантом 3 докторских диссертаций. Долгие годы ученый работал в составе Ученого совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, участвовал в создании «Татарской энциклопедии» по разделу «Языкознание».

Вахит Хозятович вел общественную работу по реализации Закона о языках народов Республики Татарстан и Государственной программы РТ по сохранению и развитию татарского языка как государственного, являлся членом различных

Проф. В.Х. Хаков и первый Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев

комиссий по татарскому языкознанию и народному просвещению. Более 30 лет по республиканскому радиовещанию под его руководством и с непосредственным участием велась научно-популярная передача по татарскому языку и культуре речи «Тел күрке – сүз» («Красота слова в языке»), рукописные материалы которой составляют более 10 томов.

Научно-педагогическая и общественная работа профессора отмечена восемнадцатью орденами и медалями, многими почетными грамотами и благодарностями. В 1987 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки ТАССР», в 1994 г. награжден «Почетной грамотой Республики Татарстан». За большие достижения в области науки и техники Вахит Хозятович был удостоен звания Лауреата Государственной премии Республики Татарстан (2006). В том же году профессиональная деятельность ученого-педагога была отмечена почетным званием «Заслуженный профессор Казанского университета».

20 июня 2008 г. в возрасте 81 года профессора не стало... Память о нем сохранится в наших сердцах на долгие годы не только как о большом ученом-педагоге, но и великодушном, отзывчивом человеке.

Кузьмина Халиса Хатиповна

кандидат филологических наук, доцент,
Казанский федеральный университет

Юсупова Альфия Шавкетовна

доктор филологических наук, профессор,
Казанский федеральный университет

Краткая библиография работ В.Х. Хакова:

V.Kh. Khakov's brief bibliography:

- Хаков В.Х.* Тел һәм стиль мәсьәләләре (Вопросы языка и стиля). – Казан: КДУ нәшрияты, 1961. – 160 б. {*V.Kh. Khakov.* The questions of language and stylistics. – Kazan: Kazan State University publishing house, 1961. – 160 p.}
- Хаков В.Х.* Татар теле стилистиканы кереш (Введение в стилистику татарского языка) / В.И. Ульянов-Ленин исемендәге Казан дәүләт университеты, Татар теле кафедрасы. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1963. – 252 б. {*V.Kh. Khakov.* Introduction to the Tatar language stylistics / V.I. Ulyanov-Lenin Kazan State University, Department of the Tatar language. – Kazan: Kazan State University publishing house, 1963. – 252 p.}
- Хаков В.Х.* Очерки по истории татарского литературного языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1963. – 8 п. л. {*V.Kh. Khakov.* Essays on the history of Tatar literary language. – Kazan: Kazan State University publishing house, 1963. – 8 printer's sheets.}
- Хаков В.Х.* Мәктәптә стилистиканы өйрәнү (Изучение стилистики в школе). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1970. – 128 б. {*V.Kh. Khakov.* Study of stylistics at school. – Kazan: Tatarstan publishing house, 1970. – 128 p.}
- Хаков В.Х.* Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше (Образование и развитие татарского национального литературного языка). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1972. – 223 б. {*Khakov V.Kh.* Formation and development of Tatar national literary language. – Kazan: Tatarstan publishing house, 1972. – 223 p.}
- Хаков В.Х.* Развитие татарского национального литературного языка и его стилей / АДД (ИЯ) АН КазССР. – Алма-Ата, 1971. – 60 с. {*V.Kh. Khakov.* Development of Tatar national literary language and its styles / Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. – Alma-Ata, 1971. – 60 p.}

- Хаков В.Х.* Стилистика һәм сүз сәнгате (Стилистика и искусство слова). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. – 158 б. {*V.Kh. Khakov.* Stylistics and the belles-lettres art. – Kazan: Tatarstan publishing house, 1979. – 158 p.}
- Хаков В.Х.* Мәктәптә татар язучыларының тел үзенчәлекләрен өйрәнү (XX йөз башы татар әдәбияты материаллары нигезендә). Тел-әдәбият укытучылары өчен ярдәмлек (Изучение языка татарских писателей в школе. Материалы по татарской литературе начала XX века. Пособие для учителей языка и литературы). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. – 144 б. {*V.Kh. Khakov.* Study of the language of Tatar writers. Materials on Tatar literature of the beginning of the 20th century. A manual for teachers of language and literature. – Kazan: Tatarstan publishing house, 1984. – 144 p.}
- Хаков В.Х.* Татар әдәби теленең совет чорында үсеше. 20–30 нчы еллар (Развитие татарского литературного языка в советский период. 20–30-е годы). – Казан: КДУ нәшрияты, 1985. – 150 б. {*V.Kh. Khakov.* Development of Tatar literary language during the Soviet period. 20s and 30s. – Kazan: Kazan State University publishing house, 1985. – 150 p.}
- Хаков В.Х.* История татарского литературного языка (с древнейших времен до наших дней). – Казань: Из-во КГУ, 1993. – 20,5 п. л. {*V.Kh. Khakov.* History of Tatar literary language (since the very ancient times till nowadays). – Kazan: Kazan State University publishing house, 1993. – 20,5 printer's sheets.}
- Хаков В.Х.* Telen belgän il acar: Латин графикасы нигезендә уку һәм язучу күнекмәләре (Навыки чтения и письма на латинской графике). – Казань: Магариф, 1993. – 63 б. / 4 п. л. {*V.Kh. Khakov.* The experience in reading and writing in the Latin alphabet. – Kazan: Magarif, 1993. – 4 printer's sheets.}
- Хаков В.Х.* Татар әдәби теле: стилистика (Татарский литературный язык: стилистика). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1999. – 304 б. {*V.Kh. Khakov.* Tatar literary language: Stylistics. – Kazan: Tatarstan publishing house, 1999. – 304 p.}
- Хаков В.Х.* Тел – тарих көзгесе (Язык – зеркало истории). – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. – 295 б. {*V.Kh. Khakov.* A language as the mirror of history. – Kazan: Tatarstan publishing house, 2003. – 295 pp.}

Литература

- Нуриева 2013 – *Нуриева Ф.Ш., Кузьмина Х.Х.* Жизнь и деятельность профессора Казанского университета Вахита Хозятовича Хакова // Филология и культура. – 2013. – №3 (33). – С. 342–346. {*F.Sh. Nuriyeva, Kh.Kh. Kuzmina.* Life and effort of Professor of Kazan university, Vakhit Khozyatovich Khakov // Philology and culture. – 2013. – No.3 (33). – PP. 342–346.}
- Туган 2007 – Туган як һәм туган тел хисе (Любовь к родному краю и родному языку) / Сост. *Х.Х. Кузьмина.* – Казань: Изд-во КГУ, 2007. – 220 с. {Love to the native land and to mother tongue / ed. by *Kh.Kh. Kuzmina.* – Kazan: KGU (Kazan State University) publishing house, 2007. – 220 p.}
- Философия 1996 – Философия и методология науки / под ред. *В.И. Купцова.* – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 552 с. {Philosophy and methodology of science / ed. by *V.I. Kuptsov.* – Moscow: Aspekt-Press, 1996. – 552 p.}

THE LEGENDARY MILITARY PATH AND PEACEFUL AFTER-WAR LIFE OF VAKHIT KHOZYATOVICH KHA KOV, THE EMERITUS PROFESSOR OF KAZAN UNIVERSITY

Kh.Kh. Kuzmina, A.Sh. Yusupova

Kazan State University

Юбиляры этого года

ИЗВЕСТНЫЙ ТЮРКОЛОГ И ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР НАУКИ (К 70-ЛЕТИЮ Ф. Г. ХИСАМИТДИНОВОЙ)

Организатор науки, известный лингвист-тюрколог, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ИИЯЛ УФИЦ РАН Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна родилась 1 января 1950 г. в д. Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР в семье Гильмитдина Кунафиевича и Галии Агзамовны, где всегда царила радужная и доброжелательная атмосфера, любили и баловали детей.

С самого детства Фирдаус росла любознательной, старательной девочкой, принимала участие во всевозможных школьных культурных, спортивных мероприятиях. Практически все свободное время она посвящала спорту, поэтому и в будущем она дружила со спортом.

После окончания школы она поступила в Белорецкое педагогическое училище и с первых дней упорно училась, активно занималась спортом и общественной работой: староста группы, секретарь комсомольской организации. После Белорецкого педагогического училища Фирдаус Хисамитдинова в 1970 г. поступает в Башкирский педагогический институт на филологический факультет.

Интерес к науке у нее пробудился в стенах данного учебного заведения. Еще в студенческие годы вышла ее первая научная статья в журнале «Советская тюркология» [Хисамитдинова 1974: 13–14]. Четверокурсница Ф.Г. Хисамитдинова участвовала в работе научного симпозиума, который проходил в г. Москва. Здесь она познакомилась с Эдгемом Рахимовичем Тенишевым, который впоследствии стал ее научным руководителем.

После окончания института Ф.Г. Хисамитдинова работала в д. Шигаево Белорецкого района, затем в д. Утаймуллинно Аургазинского района учительницей русского языка и литературы. В 1976 г. она поступает в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР. Ответственная, добросовестная, талантливая аспирантка еще до окончания срока учебы защитила кандидатскую диссертацию [Хисамитдинова 1980] и была направлена на работу в Институт истории, языка и литературы БФАН СССР младшим научным сотрудником. В первые годы работы в Институте Фирдаус Хисамитдинова сосредотачивает основное внимание на изучении истории, генезиса системы согласных башкирского языка в связи с этнической историей башкир.

В 1985 г. ее приглашают в Башкирский государственный педагогический институт. Высокий научно-педагогический авторитет, активность и настойчивость, забота о родном языке и подготовке высококвалифицированных кадров позволили Фирдаус Гильмитдиновне убедить руководство педагогического института открыть факультет башкирской филологии, где благодаря ее стараниям были созданы кафедры башкирского языка, башкирской литературы и культуры, открылись башкирско-английское, башкирско-турецкое, башкирско-немецкое отделения, утверждена специальность «Башкирский язык, история и культура Башкортостана».

Свою работу в качестве декана факультета Ф.Г. Хисамитдинова сочетала с исследовательской, научно-организационной и педагогической деятельностью. В ее исследовательской работе в эти годы приоритетным является область башкирской ойконимии. Фирдаус Гильмитдиновна скрупулезно, профессионально исследует этапы формирования башкирской ойконимии XVII–XIX вв., и в 1991 г. выходит в свет ее монография «Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.» [Хисамитдинова 1991]. Данная работа стала итогом основательных исследований по башкирской ойконимии – это результат разносторонних обобщений, синтез архивных материалов и фактов, тщательно собранных и изученных за долгие годы. Хронологические рамки позволяют автору выяснить формирование и становление современной башкирской ойконимии. В 1992 г. Фирдаус Гильмитдиновна защитила докторскую диссертацию по истории формирования ойконимической системы башкирского языка в Институте языкознания РАН [Хисамитдинова 1992а], стала профессором. В 1992 г. также вышел в свет словарь «Географические названия Башкортостана» [Хисамитдинова 1992б]. Годы работы в Башгоспединституте для Фирдаус Гильмитдиновны также явились периодом разработок учебно-методических комплексов по «Введению в языкознание», «Истории и культуре Башкортостана», «Введению в тюркологию», «Истории башкирского языка» [Хисамитдинова 1989, 1992в, 1992г].

С 1995 по 1998 гг. Фирдаус Гильмитдиновна работала министром образования Республики Башкортостан. Именно в эти годы в столице Республики Баш-

кортостан и в районных центрах были открыты десятки школ и интернатов с башкирским языком обучения, а в программу обучения в русских школах был введен предмет «Башкирский язык как государственный язык Республики Башкортостан».

В 1998 г. Фирдаус Гильмитдиновна вернулась в Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН и работала заместителем директора Института. С 2005 по 2015 гг. Фирдаус Гильмитдиновна была директором Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

В эти годы научные изыскания Фирдаус Гильмитдиновны связаны с лексикографией. В этой области особо следует отметить работы автора по двум направлениям: топонимическая лексикография Башкортостана и этнолингвистическая лексикография. По первому направлению – топонимическая лексикография Башкортостана – автором были изданы словари-справочники населенных пунктов, водных объектов, урбонимов республики [Хисамитдинова 2001, 2005, 2008, 2009]. Эти лексикографические разработки, с одной стороны, направлены на нормализацию передачи башкирской топонимии на русском языке, с другой стороны, дают богатую этимологическую справку по происхождению топонимов. Справочники были разработаны в русле общей концепции автора о «необходимости паспортизации не только крупных, но и малых 237 географических объектов республики». Работа в этом направлении и сейчас продолжается: готовится к выходу словарь-справочник оронимов Республики Башкортостан. По второму направлению научной деятельности – этнолингвистическая лексикография – автором опубликованы 4 словаря башкирской мифологии, представляющие собой синтез мифологического и толкового словарей, содержащие богатый материал по мифологическим персонажам, традиционным праздникам, обычаям и природным явлениям [Хисамитдинова 2010, 2011а, 2011б, 2011в]. Данные труды автора вносят весомый вклад в изучение не только башкирской, но и тюркской мифологии в целом.

Велика заслуга автора и по активизации составления отраслевых и терминологических словарей. Под ее руководством и научным редактированием составлены и изданы словари родинного обряда, ткачества и рукоделия, народной медицины, современной башкирской антропонимии, словарь-справочник для работников предприятий бытового обслуживания и др. [Батыршина 2008а; Каримова 2005, 2013; Сулейманова 2007, 2013].

Круг научных интересов Ф.Г. Хисамитдиновой поистине широк: фонетика, лексикология, лексикография, этнолингвистика, фольклорная лингвистика, этнография, духовная культура тюркских народов и др. Она не только активно работает в этой области, но и готовит специалистов. Так, под ее руководством защищены кандидатские диссертации по исторической фонетике, по обрядовой лексике, этнолингвистике [Батыршина 2008б; Муратова 2009; Ишкильдина 2013]. Можно с уверенностью сказать, что сейчас в республике сложилась школа этнолингвистики Ф.Г. Хисамитдиновой. Отметим, что автор активно участвует и в экспериментально-фонетических исследованиях [Хисамитдинова 2012, 2014]. Работы в этом направлении осуществляются совместно с исследователями из Сибирского отделения РАН и представляют яркий пример интеграции в науку.

Данные работы автора позволяют по-новому рассмотреть проблему артикуляционной классификации фонем башкирского языка.

В данное время жизнь Фирдаус Гильмитдиновны полностью посвящена научной и научно-организационной работе. Она и сегодня живет новыми идеями, планами. Только за последние 5 лет Ф.Г. Хисамитдиновой подготовлено и издано более 50 работ, в том числе такие крупные коллективные работы, как «Академический словарь башкирского языка» в 10 томах [Академический словарь башкирского языка 2011а, 2011б, 2012а, 2012б, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018].

На данном этапе в области башкирского языкознания одним из крупных проектов был Академический словарь башкирского языка. Данный тип словаря является первым в истории башкирской лексикографии толково-переводным словарем, максимально полно охватывающим существующую лексику башкирского языка, представленную в художественной, научно-популярной, учебно-методической, публицистической литературе, показывающим многовековое богатство языка башкирского народа.

Велика роль Фирдаус Гильмитдиновны и в реализации республиканских законов по поддержке башкирского языка и этноса. Под ее руководством были разработаны комплексы мероприятий по реализации закона «О языках народов Республики Башкортостан», государственных программ «Сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан» на 2000–2005 и 2006–2010 гг., «Народы Башкортостана» и др. [Хисамитдинова 2000а, 2000б].

Ф.Г. Хисамитдинова известна в Республике Башкортостан и за ее пределами и как общественный деятель. Достаточно сказать, что она долгие годы являлась руководителем и исполнителем международных научных проектов. Необходимо отметить также ее работу на посту председателя Союза женщин Республики Башкортостан (1996–1998), Общества башкирских женщин Республики Башкортостан (2000–2003), женской комиссии Исполкома Всемирного курултая башкир (с 2000 г.).

Многогранная и плодотворная научная, общественная деятельность Ф.Г. Хисамитдиновой по достоинству оценена руководством республики. В 2003 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан», в 2008 г. – почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 2014 г. награждена орденом Дружбы народов, в 2020 г. – высшей наградой республики, орденом Салавата Юлаева.

Коллектив Ордена «Знак почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН от души поздравляет своего научного руководителя Фирдаус Гильмитдиновну с юбилеем, желает здоровья и успехов в деле процветания родного языка, а также новых свершений на благо отечественной науки!

Сиразитдинов Зиннур Амирович

*к.ф.н., в.н.с., зав. лабораторией лингвистики и информационных технологий
отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа*

Каримова Рамиля Нигаматьяновна

научный сотрудник отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН, г. Уфа

Литература

- Академический словарь башкирского языка – Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. I–X / под ред. *Ф.Г. Хисамитдиновой*. – Уфа: Китап, 2011–2018. {Academic dictionary of Bashkir language: in 10 volumes. Volumes I–X / ed. by *F.G. Khisamitdinova*. – Ufa: Kitap, 2011–2018.}
- Батыршина 2008a – *Батыршина Г.Р.* Башкирско-русский словарь лексики родинного обряда / отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2008. {*G.R. Batyrshina*. Bashkir-Russian dictionary of parturition rite lexics / ed. F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2008.}
- Батыршина 2008б – *Батыршина Г.Р.* Терминология родинного обряда башкир: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. – Москва, 2008. – 24 с. {*G.R. Batyrshina*. Terms of Bashkir parturition rite: Ph.D. diss. abstract / Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2008. – 24 p.}
- История башкирского народа – История башкирского народа: в 7 т. – Т. V. – Уфа: Гилем, 2010. {History of Bashkir people: in 7 volumes. – Vol. 5. – Ufa: Ghilem, 2010.}
- Ишкильдина 2013 – *Ишкильдина Л.К.* Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2013. – 28 с. {*L.K. Ishkildina*. Historical development of consonants of Bashkir language (on dialectal data): Ph.D. diss. abstract / Kazan (Volga Region) Federal University. – Kazan, 2013. – 28 p.}
- Каримова 2005 – *Каримова Р.Н.* Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины / отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2005. – 120 с. {*R.N. Karimova*. Bashkir-Russian and Russian-Bashkir dictionary of folk medicine terms / ed. F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2005. – 120 p.}
- Каримова 2013 – *Каримова Р.Н.* Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия: лексика материальной и духовной культуры / отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2013. – 122 с. {*R.N. Karimova*. Bashkir-Russian dictionary of weaving and handicraft terms: lexics of material and spiritual culture / ed. F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2013. – 122 p.}
- Муратова 2009 – *Муратова Р.Т.* Символика чисел в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. – Уфа, 2009. – 24 с. {*R.T. Muratova*. Symbolism of numbers in Bashkir language: Ph.D. diss. abstract / Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences. – Ufa, 2009. – 24 p.}
- Сулейманова 2007 – *Сулейманова Р.А.* Русско-башкирский словарь-справочник для работников предприятий бытового обслуживания / отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2007. – 112 с. {*R.A. Suleymanova*. Russian-Bashkir handbook dictionary for workers of household maintenance services / ed. F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2007. – 112 p.}
- Сулейманова 2013 – *Сулейманова Р.А.* Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий / отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2013. – 364 с. {*R.A. Suleymanova*. Bashkir-Russian handbook dictionary of proper names and family names / ed. F.G. Khisamitdinova. – Ufa, 2013. – 364 p.}
- Хисамитдинова 1974 – *Хисамитдинова Ф.Г. (в соавт.)* К вопросу о реликтовых звуко сочетаниях, сохранившихся в лексике башкирского языка на материале среднего говора // Советская тюркология. – 1974. – №5. – С. 13–14. {*F.G. Khisamitdinova (et al.)*. Upon the issue of relic sound combinations preserved in lexics of Bashkir language on data of Middle dialect // Soviet Turkology. – 1974. – No. 5. – pp. 13–14.}
- Хисамитдинова 1980 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Институт языкознания АН СССР. – М., 1980. – 21 с. {*F.G. Khisamitdinova*. Consonant combinations «sonorant+voiceless stop» of Bashkir language in historical context: Ph.D. diss. abstract / Institute of Linguistics of Academy of Sciences of USSR. – Moscow, 1980. – 21 p.}
- Хисамитдинова 1989 – *Хисамитдинова Ф.Г.* История башкирского языка: материалы по исторической фонетике. – Уфа: БашГПИ, 1989. – 96 с. {*F.G. Khisamitdinova*. History of Bashkir language: data on historical phonology. – Ufa: BashGPI, 1989. – 96 p.}
- Хисамитдинова 1991 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская ойконимия XVI–XIX вв.: монография. – Уфа: Башкнигоиздат, 1991. – 254 с. {*F.G. Khisamitdinova*. Bashkir oiconymy of the XVI–XIX centuries: monograph. – Ufa: Bashkniгоizdat, 1991. – 254 p.}

- Хисамитдинова 1992а – *Хисамитдинова Ф.Г.* Формирование ойконимической системы башкирского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Институт языкознания АН СССР. – М., 1992. – 55 с. {*F.G. Khisamitdinova. Creation of oiconymic system of Bashkir language: Ph.D. diss. abstract / Institute of Linguistics of Academy of Sciences of USSR. – Moscow, 1992. – 55 p.*}
- Хисамитдинова 1992б – *Хисамитдинова Ф.Г.* Географические названия Башкортостана. Словарь. – Уфа: РИО БГПИ, 1992. – 96 с. {*F.G. Khisamitdinova. Geographical names of Bashkortostan. Dictionary. – Ufa: RIO BGPI, 1992. – 96 p.*}
- Хисамитдинова 1992в – *Хисамитдинова Ф.Г.* Практикум по истории башкирского языка и введению в тюркологию. Учебное пособие. – Уфа: БашГПИ, 1992. – 40 с. {*F.G. Khisamitdinova. Training manual on history of Bashkir language and introduction to turkology. Textbook. – Ufa: BashGPI, 1992. – 40 p.*}
- Хисамитдинова 1992г – *Хисамитдинова Ф.Г.* Родной Башкортостан: учебное пособие. – Уфа: Сонико, 1992. – 304 с. {*F.G. Khisamitdinova. Homeland Bashkortostan: textbook. – Ufa: Soniko, 1992. – 304 p.*}
- Хисамитдинова 2000а – *Хисамитдинова Ф.Г. (в соавт.)* Языки народов Республики Башкортостан: сб. документов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2000. – 132 с. {*F.G. Khisamitdinova (et al.). Languages of peoples of Republic of Bashkortostan: collection of documents. – Ufa: IYal UNTs RAN (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), 2000. – 132 p.*}
- Хисамитдинова 2000б – *Хисамитдинова Ф.Г.* Языковые проблемы городских башкир // Ватандаш. – 2000. – №12. – С. 112–116. {*F.G. Khisamitdinova. Linguistic problems of modern urban Bashkirs // Vatandash. – 2000. – No. 12. – PP. 112–116.*}
- Хисамитдинова 2001 – *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А.* Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2001. – 320 с. {*F.G. Khisamitdinova, Z.A. Sirazitdinov. Russian-Bashkir handbook dictionary of settlement names of Republic of Bashkortostan. – Ufa: Kitap, 2001. – 320 p.*}
- Хисамитдинова 2002 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская мифология (на башкирском языке). – Уфа: Гилем, 2002. – 126 с. {*F.G. Khisamitdinova. Bashkir mythology (In Bashkir). – Ufa: Ghilem, 2002. – 126 p.*}
- Хисамитдинова 2005 – *Хисамитдинова Ф.Г., Шакуров Р.З., Сиразитдинов З.А., Юлдашбаев Ю.Х.* Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2005. – 256 с. {*F.G. Khisamitdinova, R.Z. Shakurov, Z.A. Sirazitdinov, Yu.Kh. Yuldashbaev. Russian-Bashkir dictionary of water bodies of Republic of Bashkortostan. – Ufa: Kitap, 2005. – 256 p.*}
- Хисамитдинова 2006 – *Хисамитдинова Ф.Г., Суфьянова Н.Ф., Сулейманова Р.А.* Образцы деловых бумаг. – Уфа, 2006. – 127 с. {*F.G. Khisamitdinova, N.F. Sufyanova, R.A. Suleymanova. Examples of business papers. – Ufa, 2006. – 127 p.*}
- Хисамитдинова 2008 – *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Суфьянова Н.Ф.* Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – 310 с. {*F.G. Khisamitdinova, Z.A. Sirazitdinova, N.F. Sufyanova. Russian-Bashkir dictionary of street names of cities of Republic of Bashkortostan. – Ufa: IYal UNTs RAN (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), 2008. – 310 p.*}
- Хисамитдинова 2009 – *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Суфьянова Н.Ф.* Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфический комбинат, 2009. – 312 с. {*F.G. Khisamitdinova, Z.A. Sirazitdinov, N.F. Sufyanova. Russian-Bashkir dictionary of street names of cities of Republic of Bashkortostan. – Ufa: GUP RB Ufa Polygraphic Combine, 2009. – 312 p.*}
- Хисамитдинова 2010 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 456 с. {*F.G. Khisamitdinova. Mythological dictionary of Bashkir language. – Moscow: Nauka, 2010. – 456 p.*}
- Хисамитдинова 2011а – *Хисамитдинова Ф.Г.* Словарь башкирской мифологии. Кн. 1. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 164 с. {*F.G. Khisamitdinova. Dictionary of Bashkir mythology. Book 1. – Ufa: IYal UNTs RAN (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), 2011. – 164 p.*}

- Хисамитдинова 2011б – *Хисамитдинова Ф.Г.* Словарь башкирской мифологии. Кн. 2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 152 с. {*F.G. Khisamitdinova. Dictionary of Bashkir mythology. Book 2. – Ufa, IYaL UNTs RAN (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), 2011. – 152 p.*}
- Хисамитдинова 2011в – *Хисамитдинова Ф.Г.* Словарь башкирской мифологии. Кн. 3. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 128 с. {*F.G. Khisamitdinova. Dictionary of Bashkir mythology. Book 3. – Ufa, IYaL UNTs RAN (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), 2011. – 128 p.*}
- Хисамитдинова 2012 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка / в соавт. Н.С. Уртегешев, Л.К. Ишкильдина, И.Я. Селютина. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 104 с. {*F.G. Khisamitdinova. Atlas of articulation settings of consonants of Eastern dialect of Bashkir language / co-authored with N.S. Urtegeshev, L.K. Ishkildina, I.Ya. Selyutina. – Ufa: IYaL UNTs RAN (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), 2012. – 104 p.*}
- Хисамитдинова 2014 – *Хисамитдинова Ф.Г., Уртегешев Н.С., Ишкильдина Л.К.* Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2014. – 116 с. {*F.G. Khisamitdinova, N.S. Urtegeshev, L.K. Ishkildina. Atlas of consonantal articulation settings of North-Western dialect of Bashkir language. – Ufa, 2014. – 116 p.*}

**FAMOUS TURKOLOGIST AND ABLE SCIENTIFIC ADMINISTRATOR
(TO THE 70TH ANNIVERSARY OF F. G. KHISAMITDINOVA)**

Z.A. Sirazitdinov, R.N. Karimova

Institute of History, Language and Literature

of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa

**БЕЗГРАНИЧНАЯ ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ЯЗЫКУ
И КУЛЬТУРЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА
(К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М.Г. УСМАНОВОЙ)**

Доктор филологических наук, профессор М.Г. Усманова принадлежит к плеяде тех ученых-тюркологов, которые достигли высот в научном познании благодаря собственному кропотливому труду, уму, таланту и способностям к исследовательской деятельности. Любовь к родному языку, к своему народу, огромное трудолюбие, доброта к людям, стремление протянуть руку помощи – вот то, что в духовном отношении сблизило нас с первых дней знакомства. Башкирский народ по праву может гордиться своей славной дочерью.

Усманова (Бураншина) Минсылу Губайтовна родилась 1 мая 1950 г. в д. Карамалы Баймакского района в семье служащих. Ее отец, Бураншин Губайт Юмагужевич, окончил Темясовское педучилище и филологический факультет Магнитогорского пединститута. Работал директором Муллакаевской средней школы Баймакского района. Мама, Муратова Марьям Мустафовна, окончив Темясовское педучилище, около сорока лет жизни отдала педагогическому труду.

Минсылу Бураншина по окончании Республиканской школы-интерната №1 поступила учиться в Башкирский государственный университет. В 1972 г. начала работать научно-техническим сотрудником в Институте истории, языка и литературы БФАН СССР (ныне УНЦ РАН). В 1986–1989 гг. училась в очной аспирантуре по специальности «Тюркские языки». В июне 1990 г. успешно защитила

диссертацию на звание кандидата филологических наук. В течение семнадцати лет трудилась на факультете башкирской филологии и журналистики БашГУ.

Это были лучшие годы в жизни Усмановой Минсылу Губайтовны. Научную работу она совмещала с активной преподавательской деятельностью, с выездами в отдаленные башкирские селения для сбора жемчужин родных диалектов и топонимов, с большой учебно-методической работой, помощью в разработке учебников и программ для башкирских и русскоязычных школ. Многогранная деятельность принесла свои плоды: в 2002 г. Минсылу Губайтовна защитила докторскую диссертацию. С 2003 г. – профессор БГУ, читала лекции и вела спецсеминары по дисциплинам: «Башкирская диалектология», «Введение в тюркологию», «Современный башкирский язык (морфология)», «Введение в башкирскую ономастику», «Практический курс башкирского языка».

В августе 2007 г. ректор, профессор БГПУ им. М. Акмуллы Раиль Мирваевич Асадуллин приглашает ее работать на кафедру башкирского языка (ныне – башкирского языка и методики его преподавания) факультета башкирской филологии БГПУ им. М. Акмуллы, где она трудилась с марта 2008 г. по июнь 2017 г.: вела курсы «Стилистика современного башкирского литературного языка», «Диалектология башкирского языка», «Русско-башкирская лексикография», «Практический курс башкирского языка». Здесь же в разные годы читала лекции по предметам «Введение в тюркологию», «Топонимика», «Сравнительная грамматика тюркских языков», руководила кружком «Ономастика и диалектология родного края» и курсовыми, преддипломными, дипломными работами. Кроме того, М.Г. Усманова вела исследовательскую работу с одаренными школьниками Башкортостана в рамках Дистанционной школьной академии «Успех» БГПУ им. М. Акмуллы по созданным ею проектам «Ономастика родного края» и «Говор родного края». Победившие на конкурсе школьники участвовали в итоговой конференции, материалы которой в течение четырех лет издавались благодаря ее инициативе и при финансовой поддержке фонда «Урал» (Сборники «Родной край: топонимы и разговорный язык», Уфа, 2015–2018 гг.).

Много лет своей трудовой деятельности отдала Минсылу Губайтовна работе на родном факультете. Как известно, не все факультеты и даже вузы имеют свой гимн. А вот Факультет башкирской филологии Башкирского государственного университета им. М. Акмуллы удостоен такой чести. Автор гимна – наш юбиляр М.Г. Усманова. А музыку к нему сочинила ее дочь – композитор Зухра Усманова-Киньягулова. Гимн впервые на празднике 20-летия факультета исполнил внук – победитель республиканского конкурса «Песня года 2019» Ильяс Киньягулов. Вот так старанием трех поколений был создан гимн факультета. В нем есть такие строки, в которых выражена вся безграничная любовь автора к родному языку:

Башкорт теле – халкым теле,
 Боронҗо тел, бөйөк тел.
 Быуаттарзан быуаттарға
 Барып етәр гәжәп тел.
 Башкирский язык – язык моего народа,
 Он древний и величественный.
 Многие века переживет еще
 Этот удивительный язык.

Помимо преподавательской деятельности, много сил отдает Минсылу Губайтовна подготовке и написанию научных трудов. На сегодня она – автор более 350 публикаций. В золотую сокровищницу башкироведения вошли такие работы профессора М.Г. Усмановой, как «Топонимы, связанные с раннесредневековыми этнонимами (на примере топонимов бассейна реки Сакмар)» (2002), «Ранние этапы этнической истории башкир в исторической топонимии» (1992), «Саки на Урале» (1993), «Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар» (1994), «Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка» (2002), «Башкорт теле. Мәктәп укыусылары, укырға инеүселәр, укытыусылар өсөн тестар, кағизәләр» (2004, в соавт.), «Башкирский язык. Интенсивный курс обучения» (2006, в соавт.), «Башкортса-русса темалар буйынса һүзлек» (2005, 2009), «Башкортса-русса синонимдар һүзлегә» (2000, 2010, 2011) и др.

Минсылу Губайтовной вложен неоценимый вклад в исследование семантики глаголов башкирского языка. Данные функционально-семантической классификации 17 тыс. одноосновных и 4 тыс. сложных глаголов башкирского языка послужили базой для составления словарей различных типов, в частности, «Словаря синонимов глаголов» (2000), «Башкирско-русского толкового идеографического словаря глаголов речи» (2002).

М.Г. Усманова активно популяризирует родной язык, ею самой и с ее участием издано более 10 словарей. Особо ценным для носителей других языков представляется «Карманный башкирско-русский и русско-башкирский словарь. Слова-заимствования. Грамматика. Речевые образцы» (2010–2014, в соавт.). Следует отметить, что М.Г. Усманова первой в башкирском языкознании начала составление идеографических словарей. В частности, ею самой и в соавторстве составлены «Идеографический башкирско-англо-русский учебный словарь» (2013) и «Русско-башкирский функционально-когнитивный учебный словарь» (2002, 2003, 2007, в соавт.), «Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы» (2015, в соавт.).

Ею разработаны учебные программы и учебные пособия по всем читаемым вузовским и школьным курсам. Следует особо отметить, что М.Г. Усманова – единственный автор в Республике Башкортостан, учебниками, учебными и электронными пособиями по башкирскому языку и словарями которой охвачены все ступени образования – башкирские и русскоязычные школы, средне-специальные учреждения и вузы. Целенаправленно для русскоязычных школ ею написаны «Грамматика башкирского для изучающих язык как государственный» (2006, 2012), «Грамматика башкирского языка в таблицах и схемах» (2007), «Башкорт теле. Интенсивный курс обучения» (2011, 2018), а также учебники «Башкорт теле» для 5–11 классов русскоязычных школ (2000–2019, в соавт.), электронные пособия «Башкирский язык: фонетика и грамматика» (2011, 2018), «Башкирский язык. Самоучитель для начинающих» (2012), «Башкирский язык. Самоучитель для продолжающих» (2012) и многие другие. М.Г. Усмановой впервые в истории образования составлена школьная грамматика башкирского языка для башкирских школ (1999, 2000), впоследствии ставшая учебным пособием для 5–9 классов башкирской школы (2013).

Она занимается и благотворительностью. Например, ею составлены словари для слепых, состоящие каждый их четырех томов и изданных по шрифту Брайля «Рус-башкорт һүзлеге» (2016, в соавт.) и «Башкорт-рус һүзлеге» (2016).

С казахскими коллегами она участвовала в написании учебного пособия по сопоставительной грамматике казахского и башкирского языков «Қазақ және башқұрт тілдерінің салыстырмалы грамматикасы» (2017, в соавт.).

Минсылу Губайтовна Усманова ведет активную общественную работу. Она долгие годы является членом Топонимической службы Комиссии по реализации Закона «О языках народов РБ» при Правительстве РБ, членом Диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при БашГУ (Диссовет в декабре 2018 г. закрыли), а также членом редакционной коллегии журнала «Вестник Тувинского государственного университета «Педагогические науки» (г. Кызыл, Республика Тыва). Она была одним из первых составителей тестов по башкирскому языку, поэтому часто была привлечена Министерством образования Республики Башкортостан к разработке тестов (для ЕГЭ и олимпиад по башкирскому языку для школ, начально- и средне-профессиональных учебных заведений). Являлась заместителем председателя Научно-методического совета по переводу башкирской энциклопедии (изданы 10 томов), состояла в составе жюри заочного этапа конкурса исследовательских работ в секции «Культура Башкортостана» в рамках Малой академии наук школьников РБ, проводимого на базе ГАО ДПО ИРО РБ, а с декабря 2017 г. является руководителем Терминологической службы Комиссии при Правительстве РБ по реализации Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан».

Минсылу Губайтовна стала лауреатом конкурса на лучшую научную книгу 2007 г., проводимого Фондом развития отечественного образования, за книгу «Грамматика башкирского языка в таблицах и схемах», а в 2012 г. за серию статей в газете стала лауреатом Республиканской общественно-политической газеты «Башкортостан», стала также лауреатом и за серию статей «Башкирская грамматика и язык народа» (№8–12) республиканского журнала «Ватандаш» (2019).

Республика высоко оценила заслуги профессора М.Г. Усмановой в науке и образовании: она награждена нагрудным знаком «Отличник образования Республики Башкортостан» (2002), «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2010), «Заслуженный работник образования» РБ (2017), Почетными грамотами Министерства образования РБ (2005, 2010, 2011), БГУ (2003), городского округа г. Уфа РБ (2010, 2011), дипломами Российского интеллектуального центра «ОлимпиадУм» (2015), Фонда развития отечественного образования (2008), газеты «Башкортостан» (2012), журнала «Ватандаш» (2019), имеет медали В. Сухомлинского «Сердце отдаю детям» (2011), «За заслуги перед городом Уфа» (2011), «Ал да нур сәс халкыңа» (2013) – награда Всемирного Курултая башкир, медаль ФГБОУ ВПО БГПУ им. М. Акмуллы «Созидая будущее» (2018).

Минсылу Губайтовна – щедрой души человек. На моей книжной полке почетное место занимают подаренные ей большой «Башкирский диалектологический словарь» (2002), монография «Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар» (1994) и др. Данная монография, написанная на базе 21 тыс. географических названий, включающая и словарь географических названий, является настольной книгой преподавателей и

студентов географического, исторического и филологического факультетов вузов, учащихся школ и краеведов.

Выражаю сердечную благодарность Минсылу Губайтовне за многолетнее сотрудничество с Тюменским государственным университетом. М.Г. Усманова – человек большой эрудиции, научной культуры, интеллигентности, личного обаяния. Она находит время для помощи моим аспирантам и соискателям, пишет отзывы на их авторефераты. Мы давно мечтали с ней о совместной научной работе, в которой были бы прослежены языковые взаимосвязи башкир и сибирских татар. Москва нас сблизила, взяла под свое крыло. Наши планы сбылись благодаря деятельности Российского комитета тюркологов под руководством профессора Кормушина Игоря Валентиновича. Тепла его души хватает на всех, кто верно служит в науке своим родным языкам. Минсылу Губайтовна по приглашению руководства РКТ активно участвует в работе годичных пленумов, выступает с докладами, публикуется в журнале «Российская тюркология».

Также в 2019 г. вместе с другими членами РКТ – Н.Н. Широбоковой, И.Я. Селютиной, М.В. Бавуу-Сюрюн, Е.А. Огановой – мы с ней побывали в гостях у коллектива Калмыцкого государственного университета. Здесь состоялась III Международная научная конференция «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований», посвященная 80-летию академика РАЕН, профессора Валентина Ивановича Рассадина, 30-летию создания тофаларской письменности, 20-летию создания сойотской письменности. Профессор М.Г. Усманова буквально покорила своим научным докладом, выступлениями на телевидении, радио, Круглом столе представителей Правительства Республики Калмыкия, Бурятского государственного университета, Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН, Института лингвистических исследований РАН, Калмыцкого научного центра РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока РФ. Минсылу Губайтовна была в национальном костюме с нагрудными серебряными украшениями, исполнила народный танец и выглядела настоящей башкирской красавицей. Итогом форума стало заключение Договора о вхождении в международный коллектив по сетевому востоковедению самых авторитетных исследователей, в том числе такой документ подписала доктор филологических наук, профессор БГПУ им. М. Акмуллы Минсылу Губайтовна Усманова.

Сердечно поздравляю глубокоуважаемую Минсылу Губайтовну с юбилеем, желаю доброго здоровья, семейного счастья, столь же плодотворной деятельности на благо нашей науки.

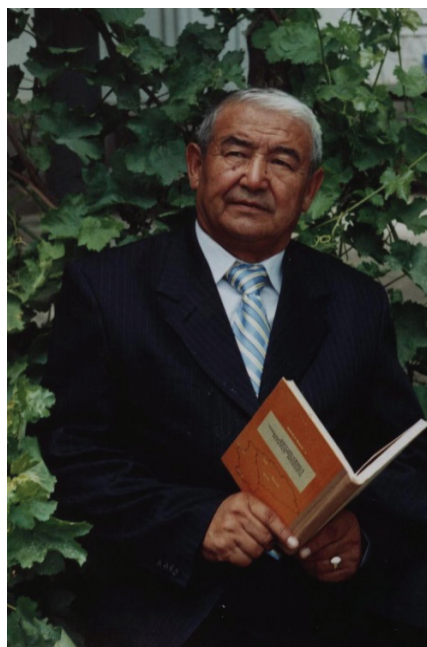
Алишина Ханиса Чавдатовна
доктор филологических наук, профессор ТюмГУ

OVERWHELMING LOVE FOR THE MOTHER TONGUE AND CULTURE OF THE BASHKIR PEOPLE (TO THE 70TH ANNIVERSARY OF M.G. USMANOVA)

Kh. Ch. Alishina

Ph.D., Professor of Tyumen State University

ТУРА НАФАСОВ – ОСНОВАТЕЛЬ УЗБЕКСКОЙ ТОПОНИМИКИ (К ПРОШЕДШЕМУ 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)

Нафов Тур Нафович – профессор, кандидат филологических наук, педагог, член Ученого совета, Комиссии по номинации, зав. кафедрой узбекского языкознания Каршинского госуниверситета им. Хаида Алимджана, автор учебников и словарей по узбекскому языку. Своей научно-педагогической деятельностью он внес значительный вклад в становление и развитие узбекского языкознания.

Тур Нафович родился в 1938 г. в с. Давташ Чиракчинского района Узбекской ССР в семье учителя. Окончил среднюю школу, после нее год проработал учителем в средней школе с. Янгибад. С 1956 по 1958 гг. – учащийся Самаркандского физкультурно-педагогического училища; с 1958 по 1963 гг. – студент филологического факультета Самаркандского государственного университета.

Тур в студенческие годы заинтересовался темой заимствованных тюркских слов в других языках. Развитию таланта юноши способствовали преподаватели, заронившие в его душу большой интерес к исследованию лексического значения слова. В это время в университете работали видные ученые-филологи, известные писатели: декан филологического факультета, писатель Орифжан Икрамов, академик, профессор Вахид Абдуллаев, заведующий кафедрой узбекского языкознания (СамГУ), профессор Улуг Турсунов, а также Хамдам Бердиеров, Худойберди

Дониеров, Нуриддин Шукуров и др. Туре посчастливилось учиться у таких мэтров. К окончанию института Тура Нафасов собрал неплохой материал по заимствованным тюркским словам, вошедшим в лексику русского языка. В его картотеке обнаружилось более 600 тюркских слов, заимствованных русским языком в разные периоды истории. В 1965 г. Тура Нафасович на основе собранного материала написал свою первую статью «Тюркские лексические элементы, усвоенные в русском языке».

В 1963 г. Тура Нафасов, с отличием окончив Самаркандский университет, стал преподавателем на кафедре узбекского языкознания Каршинского государственного педагогического института. В 1965–1967 гг. работал стажером-исследователем, затем с 1 октября 1967 г. по 31 сентября 1968 г. был аспирантом института языка и литературы им. А.С. Пушкина при Академии наук Республики Узбекистан. Темой его кандидатской диссертации стал лингвистический анализ топонимов Кашкадарьинской области. С целью сбора материала с марта по декабрь 1966 г. он путешествовал по населенным пунктам области и записывал их названия в транскрипции. Местные жители помогли ему собрать легенды, предания и мифы, связанные с названиями городов и сел. Также он записывал образцы устного народного творчества – пословицы, загадки, народные песни и напевы, в которых встречались слова, произношение которых отличалось от норм литературного языка. Работа по сбору всех видов и жанров устного народного творчества продолжалась до конца его жизни. Часть полевых материалов была опубликована в книгах «Узбекские напевы», «Этнолингвистический анализ топонимов Южного Узбекистана», «Почему так назван ваш кишлак?», «Учебный толковый словарь топонимов узбекского языка»¹.

Топонимика была тогда новым направлением в узбекской лингвистике. Методы и приемы исследования топонимов, способы их классификации еще не были определены. Известно, что до 1960-х гг. топонимы изучались лишь историками и географами. Лингвистическое исследование топонимии определенной территории имело важное теоретическое и практическое значение. Тура Нафасов первым в Узбекистане собрал макро- и микротопонимы сел и деревень Кашкадарьинской области, записал их местное произношение и литературную форму, создал картотеку, заложив тем самым основу для создания топонимической базы республики.

Свою диссертацию «Топонимы Кашкадарьинской области» он посвятил лингвистическому аспекту изучения региональных топонимов. Он изучал их в следующей последовательности: 1) этногенетический и исторический анализ топонимов; 2) структура и формирование топонимов; 3) лексико-семантические особенности топонимов.

В топонимии Узбекистана присутствует достаточное количество элементов из согдийского, хорезмийского и более древних иранских языков. Они встречаются в названиях городов, сел, рек и гор. В кандидатской диссертации Туры Нафасова

¹ *Нафасов Т.* Узбекские напевы. – Карши: Насаф, 1994. – 180 с.; *Нафасов Т.* Этнолингвистический анализ топонимов Южного Узбекистана. Спецкурс. – Ташкент: Наука, 1985. – 84 с.; *Нафасов Т.* Почему так назван ваш кишлак? – Ташкент: Наука, 1989. – 126 с.; *Нафасов Т.* Учебный толковый словарь топонимов узбекского языка. – Ташкент: Насаф, 1997. – 123 с.

были подробно исследованы древние иранские ойконимы с компонентами *-кент/-кенд/-канд/-ганда/-канда*. Из последующих работ ученого стало известно, что в названиях топонимов Узбекистана представлено множество древних иранских аффиксов: *-ман/-мон, -диз/-ди, -жон/-шон, -гон/-ган/-ком/-кон, -мас/-мос, -дувон/-тувон, -митан/-метан, -гирд/-кирд/-жирд, -кас/-ҳас/-қас, -гар/-гор* и др. В своих последних статьях Тура Нафасов рассмотрел систему исторических и современных названий местностей с вышеупомянутыми топоэлементами и тополексемами².

Вышеупомянутые топоэлементы не служат для создания географических названий в современном языке. В диссертации и в последних статьях Туры Нафасова был определен ряд однолексемных/топоформантных топонимов, которые изучались в соотношении друг с другом. Этот ряд топонимов содержит в себе лексему, выполняющую функцию знака: *Зарметан, Парметан, Наматон, Шаматон*. Тот же метод был применен и при изучении древнетюркских топонимов с лексемой *қиз* 'девочка'. Топонимы с лексемой *қиз* в основном характерны для оронимии (*Қизтепа, Қирққиз*), частично встречаются в гидронимии (*Қизбулоқ*) и в городской микротопонимии (*Қизқўрғон, Қирққиз*). Во всех этих названиях лексема *қиз* обозначает тип рельефа, а сами названия мотивированы формой рельефа и местоположением топообъекта.

Профессор Тура Нафасов во всех своих научных трудах, в частности в «Толковом словаре топонимов Узбекистана» (1988) и в «Учебным толковым словаре топонимов узбекского языка» (1997)³, уделял особое внимание правильному толкованию значений топонимов. Он стремился восстановить древние формы и значение лексем и словообразующих морфем, лежащих в основе топонимов, что дало бы возможность составления правильной лексико-семантической, номинативной и мотивационной классификаций топонимов.

Ономастические словари – относительно новый тип словарей в узбекском языкознании. Хотя было создано много видов словарей апеллятивной лексики, теоретические и практические аспекты создания ономастических словарей оставались не разработанными. Ономастические словари изначально создавались географами и историками [Хасанов 1965: 83]. Причина того, что ономастических словарей создавалось относительно мало, заключается в том, что в стране не было единого ономастического фонда. Тура Нафасов создал два топонимических словаря. В его первом «Толковом словаре топонимов Узбекистана» [Нафасов 1988], который охватывает региональные макро- и микротопонимы Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, в основном определяются значения ойконимов, гидронимов и оронимов. Второй словарь «Учебный толковой словарь топонимов узбекского языка» предназначен для учащихся 5–11 классов узбекских средних школ. Словарь включает в себя такие топонимы, как Кашкадарья, Насаф, Нахшаб, Карши, Чиракчи, Камаша, Яккабаг и другие. В словаре анализируются более 300 названий с простым и понятным для носителя узбекского языка значением и толкованием топонимов Южного Узбекистана.

² *Нафасов Т.* Кишлакнаме Кашкадарья (Қашқадарё кишлокномаси) – Ташкент: Духовность, 2011. – 440 с.

³ *Нафасов Т.* Толковый словарь топонимов Узбекистана. – Ташкент: Учитель, 1988. – 288 с.; *Нафасов Т.* Учебный толковый словарь топонимов узбекского языка. – Карши: Насаф, 1997. – 123 с.

Образование имен собственных, в особенности топонимов, является одной из самых сложных проблем ономастики и топонимики. Тура Нафасов осознал необходимость пересмотра и оценки ономастического словообразования, принципиально отличающегося от образования апеллятивной лексики [Нафасов 2008]. Так, он толкует значения ряда ойконимов, образованных на основе этнонимов: *Қўштамғали* – *қўш* ‘пара’, *тамға* ‘знак’ (этноним), *-ли* – словообразовательный аффикс; *Ачамайли* – *ач//оч* ‘открыть’, *майли-мойли* букв. ‘жирный’ (этноним); *Кийикчи* – *кийик* ‘олень’, *-чи* – словообразовательный аффикс; *Қорақўнғирот* – *қора* ‘черный’, *Қўнғирот* – ‘название племени’ (этноним) – название одного из племени, населяемых кишлак Акрабад Дехканабадского района; *Тўқманғит* – *тўқ* ‘сытый’, *манғит* ‘название племени’ (этноним) – название племени села Жанбузсай Камашинского района; *Қайчили* – *қайчи* ‘ножницы’, *-ли* – словообразовательный аффикс. Значит, наименования *Қўштамғали*, *Ачамайли*, *Кийикчи*, *Қорақўнғирот*, *Тўқманғит*, *Қайчили*, возникнув как апеллятивные лексические единицы, впоследствии преобразовались в готовые ономастические термины. Образование же ойконимов типа *Тошли* ‘Каменный’, *Фиштли* ‘Кирпичный’ или *Чўмичли* ‘Половниковый’ имели определенные особенности: по мнению Т. Нафасова, в названиях *Тошли*, *Фиштли* исчезли ойкономические индикаторы – первоначально они назывались *Тошлиқшилоқ* ‘Деревня каменная’, *Фиштлиқшилоқ* ‘Деревня кирпичная’ [Нафасов 1968: 11–15]. Названия *Қорахитойқшилоқ* (*қора* ‘черный’, *Хитой* ‘Китай’, *қшилоқ* ‘село’) или *Қорақшилоқовул* (*қора* ‘черный’, *қшилоқ* ‘село’, *овул* ‘аул’), а также *Даит* ‘степь’, *Қудуқ* ‘колодец’, *Оқсув* ‘Белая вода’, *Қорасув* ‘Черная вода’ образованы от этнонимов без каких-либо грамматических изменений. Такой тип ономастического словообразования является специфическим для топонимии. Профессор З. Досимов назвал этот метод ономастической конверсией, Тура Нафасов – номинацией.

Кроме ономастической проблематики Тура Нафасов занимался изучением живого разговорного языка населения Кашкадарьи. Первый том словаря «Говоры населения Кашкадарьинской долины» был опубликован в 2011 г., еще при жизни ученого. Второй том почти готов, но из-за серьезной болезни ученого он не был опубликован. Мы надеемся, что его ученики и дети доведут дело до конца.

Статьи Туры Нафасова печатались в таких городах, как Москва (1989, 1991), Тбилиси (1989), Уфа (2002), Чебоксары (2002), Хельсинки (1990), Баку (1986, 1987, 1988, 1990), Волгоград (1989).

Профессор Тура Нафасов с 1963 по 1975 г. работал на кафедре узбекского языкознания Каршинского государственного университета им. Хамида Алимджана преподавателем, старшим преподавателем (1968–1973), доцентом (с 1973 г.), в течение многих лет заведовал этой кафедрой (1985–2004), с 2005 г. работал профессором кафедры. Он, не защищая докторскую диссертацию, за плодотворную работу в области научно-исследовательской, методической и педагогической деятельности получил звание профессора 17 апреля 1990 г. по решению Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР.

Одним из основных научных направлений кафедры является изучение диалектов Кашкадарьи и южных областей Узбекистана в целом. Топонимика южных регионов республики изучалась довольно последовательно, были опубликованы монографии [Нафасов 1985], [Хуррамов 1981], словари [Нафасов 1988, 1997] и другие работы. Изучена лексика, связанная с орошаемым земледелием, собраны

и подвергнуты лингвистическому анализу слова и термины, опубликована монография и защищена докторская диссертация [Джаббаров 2011, 2017], относящиеся к народным играм [Джаббаров 1999], проведен лингвистический анализ заимствованных топонимов Южного Узбекистана [Бегимов 1999]. На основе этнонимии южных областей Узбекистана проведено лингвистическое исследование этнонимов узбекского языка [Маркаев 2006].

Особое внимание Тура Нафасов уделял привлечению на кафедру перспективных исследователей. Большинство молодых специалистов, принятых на работу в тот период, в настоящее время являются научными сотрудниками, преподавателями высокого уровня. В их числе доктора филологических наук Б. Менглиев, Х. Жабборов, Н. Шодмонов, кандидаты филологических наук Э. Жаббаров, Т. Жумаев, О. Бегимов, О. Уринова, Б. Бахриддинова, О. Шукуров, Н. Юлдошева, Н. Мусульмонова. Вырос научный потенциал, авторитет кафедры, появились новые направления научных исследований.

В период своей научно-педагогической деятельности профессор Тура Нафасов активно участвовал в международных и республиканских конференциях. Он подготовил двух кандидатов наук, которые стали самостоятельными соискателями. В течение многих лет он был членом Ученого совета при Самаркандском государственном университете, членом Комиссии по номинации при хакимияте Кашкадарьинской области. Ученый оставил богатое научное наследие. Тура Нафасов уделял особое внимание многим языковым явлениям, предъявлял высочайшую требовательность к достоверности каждого из выявленных фактов, к их всестороннему анализу, начиная с историко-этимологического и заканчивая описанием современного состояния. Нет сомнений, что это наследие займет достойное место в истории узбекской ономастики.

Наш учитель ушел из жизни 10 марта 2016 г. Прошлой осенью ему исполнился бы 81 год.

Джаббаров Худжамурод Джаббарович
доктор филологических наук,
профессор кафедры узбекского языкознания
Каршинского государственного университета

Джаббаров Эшпулат Джаббарович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры узбекского языкознания,
Каршинского государственного университета

Библиография основных научных трудов Т.Н. Нафасова⁴
Bibliography of T.N. Nafasov's scientific works

1968–1978

1. *Нафасов Т.* Топонимы Кашкадарьинской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент: Учитель, 1968. – 24 с. {*T. Nafasov.* Toponyms of the Kashkadarya Province: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent: Uchitel', 1968. – 24 p.}

⁴ Думаем, эта библиография будет интересна для тюркологов.

2. *Нафасов Т.* Топонимы Кашкадарьинской области: дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1968. – 310 с. {*T. Nafasov.* Toponyms of the Kashkadarya Province: Ph.D. thesis. – Tashkent, 1968. – 310 p.}
3. *Нафасов Т.* Лингвистический анализ. Пособие для студентов заочных курсов филологического факультета педагогических институтов. – Ташкент: Учитель, 1978. – 154 с. {*T. Nafasov.* Linguistic analysis. A manual for students of distance learning courses of philological faculty of pedagogical institutes. – Tashkent: Uchitel', 1978. – 154 p.}

1981–1989

4. *Нафасов Т.* Лингвистический анализ. Методическое указание для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. – Ташкент: Учитель, 1981. – 184 с. {*T. Nafasov.* Linguistic analysis. A methodical guide-book for students of philological faculties of higher education establishments. – Tashkent: Uchitel', 1981. – 184 p.}
5. *Нафасов Т.* Этнолингвистический анализ топонимов юга Узбекистана. – Ташкент: Издательство Ташкентского государственного педагогического института, 1985. – 84 с. {*T. Nafasov.* Ethnolinguistic analysis of toponyms of Southern Uzbekistan. – Tashkent: Tashkent State University publishing house, 1985. – 84 p.}
6. *Нафасов Т.* Лабораторные занятия на современном узбекском литературном языке. Пособие для студентов факультета узбекского языка и литературы педагогических институтов / в соавт. с Э. Шадмановым. – Ташкент: Учитель, 1986. – 142 с. {*T. Nafasov.* Laboratory training sessions on the data of modern Uzbek language. A manual for students of the Uzbek language and literature faculties of pedagogical institutes / co-authored with E. Shadmanov. – Tashkent: Uchitel', 1986. – 142 p.}
7. *Нафасов Т.* Топонимика Узбекистана. Спецкурс программы. – Ташкент, 1988. – 24 с. {*T. Nafasov.* Toponymy of Uzbekistan. A special program course. – Tashkent, 1988. – 24 p.}
8. *Нафасов Т.* Толковый словарь топонимов Узбекистана. – Ташкент: Учитель, 1988. – 288 с. {*T. Nafasov.* The Explanatory Dictionary of Toponyms of Uzbekistan. – Tashkent: Uchitel', 1988. – 288 p.}
9. Ономастика Узбекистана / Сост. *Т. Нафасов, Э. Бегматов, С. Караяев.* – Ташкент: Учитель, 1988. – 58 с. {*Onomastics of Uzbekistan / Ed. T. Nafasov, E. Begmatov, S. Karayev.* – Tashkent: Uchitel', 1988. – 58 p.}
10. *Нафасов Т.* Почему так назван ваш кишлак? – Ташкент: Наука, 1989. – 126 с. {*T. Nafasov.* Why is your kishlak named like this? – Tashkent: Nauka, 1989 – 126 p.}

1993–2011

11. *Нафасов Т.* Учебный толковый словарь топонимов узбекского языка. – Карши: Насаф, 1997. – 123 с. {*T. Nafasov.* The Learning Explanatory Dictionary of Toponyms of the Uzbek Language. – Karshi: Nasaf, 1997. – 123 p.}
10. *Нафасов Т., Холмутинов Х.* Топонимика Байсуна. – Термез: Жайхун, 1997. – 45 с. {*T. Nafasov, Kh. Kholmudinov.* Toponymy of Baysun. – Termiz: Jaihun, 1997. – 45 p.}
11. *Нафасов Т.* Названия улиц и окрестностей города Карши / в соавт. с Ш. Турсуновым. – Ташкент: Мухаррир, 2008. – 168 с. {*T. Nafasov.* Street names of Karshi city and its vicinities / co-authored with Sh. Tursunov. – Tashkent: Muharrir, 2008. – 168 p.}
12. *Нафасов Т.* Узбекское языкознание: библиографический указатель. – Карши: Каршинск. гос. ун-т, 1988. – 52 с. {*T. Nafasov.* The Uzbek linguistics: a bibliography index. – Karshi: Karshi State University publishing house, 1988. – 52 p.}
13. *Нафасов Т.* Кишлакнаме Кашкадарьи. – Ташкент: Мухаррир, 2009. – 430 с. {*T. Nafasov.* Kishlaknamah of Kashkadarya. – Tashkent: Muharrir, 2009. – 430 p.}
14. *Нафасов Т.* Говоры населения Кашкадарьинской долины. – Ташкент: Наука, 2011. – 380 с. {*T. Nafasov.* Dialects of inhabitants of the Kashkadarya Plain. – Tashkent: Nauka, 2011. – 380 p.}

Литература

- Бегимов 1999 – *Бегимов О.* Заимствованный слой топонимии Южного Узбекистана: дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1999. – 167 с. {*O. Begimov.* The loan lexical strata of toponymy of the Southern Uzbekistan: Ph.D. thesis. – Tashkent, 1999. – 167 p.}
- Джаббаров 1999 – *Джаббаров Э.* Лексика узбекских народных игр: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент: Наука, 1999. – 25 с. {*E. Dzhabbarov.* Lexics of Uzbek folk games: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent: Nauka, 1999. – 25 p.}

- Джаббаров 2011 – *Джаббаров Х.* Земледельческая лексика узбекского языка (монография). – Ташкент: Наука, 2011. – 152 с. {*Kh. Dzhabbarov.* Agricultural lexics of the Uzbek language (monograph). – Tashkent: Nauka, 2011. – 152 p.}
- Джаббаров 2017 – *Джаббаров Х.* Земледельческая лексика узбекского языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Ташкент: Наука, 2017. – 75 с. {*Kh. Dzhabbarov.* Agricultural lexics of the Uzbek language: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent: Nauka, 2017. – 75 p.}
- Маркаев 2006 – *Маркаев К.* Лингвистический анализ этнонимов узбекского языка: дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент: Наука, 2006. – 147 с. {*K. Markayev.* Linguistic analysis of ethnonyms of the Uzbek language: Ph.D. thesis. – Tashkent: Nauka, 2006. – 147 p.}
- Нафасов 1965 – *Нафасов Т.* Тюркские лексические элементы, усвоенные в русском языке // Науч. раб. Каршинск. гос. пединститута. Кн. №17. – Ташкент: Учитель, 1965. – С. 133–156. {*T. Nafasov.* Turkic lexical elements, adopted by the Russian language // Scientific works of Karshi State Pedagogical Institute. Book No. 17. – Tashkent: Uchitel', 1965. – PP. 133–156.}
- Нафасов 1968 – *Нафасов Т.* Топонимы Кашкадарьинской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент: Учитель, 1968. – 28 с. {*T. Nafasov.* Toponyms of the Kashkadarya Province: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent: Uchitel', 1968. – 28 p.}
- Нафасов 1985 – *Нафасов Т.* Этнолингвистический анализ топонимии Южного Узбекистана. – Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. пед. ин-та, 1985. – 122 с. {*T. Nafasov.* Ethnolinguistic analysis of toponymy of the Southern Uzbekistan. – Tashkent: Tashkent State Pedagogical Institute publishing house, 1985. – 122 p.}
- Нафасов 1988 – *Нафасов Т.* Толковый словарь топонимов Узбекистана. – Ташкент: Укитувчи, 1988. {*T. Nafasov.* The Explanatory Dictionary of Toponyms of Uzbekistan. – Tashkent: Ukituvchi, 1988.}
- Нафасов 1997 – *Нафасов Т.* Топонимика Бойсуна. – Термез: Жайхун, 1997. – 88 с. {*T. Nafasov.* Toponymy of Boysun (Baysun). – Termez (Termiz): Jaihun, 1997. – 88 p.}
- Нафасов 2008 – *Нафасов Т.* Что такое номинация? Актуальные проблемы узбекской лингвистики. – Ташкент: Навруз, 2008. – С. 58–64. {*T. Nafasov.* What is nomination? On actual problems of Uzbek linguistics. – Tashkent: Navruz, 2008. – PP. 58–64.}
- Хасанов 1965 – *Хасанов Х.* Из истории названий местностей Средней Азии. – Ташкент: Наука, 1965. – 129 с. {*Kh. Khasanov.* From the History of Place Names in the Central Asia. – Tashkent: Nauka, 1965. – 129 p.}
- Хуррамов 1981 – *Хуррамов К.* Узбекские народные географические термины, обозначающие рельеф Южного Узбекистана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент: Наука, 1981. – 26 с. {*K. Khurramov.* Uzbek folk geography terms determinating the relief of the Southern Uzbekistan: Ph.D. diss. abstract. – Tashkent: Nauka, 1981. – 26 p.}

**TURA NAFASOV – THE FOUNDER OF UZBEK SCIENTIFIC TOPONYMY
(DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)**

K.D. Dzhabbarov, E.D. Dzhabbarov

Karshi State University

ДОСТОЙНЫЙ СЫН КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА (К 90-ЛЕТИЮ М.К. НУРМУХАМЕДОВА)

В этом году исполняется 90 лет Марату Коптилеевичу Нурмухамедову, известному тюркологу, доктору филологических наук, профессору, академику Академии наук Республики Узбекистан, Заслуженному деятелю науки Республик Узбекистан и Каракалпакстан.

Он родился 6 января 1930 г. в городе Торткуль Республики Каракалпакстан. Его отец, Коптилей Нурмухамедов, был репрессирован как «враг народа» в 1937 г., а год спустя расстрелян. Долгие годы семья находилась под тотальным контролем, в 1957 г. отец был реабилитирован. В эти трудные годы в будущем ученом, окончившем школу, затем институт, пробудилась любовь к науке, в нем родилась мечта стать известным гражданином страны, что впоследствии привело его в большую науку.

В 1950 г. М.К. Нурмухамедов окончил Каракалпакский государственный педагогический институт. Нажим Давкараев, директор тогдашнего Каракалпакского института экономики и культуры Академии наук Узбекской ССР, ходатайствовал о поступлении молодого специалиста в аспирантуру Института Востоковедения Академии наук СССР, он же познакомил его и с будущим научным руководителем Э.Е. Бертельсом. В 1953 г. М.К. Нурмухамедов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Влияние русской литературы на развитие каракалпакской советской литературы». С 1953 по 1959 гг. был научным сотрудником, заведующим сектором, заместителем директора Каракалпакского Института эко-

номики и культуры Академии наук Узбекской ССР. Наряду с основной работой он являлся редактором журнала «Амударья» в 1957–1959 гг. и председателем Союза писателей Каракалпакстана в 1958–1959 гг.

В 1959 г. на базе Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института (институт экономики и культуры 1957 г. был реорганизован) был организован Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской ССР. М.К. Нурмухамедов стал его первым председателем (1959–1961). С 1961 по 1966 гг. он был секретарем Каракалпакстанского обкома партии КП УзССР.

В 1965 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Развитие и становление каракалпакской советской прозы», в 1966 г. стал членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР, а в 1966–1974 гг. был членом Президиума и академик-секретарем Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР. В 1968 г. он получил звание профессора, а в 1974 г. был избран академиком Академии наук Узбекской ССР.

В 1974 г. возглавил Институт языка и литературы им. А.С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, в 1974–1979 гг. работал вице-президентом Академии наук Узбекской ССР, в 1979–1985 гг. являлся членом Президиума и академик-секретарем Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР. С марта 1985 г. и до конца своей жизни работал ректором Нукусского государственного университета. 20 июня 1986 г. Марат Коптилеевич погиб в автомобильной катастрофе во время командировки в Турции.

М.К. Нурмухамедов много раз избирался членом Верховного Совета Каракалпакстана и Узбекистана, был награжден орденами и медалями. За монографию «История каракалпакской советской литературы» в составе авторского коллектива получил Республиканскую премию Каракалпакстана им. Бируни. С 1980 по 1986 гг. был заместителем председателя Советского комитета тюркологов, а с 1981 по 1986 гг. членом Всесоюзной ассоциации востоковедов, членом редколлекции всесоюзного журнала «Советская тюркология», а с 1955 г. членом Союза писателей СССР, членом Союза писателей Узбекистана и Каракалпакстана. С 1975 г. являлся Председателем Постоянной комиссии Верховного Совета УзССР по науке и культуре. Автор более 400 научных работ, многие из которых переведены на русский, английский, украинский, французский, казахский, туркменский, венгерский и турецкий языки.

М.К. Нурмухамедов посвятил свою жизнь служению и организации науки, воспитанию нового поколения молодых ученых. Хотя он много времени работал на партийных должностях, но всегда оставался в авангарде науки. Он пришел в Каракалпакскую литературу в начале 1950-х гг., а в середине 1980-х гг. уже стал известным тюркологом. Его научные интересы широки: его работы охватывали общие проблемы теории и истории литературы, вопросы взаимосвязи литературы и культуры народов Востока, развития литературных жанров, художественного метода, писательского мастерства, фольклорно-литературного взаимодействия, культурного наследия, истории религий народов мира, вопросы наций и национальных отношений, тюркологии и этнографии.

В своей докторской диссертации он исследовал влияние русской литературы на становление каракалпакской, а также проследил экономическую, культурную и литературную связь каракалпакского народа с русским, основанную на их ис-

торическом взаимодействии. Эту тему писатель продолжает и расширяет в монографиях «Из истории русско-каракалпакских культурных связей» (Ташкент, 1974), «Судьба народа – судьба литературы» (Нукус, 1981).

М.К. Нурмухамедов исследовал полувековую историю развития каракалпакской литературы и пути ее становления. В его монографиях «Каракалпакская советская проза» (Нукус, 1957), «Проза в прозе» (1964), «Краткий очерк истории каракалпакской советской литературы» (Ташкент, 1959), «Каракалпакская проза Великой Отечественной войны» (1961), «Каракалпакская советская проза» (1968), «Довоенная каракалпакская проза» (Нукус, 1959), «Каракалпакская советская литература» (Москва, 1970), «Послевоенная каракалпакская проза» (1964), «Развитие жанра поэзии в каракалпакской литературе» (Ташкент, 1976), «Каракалпакская поэзия» (Ташкент 1977), «Бердах – великий поэт каракалпакского народа» (Ташкент, 1977), «Бердах – основоположник каракалпакской литературы» (Москва, 1978), «Аяпберген Мусаев – зачинатель каракалпакской советской литературы» (Ташкент 1981) исследуется практически вся история каракалпакской литературы XIX–XX вв.

М.К. Нурмухамедов – многогранный ученый, большой знаток культуры, этнографии каракалпакского народа, его фольклора и литературы. Кроме того, он исследовал историю каракалпакского народа с древнейших времен. Результатом этих исследований стала монография «Каракалпаки» (в соавторстве с С. Камаловым, Т.А. Жданко, Ташкент, 1971) и издание «История Каракалпакской АССР» в двух томах (в соавторстве), где он выступил научным руководителем.

Еще одной заслугой профессора можно считать то, что он популяризировал русских писателей и писателей других союзных республик среди каракалпакской аудитории: им написаны статьи о произведениях А.С. Пушкина, Л. Толстого, М. Шолохова, Айбека и Ч. Айтматова. В его монографиях «Сказки А.С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии (сюжетные аналогии, перекличка образов)» (Ташкент, 1983), «Пушкин, Оренбург и Оренбуржцы» (Ташкент, 1984), «Средняя Азия в творчестве А.С. Пушкина» (Ташкент, 1988) исследовано влияние фольклора народов Средней Азии на творчество гениального русского поэта А.С. Пушкина.

Впервые проф. М.К. Нурмухамедов представил новую научную концепцию о национальной специфике письменной литературы каракалпаков, исследовал и описал особенности творчества полукучевых и полуоседлых народов. Научные положения, выраженные в ряде его работ, были обобщены в русскоязычном издании «Советская культура Каракалпакии» (Москва, 1971). Его работы были переведены на английский и французский языки.

Он активно участвовал в ряде международных конгрессов и конференций (в Берлине, Бомбее, Болонье, Багдаде, Стамбуле), представляя в научных докладах свой народ и рассказывая о его национальном наследии. М.К. Нурмухамедов был первым каракалпакским ученым, столь масштабно вышедшим на международный уровень.

Марат Коптилеевич воспитал учеников и последователей, специалистов в области каракалпакского литературоведения: К. Мамбетов, К. Камалов, К. Байниязов, А. Нарымбетов, С. Кожикбаев и др.

М.К. Нурмухамедов был талантливым тюркологом, известным ученым, который внес большой вклад в развитие каракалпакской науки. Патриот, настоящий фанат науки, который бесконечно любил свой народ. Он слишком рано ушел от нас, но его работы остались золотым фондом каракалпакской науки. Люди не забывают его, навсегда считая одним из замечательных сынов, ставших национальной гордостью нашего народа.

Сарыгуль Бахадырова

доктор филологических наук, профессор,

Каракалпакское отделение

Академии наук Республики Узбекистан

A Worthy Son of the Karakalpak Folk

Sarygul Bakhadyrova

PhD, Professor,

The Karakalpak Branch of Academy of Sciences of Uzbekistan Republic.

**О ТУРКМЕНСКОМ АКАДЕМИКЕ,
СЧИТАЮЩЕМ СЕБЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕМ УЧЕНИЙ
РОССИЙСКИХ АКАДЕМИКОВ В.В. БАРТОЛЬДА И Н.Я. МАРРА
(В СВЯЗИ С 70-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ МУРАДГЕЛДИ СОЕГОВА)**

Его путь в науке с самого начала в той или иной степени был связан с деятельностью ряда членов Академии наук Туркменистана: в госуниверситете слушал лекции по туркменской фольклористике и сдавал экзамены акад. Б.А. Каррыеву, писал дипломную работу в области истории языка под руководством чл.-корр. М.Н. Хыдырова, в заочной аспирантуре его кандидатской диссертацией по тюркской компаративистике руководил чл.-корр. (в последующем академик) Б.Ч. Чарыяров, а кандидатские экзамены у него приняли акад. Г.О. Чарыев (философия) и чл.-корр. З.Б. Мухамедова (туркменская лингвистика).

Успешно защитив кандидатскую (1978 г.), а затем и докторскую (1991 г.) диссертации, будучи избранным сначала членом-корреспондентом (1993 г.) и затем академиком (1995 г.) Академии наук Туркменистана (в 1994 г. был удостоен ученого звания профессора), Мурадгелди Соегов на протяжении долгих лет формировался как крупный ученый-филолог с широким научным кругозором, охватывающим многие ранее неисследованные междисциплинарные направления гуманитарных наук.

В 1989 г. был принят в члены тогдашнего Союза писателей СССР как поэт, создающий произведения для детской аудитории. Его первое стихотворение «Мекдеп» («Школа») появилось на страницах ашхабадского журнала «Пионер»

еще в 1966 г., когда он учился в 9 классе средней школы. В последующем активно выступал со своими статьями и стихами на страницах периодики. Является автором следующих самостоятельных стихотворных сборников, выпущенных в издательстве «Магарыф»: «Запах дождя» (1981 г.), «День смеха» (1984 г.), «На кого я похож?» (1988 г.) и «Водяная Луна» (1991 г.).

Обучаясь еще на третьем курсе факультета туркменской филологии, в 1970/71 учебном году по совету своего преподавателя-лексикографа, доцента Я.Ч. Чунгаева приступил к изучению ностратической теории о доисторическом родстве языков, которая была обоснована В.М. Илличем-Свитычем (1934–1966), и оформил собранные материалы в качестве курсовой работы по языкознанию. Подытоживая свои взгляды на ностратику, Мурадгелди Соегов уже теперь заявляет, что до появления известных этимологических словарей В.М. Иллича-Свитыча в начале семидесятых годов XX в. пресловутый «четырёхэлементный анализ» академика Н.Я. Марра в течение многих десятилетий «висел в воздухе», и именно В.М. Иллич-Свитыч со своей ностратической теорией поставил его на научные рельсы, хотя об этом специально не писал. Туркменский академик в 2014 г. отметил 80-летний юбилей оригинального российского лингвиста В.М. Иллича-Свитыча на страницах журнала «Türk Dili Dergisi» (Ankara, 2014, №15) статьей о нем, выполненной на турецком языке. Одна из его работ, опубликованных в 2019 г. на страницах электронного журнала «Язык: история и современность» (г. Нальчик), называется «Несколько пометок тюрколога на полях страниц “Яфетической теории” академика Н.Я. Марра» и имеет подзаголовок «Информация к размышлению» [Язык: история и современность, №2: 100–109].

Студент выпускного курса Туркменского госуниверситета Мурадгелди Соегов в начале 1972 г. выбирает в качестве своей дипломной работы тему «Отношение языка поэмы “Кутадгу билиг” (XI в.) к современному туркменскому языку» (научный руководитель – проф. М.Н. Хыдыров), которую защитил на «отлично» на заседании ГЭК, проходившем в конце мая 1973 г. под председательством С.К. Куренова (в будущем чл.-корр. АН Туркменистана). Начиная со своей дипломной работы и на протяжении многих лет он в своих исследованиях систематически пользуется результатами разработок В.В. Бартольда – знаменитого российского историка-востоковеда. Недавно была опубликована статья «Две песни из туркменсахринской рукописи “Книги моего деда Коркута” (к 150-летию со дня рождения академика В.В. Бартольда)», которая была обнародована в 2019 г. (№39–40) на страницах электронного журнала «Язык и культура» (Словацкая Республика). В таком же ключе был сделан его доклад «Абу Наср аль-Фараби был уроженцем какого Фараба: сырдарьинского или амударьинского?», включенный в сборник, который вышел в 2019 г. в г. Донецке.

Академик Мурадгелди Соегов – автор около 1000 опубликованных научных трудов и художественных произведений, включенных в журналы и сборники, которые выпускались в 50 городах разных стран мира. Из этих работ более 35 являются монографиями, учебниками и учебными пособиями и словарями, а также сборниками его стихов.

Наряду с ашхабадскими издательствами «Ылым» и «Магарыф», московским издательством «Русский язык» и турецким издательством «Kurgan Edebiyat», где печатались его книги, еще 10 книг туркменского ученого-гуманитария в течение

2013–2018 гг. нашли своих русскоязычных читателей усилиями Международного издательского дома Palmarium Academic Publishing в г. Саарбрюккене (ФРГ).

Не вдаваясь в подробности раскрытия научной новизны, содержащейся в монографиях и других разработках Мурадгелди Соегова, ограничимся перечислением сфер его научных интересов, обозначенных в статье Дж. Амансейидова в журнале «Язык и культура» (№№ 29–30 за 2017 г.):

1. Вопросы определения первичной родины народов, языки которых относятся к «алтайской» языковой семье. Это – современная Туранская низменность;

2. Доказательство генеалогической общности корейского и древнего японского языков, а также некоторых языков индейцев Америки с другими языками туранской («алтайской») семьи путем сравнительного изучения эпического фольклора на этих языках с туркменским устным фольклором, в частности, их народных сказок;

3. Тенгрианство (солнцопоклонничество) как первичное вероучение народов Евразии, на основе которого в последующем сформировался зороастризм (огнепоклонничество);

4. Установление происхождения древних тюркских сказочных персонажей (дэв, пери, ювдарха-аждарха и др.) путем сравнения их с фактами археологии и других наук;

5. Новый подход к этимологии киммерийских, скифских и аланских царских антропонимов, а также туранских топонимов (Аттила, Джейхун и др.);

6. Выявление ценных свидетельств из разных списков «Огуз-наме» как об азиатских хуннах (хунну), так и европейских гуннах (Модэ-Огуз, Аттила и др.), а также об истории древнетюркского каганата (Тоньюкук, Коркут и др.);

7. Описание маршрута Египет-Китай (и обратно) Великого Шелкового пути, изложенный в туркменских дестанах (народных романах);

8. Западные маршруты Великого Шелкового пути в отношении к современной территории Туркменистана; художественное осмысление истории Римской (Рум) империи в туркменской классической литературе;

9. Отражение иудейско-христианско-мусульманских сюжетов (об Иосифе прекрасном и др.) в сутрах буддизма; остатки буддизма (порхан, багшы) в туркменской мусульманской социальной среде;

10. Внесение на рассмотрение новой, пятой по счету классификации языков мира, основанной на общности их интонационно-мелодичных особенностей [Амансейидов 2017: 182–183].

В будущем эти положения обязательно найдут свое продолжение, ибо, как отмечает автор статьи, приведенные им пункты «относятся в основном к историческим разработкам ученого и не охватывают его многочисленные работы, выполненные на современном материале» [Амансейидов 2017: 183].

М. Соегов занимался большой научно-организационной и педагогической деятельностью, работая директором академического языковедческого института, первым заместителем министра образования Туркменистана, заведующим кафедрой в Международном туркменско-турецком университете и занимая другие ответственные должности. Он много трудился в период перевода туркменской письменности с кириллицы на новый латинизированный алфавит. Имеет правительственные награды. Туркменский ученый, оформляющий результаты своих

исследований в виде статей и монографий не только на родном туркменском, но и на русском и турецком языках, снискал себе уважение и признание в научных кругах ряда стран. Об этом свидетельствует, в частности, то, что он состоит членом редколлегии и редсоветов или является одним из иностранных консультантов следующих научных журналов: 1. «Türkolojiya» (с 1996 г.; г. Баку, Азербайджан); 2. «Гуманитарные исследования» (г. Астрахань, Российская Федерация); 3. «Проблемы востоковедения» (г. Уфа, Республика Башкортостан / РФ); 4. «Akademik Bakış» (г. Джалалабад, Кыргызстан); 5. «Вестник Тюркского мира» (г. Махачкала, Республика Дагестан / РФ); 6. «Bilig» (г. Стамбул, Турция); 7. «Avrasya Bilimler Akademisi Sosyal Bilimler Dergisi» (Klosterneuburg, Austria); 8. «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока» (г. Ереван, Армения); 9. «Научное обозрение Саяно-Алтая» (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай / РФ); 10. «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten» (г. Анкара, Турция); 11. «Dədə Qorqud» (г. Баку, Азербайджан); 12. «Miras / Heritage / Наследие» (г. Ашхабад, Туркменистан).

14 января 2020 г. Мурадгелди Соегову исполнилось 70 лет. Академик Мурадгелди Соегов свой славный юбилей встретил в добром здравии и бодрости духа с планами на будущие исследования. Желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов на поприще любимой им тюркологической науки.

Основные публикации, посвященные Мурадгелди Соегову (About Muradgeldi Soyegov)

Академик Мурадгелди Соегов (К 60-летию со дня рождения) [Автор вступительной статьи и составитель библиографии Зеки Пекташ]. – Ашхабад, 2009. – 80 с. {Academician Muradgeldi Soyegov (Söyegow) (To the 60th anniversary) [Author of introductory article and the composer of the bibliography Zeki Pektash (Pektaş)]. – Ashgabat, 2009. – 80 p.}

Амансейидов Дж. Новые страницы к биобиблиографии академика Мурадгелди Соегова: 2016 год // Язык и культура. – 2017. – №29–30. – С. 182–193. – Режим доступа: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo29-30_r.html {*J. Amanseyidov (Amanseyidow)*. New pages to the biobibliography of academician Muradgeldi Soyegov: year 2016 // Language and culture. – 2017. – No. 29–30. – PP. 182–193. – Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo29-30_r.html}

Арназаров С. С Ашхабада в Казань, Уфу, Якутск и Горно-Алтайск через Анкару, Софию, Киев и Астану (к материалам для биобиблиографии академика Мурадгелди Соегова, опубликованным в 2010–2015 гг.) // Язык и культура. – 2016. – №25–26. – С. 161–173. – Режим доступа: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo25-26_r.html {*S. Arnazarov (Arnazarow)*. From Ashgabat to Kazan, Ufa, Yakutsk and Gorno-Altai through Ankara, Sofia, Kiev and Astana (to materials for the biobibliography of Academician Muradgeldi Soyegov, published in 2010–2015) // Language and culture. – 2016. – No. 25–26. – PP. 161–173. – Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo25-26_r.html}

Пекташ З. Из опыта обработки материалов к биобиблиографии лингвистов-тюркологов и филологов-культурологов (на примере трудов академика Мурадгелди Соегова). Статья вторая // Язык и культура. – 2014. – №17–18. – Режим доступа: http://www.ff.unipo.sk/jak/1718_2014/pektas1.pdf {*Z. Pektash (Pektaş)*. From experience of processing of materials to the biobibliography of linguists-turkologists and philologists-culturologists (on an example of works of Academician Muradgeldi Soyegov). Article 2 // Language and culture. – 2014. – No. 17–18. – Available at: http://www.ff.unipo.sk/jak/1718_2014/pektas1.pdf}

Соегова А. К 50-летию художественно-творческой и 45-летию научной деятельности академика Мурадгелди Соегова // Язык и культура. – 2019. – №37–38. – С. 62–73. – Режим доступа: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/aktualnyrocnik_r.html {*A. Soyegova (Söyegowa)*. To the 50th anniversary

sary is art-creative and to the 45th anniversary of scientific activity of Academician Muradgeldi Soyegov // Language and culture. – 2019. – No. 37–38. – PP. 62–73. – Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/aktualnyrocnik_r.html}

Туваков М. Востребованность добротных разработок со стороны научной общественности разных стран (о работах академика Мурадгелди Соегова, изданных в 2014 году) // Язык и культура. – 2015. – №21–22. – С. 121–131. – Режим доступа: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo21-22_r.html {*M. Tuvakov (Tuwakow)*. Demand of sound workings out from scientific community of the different countries (about the works of Academician Muradgeldi Soyegov published in 2014) // Language and culture. – 2015. – No. 21–22. – PP. 121–131. – Available at: https://www.ff.unipo.sk/jak/rus/cislo21-22_r.html}

Sağlam S. Muratgeldi Söyegov // Türkiye Dışındaki Türk Dünyası Türkologları. Cilt 1. Dilciler. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2019. – S. 653–665. {*S. Sağlam*. Muratgeldi Söyegov // Turkologists of the Turkic World beyond Turkey. Volume 1. Linguists. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2019. – PP. 653–665.}

Ахмет Маммедов

*доктор филологических наук,
научный сотрудник Института языка, литературы
и национальных рукописей имени Махтумкули
Академии наук Туркменистана*

Какаджан Джанбеков

*кандидат исторических наук
научный сотрудник Института языка, литературы
и национальных рукописей имени Махтумкули
Академии наук Туркменистана*

**A TURKMEN ACADEMICIAN THAT CLAIMS HIMSELF
TO BE THE V.V. BARTHOLD'S AND N.YA. MARR'S ADHERENT
(TO THE 70TH ANNIVERSARY OF MURADGELDI SOYEGOV)**

A. Mammedov, K. Janbekov

*Magtymguly Institute of Language, Literature and National Manuscripts
of the Academy of Sciences of Turkmenistan*

Некрологи

КЕНЕСБАЙ МУСАЕВИЧ МУСАЕВ

26 мая 2020 г. на 90-м году жизни ушел из жизни выдающийся тюрколог, специалист по тюркской лексикологии, истории и структуре кыпчакских языков, истории письменностей на языках народов России и СССР, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Национальной Академии наук Республики Казахстан, почетный член Турецкого лингвистического общества, отличник народного образования Кыргызстана, почетный председатель Казахской региональной национально-культурной автономии Москвы, почетный председатель Московского общества «Қазақ тілі» Кенесбай Мусаевич Мусаев.

Кенесбай Мусаевич Мусаев родился в ауле Кумисти (ныне – Сузакского района Туркестанской области) в казахской семье колхозника Мусы Шойтанова, происходящего из племени Среднего жуза Конрат. Мать – Биедилова Ашень из рода Конуршунак. В 1944 г. окончил шесть классов семилетней школы аула Кумисти. В 1947 г. с отличием окончил Туркестанское педагогическое училище. В том же году был направлен Южно-Казахстанским областным отделом народ-

ного образования в Москву на механико-математический факультет Московского государственного университета, но принят не был, так как не достиг к тому времени 17-летнего возраста. Тогда К.М. Мусаев вернулся в Казахстан и поступил в Казахский государственный университет (ныне Казахский национальный университет имени аль-Фараби) на отделение казахского языка и литературы филологического факультета, который окончил в 1952 г.

После окончания университета поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР. Его научным руководителем стал Э.В. Севортян. В декабре 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию «О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке». В декабре 1968 г. К.М. Мусаев защитил диссертацию «Строй караимского языка» на соискание ученой степени доктора филологических наук.

С 1956 по 1989 гг. – аспирант, младший, старший, ведущий научный сотрудник, а с 1989 г. – главный научный сотрудник Института языкознания РАН.

В 1956–1992 гг. преподавал казахский, киргизский, туркменский, каракалпакский, татарский, алтайский, хакасский языки в Литературном институте им. А.М. Горького. Он выпустил три казахские, две киргизские группы, каждая группа учила язык в течение пяти лет. Под его непосредственным руководством подготовлены 12 докторов и 27 кандидатов наук России, Монголии, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Украины, Башкортостана, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Хакассии. Среди его выпускников такие известные люди, как О. Сулейменов, Б. Кайырбеков, Ж. Дарибаева, М. Мураталиев, А.М. Меметов, Р.А. Тадинова и др.

В 1997 г. стал первым преподавателем казахского языка на кафедре тюркской филологии (в качестве второго тюркского языка) в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

К.М. Мусаев внес значительный вклад в филологическую науку трудами в области общих проблем тюркологии и языкознания, в разработку проблем сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Был членом редколлегии «Караимской народной энциклопедии», им написана первая академическая «Грамматика караимского языка», первые обобщающие труды по вопросам алфавитов и орфографии языков народов СНГ. Под руководством профессора К.М. Мусаева написаны первые капитальные обобщающие труды о развитии терминологии на языках народов СНГ, автономных республик СССР. Им опубликовано свыше 300 научных трудов, в том числе 17 монографий по различным вопросам тюркологии, социолингвистики, истории письменностей, терминологии, фольклористики, по проблемам перевода, по проблемам языкового строительства в СНГ, о развитии литературных тюркских языков, в которых выдвинуты новые идеи и теоретические положения по социолингвистическим проблемам развития языков, алтаистике, контактологии, синтаксису, фразеологии, диалектологии, истории языков и др. Он стал организатором перевода Библии на языки республик СССР и России. Имел большой опыт в преподавании казахского языка русскоязычным, англоязычным, казахоязычным учащимся.

Переводчик Библии, книги Ron Hubbard «Dianetics» с английского на казахский язык. (Хаббард Р. Дианетика. М., 1999). В начале 1990-х гг. был инициатором проекта по переводу Нового Завета на многие языки, в том числе на ногай-

ский язык в Институте перевода Библии. Благодаря работе над переводом Нового Завета был разработан словарь религиозной терминологии, нашедший свое отражение и в новом «Ногайско-русском словаре», подготовленном Карачаево-Черкесским институтом гуманитарных исследований с участием К.М. Мусаева. В 2004 г. совместно с А. Меметовым создал учебное пособие по крымскотатарскому языку.

Участник многих международных конференций. Читал лекции в университетах практически всех республик СССР (Москва, Санкт-Петербург, Баку, Алматы, Ташкент, Бишкек, Ашхабад, Душанбе, Киев, Симферополь, Минск, Кишинев, Вильнюс), Российской Федерации (Казань, Уфа, Абакан, Горно-Алтайск, Якутия, Нальчик, Махачкала и др.), а также за рубежом (Германия, Венгрия, Индия, Финляндия, Турция, Испания, США, Норвегия, Монголия, Чехия).

К.М. Мусаев являлся заместителем председателя Российского комитета тюркологов, заместителем главного редактора журнала «Российская тюркология», членом бюро научного совета по сохранению и развитию культур малых народов, основателем и первым председателем региональной общественной организации содействия сохранению казахской культуры «Қазақ тілі» («Казахский язык»), организатор и первый президент Региональной Казахской национально-культурной автономии г. Москвы. Почетный член Türk Dil Kurumu (Турция, 1988), лауреат премии Абду-Азиз аль-Бабтина (Кувейт, 1998), «Отличник народного образования Кыргызстана» (1991), Почетный профессор Международного университета им. Кожахмета Ясауи (2002). Награжден орденом «Парасат» (Казахстан), 5 медалями СССР, России и Казахстана.

Он был требовательным и внимательным научным руководителем, великолепным педагогом, все его ученики сохранят о нем навсегда добрую память. Кенесбай Мусаевич был позитивно настроенным, активным, добрым и отзывчивым человеком. До самой своей кончины сохранял ясный ум, фирменную энергию, остроумие и поразительно живую, образную речь.

Светлая память, Кенесбай Мусаевич! Аллах рахмет эйлесин! Жатқан жері жаннат болсын!

Айдер Меметов

*доктор филологических наук, профессор,
декан факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*

Роза Тадинова

*доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков
Института языкознания РАН*

Лемара Селендили

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры крымскотатарской филологии
факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН, Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают глубокие соболезнования родным, близким и коллегам в связи с кончиной прекрасного ученого и дорогого для всех нас человека Кенесбая Мусаевича Мусаева. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

**ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ ТАЙБАНОВНЫ ТЫБЫКОВОЙ
(26.07.1935–27.06.2020)**

27 июня этого года не стало Александры Тайбановны Тыбыковой – известного исследователя алтайского языка, тюрколога, доктора филологических наук, профессора кафедры алтайского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета, Заслуженного деятеля науки Республики Алтай, Почетного работника высшей школы РФ, члена Российского комитета тюркологов.

Александра Тайбановна – знаковая фигура в алтайском языкознании. Она внесла огромный вклад практически во все основные направления научного изучения современного алтайского языка, в систему его школьного и вузовского преподавания. Постановка и разработка многих важных вопросов, проблем и направлений в алтайском языкознании связаны с именем профессора А.Т. Тыбыковой.

Александра Тайбановна родилась 26.07.1935 г. в с. Шашикман Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области. Отец был репрессирован, мама в трудные военные и послевоенные годы одна воспитала и выучила дочь. После окончания филологического факультета Горно-Алтайского пединститута работала преподавателем алтайского языка и литературы, русского языка и литературы в Яконурской школе. В 1961–1964 гг. училась в аспирантуре Института языкознания АН СССР.

А.Т. Тыбыкова – ученица выдающегося российского тюрколога Николая Александровича Баскакова. Под его руководством она защитила кандидатскую диссертацию «Сложные и составные глаголы в алтайском языке» (1967), в которой рассматриваются особенности образования сложных и составных глаголов, их структурные и семантические типы. Для алтайского языка она выделяет больше двадцати вспомогательных глаголов разной степени грамматикализации.

Вернувшись на родину, с 1964 по 2004 гг. Александра Тайбановна работает в Горно-Алтайском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ныне Институт алтаистики им. С.С. Суразакова). С 1969 по 1987 гг. заведовала сектором языка в этом институте.

Все работы А.Т. Тыбыковой, начиная с ее кандидатской диссертации, были посвящены сложным и неисследованным вопросам алтайского языка. В своих трудах исследователь большое внимание уделяет проблеме сказуемого в алтайском языке, и это не случайно, поскольку сказуемое является конструктивной, грамматической и семантической вершиной предложения. Основные структурно-семантические типы алтайского сказуемого представлены в ее работе «Глагольное сказуемое в алтайском языке» (1989). В алтайском языке для выражения разнообразных типов сказуемых используется богатая система аналитических форм и конструкций, которые впервые получили структурное и семантическое описание в ее статьях и в названной монографии. Модальные формы сказуемого в алтайском языке впервые были исследованы в совместных с М.И. Черемисиной статьях: «О модальных формах сказуемых алтайского языка» (1988), «К описанию модальных слов предикатов в алтайском языке» (1991).

Особое место в алтайском языкознании и в тюркологии в целом занимают научные труды А.Т. Тыбыковой в области изучения простого и осложненного предложения в алтайском языке. Работы в этом направлении велись в тесном сотрудничестве с научным консультантом ее докторской диссертации, основателем новосибирской синтаксической школы М.И. Черемисиной. Работа Александры Тайбановны «Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение» (1991), которая была сделана на базе ее докторской диссертации, является первой в сибирской тюркологии монографической работой по простому предложению, сделанной в русле моделирования. В основе ее работы лежит концепция синтаксической школы М.И. Черемисиной, согласно которой предложение – это важнейшая синтаксическая единица языка, а не речи. Как знак языка, предложение обладает единством плана выражения и плана содержания. Способом представления элементарного простого предложения как абстрактной единицы служит его модель – обобщенный образец, по которому может быть построено бесконечное множество конкретных фраз.

Одной из наиболее сложных проблем синтаксиса тюркских языков – осложненному предложению – посвящена коллективная монография «Осложненное предложение в алтайском языке» (2009), где соавторами являются М.И. Черемисина и дочь Александры Тайбановны Л.Н. Тыбыкова. Работа вносит свой вклад в теорию осложненного предложения в тюркских языках. В ней впервые определен статус осложненных предложений алтайского языка, и описаны все типы предложений, которые представляются исследователями как осложненные. По мнению авторов, осложненное предложение занимает промежуточное место ме-

жду простым, содержащим один предикативный узел, и сложным предложением. В составе таких предложений присутствует осложняющий компонент, который является результатом редукции предикативного звена сложного предложения. Труды А.Т. Тыбыковой в области синтаксиса простого предложения, глагольной аналитики послужили основой для дальнейших исследований не только на материале алтайского, но и других тюркских языков сибирского региона.

Большое значение для развития алтайского языкознания имеют ее работы в области лексикологии и лексикографии. Она является соавтором «Лингвистического словаря тюркских языков» (1995), изданного в Турции, «Тематического словаря северных диалектов алтайского языка» (2004), опубликованного совместно с Н.А. Дьайым, Л.Н. Тыбыковой, Н.Н. Тыдыковой на основе экспедиционных материалов. В «Морфемном словаре алтайского языка (с переводом на русский и английский языки)» (2005) в соавторстве с американскими лингвистами Дж.Б. Вуд, Г. Вуд и преподавателями кафедры алтайского языка и литературы К.К. Пиантиновой и Л.Н. Тыбыковой впервые систематизированы алтайские словообразовательные и формообразовательные морфемы, представлены словообразовательные модели новых лексических единиц.

Александра Тайбановна активно выступала на страницах республиканских СМИ, встречалась с общественными деятелями, преподавателями родного языка по актуальным вопросам развития и функционирования алтайского языка. Проблемы, связанные со статусом алтайского литературного языка, с использованием его в разных сферах общения, с качеством его преподавания в школах и вузах, рассматривались в ее научных статьях: «Современное состояние и пути дальнейшего развития алтайского литературного языка» (1984), «Проблемы алтайского языка» (1994), «Языковая ситуация в Республике Алтай (по материалам алтайского языка)» (1996) и др. Она не обошла своим вниманием вопросы официальной кодификации принципов орфографии и пунктуации. Ее работа «Орфография и пунктуация алтайского языка» (1981), выполненная совместно с В.Н. Тадыкиным, до сих пор является настольной книгой для учителей, журналистов, студентов и школьников.

Александра Тайбановна внесла огромный вклад в развитие гуманитарного образования в республике. В 1990–1993 гг. заведовала кафедрой алтайского и русского языков и литературы Горно-Алтайского института учителя, с 1997 г. была членом Экспертного совета по учебникам и программам при Министерстве образования, науки и молодежной политики РА. Ею написаны все основные программы, учебники и учебные пособия по алтайскому языку для национальных школ, педагогического колледжа и университета. При преобразовании местного педагогического института в Горно-Алтайский государственный университет для усиления профессорско-преподавательского состава в 1993 г. А.Т. Тыбыкова была приглашена на кафедру алтайского языка и литературы, где благодаря ей была открыта аспирантура по специальности «Языки народов РФ». Под ее научным руководством успешно защитили кандидатские диссертации Т.Е. Орсулова, А.Н. Майзина, Н.В. Ерленбаева, К.Б. Самтакова.

Исследовательская и педагогическая деятельность А.Т. Тыбыковой неразрывно связана с научно-организационной работой. Будучи одной из ведущих специалистов по сибирской тюркологии, с 1995 по 2000 гг. была членом диссер-

тационного совета Института гуманитарных исследований Республики Саха по защите кандидатских и докторских диссертаций, с 1993 г. – членом диссертационного совета Института филологии СО РАН по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», с 2008 г. – членом объединенного диссертационного совета при Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова. Она много раз была официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертационных исследований по тюркским языкам. Ни одна диссертация по алтайскому языку не была защищена без ее рецензии.

А.Т. Тыбыкова была членом комитета российских тюркологов, членом редколлегии международного научного журнала «Тюркология» (Казахстан), всероссийского научного журнала «Филология и человек» (г. Барнаул), реферируемого ВАК РФ.

А.Т. Тыбыкова награждена Почетной грамотой Министерства образования РСФСР (1975), указом Президиума Верховного совета СССР награждена медалью «За трудовое отличие» (1981), медалью «Ветеран труда» (1985), имеет почетные грамоты Правительства Республики Алтай и Государственного Собрания-Эл Курултай РА. За заслуги в области образования в 2005 г. ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Многолетняя плодотворная научная и педагогическая деятельность ученого получила большую признательность не только научного мира, но и всего алтайского народа. За выдающиеся заслуги в деле изучения алтайского языка профессору А.Т. Тыбыковой в 2005 г. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Алтай».

Вся свою жизнь Александра Тайбановна Тыбыкова посвятила сохранению и развитию родного алтайского языка, его научному изучению. Она была признанным лидером исследователей алтайского языка, продолжателем лучших традиций отечественной тюркологии, первой алтайской женщиной, ставшей доктором филологических наук.

Озонова Айяна Алексеевна

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН
E-mail: ajanao@mail.ru*

Сарбашева Сурна Борисовна

*кандидат филологических наук, декан факультета алтаистики и тюркологии
Горно-Алтайского государственного университета
E-mail: surnasarbasheva@mail.ru*

Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН, Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН и редакция журнала «Российская тюркология» выражают глубокие соболезнования коллективу Института алтаистики им. С.С. Суразакова, всем родным и близким Александры Тайбановны в связи с ее кончиной. Светлая ей память!

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>М.А. Ахматова.</i> Этнокультурная специфика концептуализации природных явлений в карачаево-балкарской языковой картине мира (на примере концептов «ветер» и «дождь»).....	5
<i>А. Нурмухаммедов.</i> О физических компонентах словесного ударения в туркменском языке.....	22
<i>Л.Х. Самситова, И.Ж. Сагынбек.</i> Сложноподчиненные предложения в башкирском и казахском языках.....	36

ОНОМАСТИКА

<i>Х.Х. Давурова.</i> Лексико-семантические особенности ойконимов Джезакской области	47
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Н.М. Киндикова.</i> Рассказ «Зов Родины» алтайского прозаика Д. Каинчина в фольклорно-мифологическом контексте.....	61
<i>М.Х. Надергулов.</i> Русские ученые XIX века о сюжетах «Чингизнаме» в башкирских письменных памятниках и фольклоре	66
<i>Л. С. Селендили.</i> Некоторые особенности перевода художественных текстов с русского на крымскотатарский язык	74

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Хисамитдинова Ф.Г., Хусаинова Г.Р.</i> О проекте «Перевод эпоса и других фольклорных произведений на родственные языки».....	81
---	----

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Долгова А.П., Кузнецов А.В.</i> Развитие чувашского языкознания в начале XXI века: достижения, проблемы и насущные задачи	88
Протокол годичного собрания Российского комитета тюркологов	95

ПЕРСОНАЛИИ

К 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.
Посвящается тюркологам – участникам ВОВ

О научном новаторстве Мирфатыха Закиевича Закиева.....	102
Редкостный дар к тюркским языкам (в память об академике А.Т. Кайдарове)	110
Говорящий истину (Ахняф Нуреевич Киреев (Кирей Мэрген)	118

Боевой легендарный путь и мирная жизнь Вахита Хозятовича Хакова – заслуженного профессора Казанского университета	130
Юбиляры этого года	
Известный тюрколог и талантливый организатор науки (к 70-летию Ф. Г. Хисамитдиновой).....	136
Безграничная любовь к родному языку и культуре башкирского народа (к 70-летию со дня рождения М.Г.Усмановой).....	143
Тура Нафасов – основатель узбекской топонимики (к прошедшему 80-летнему юбилею ученого).....	148
Достойный сын каракалпакского народа (к 90-летию М.К.Нурмухамедова)	155
О туркменском академике, считающем себя последователем учений российских академиков В.В. Бартольда и Н.Я. Марра (в связи с 70-летним юбилеем Мурадгелди Соегова)	159
Некрологи	
Кенесбай Мусаевич Мусаев	164
Александра Тайбановна Тыбыкова.....	168

CONTENTS

LANGUAGE STRUCTURE AND HISTORY

- M.A. Akhmatova.* Ethnocultural specificity of conceptualization of natural phenomena in the Karachay-Balkar language picture of the world (on the example of the concepts «wind» and «rain»)5
- A. Nurmuhammedov.* On physical components of word stress in the Turkmen language.....22
- L.Kh. Samsitova, I.Zh. Sagynbek.* Complex sentences in the Bashkir and Kazakh languages36

ONOMASTICS

- Kh.H. Davurova.* Lexical and semantical peculiarities of oikonyms of the Jizzakh region47

LITERARY CRITICS

- N.M. Kindikova.* “Homeland call” – a story of Altai prosaist D. Kainchin from the standpoint of folklore and myth61
- M.H. Nadergulov.* Russian scientists of the XIXth century about «Genghisname» subjects in Bashkir written monuments and folklore.....66
- L.S. Selendili.* Some peculiarities of translation of fiction texts from Russian into Crimean Tatar (on example of bitext of I.S. Turgenev’s novel «First love»)74

FOLKLORE STUDIES

- F.G. Khisamitdinova, G.R. Khusayinova.* On the project «Translation of epos and other folk creations into closely related languages»81

MESSAGES AND OVERVIEWS

- Долгова А.П., Кузнецов А.В.* The development of the Chuvash linguistics at the beginning of the XXIst century: achievements, problems and pressing tasks88
- Record of the Plenary Annual Meeting of the Committee of Russian Turcologists95

PERSONALIA

- To the 75th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.
To the honor of Turkologists — participants of the Second World War
- On scientific innovations of Mirfatykh Zakiyevich Zakiyev102
- A refined talent for Turkic languages
(In honour of Academician A.T. Kaydarov)110
- The truth-telling Akhnyaf Nureyevich Kireyev (Kirey Mergen)118

The legendary military path and peaceful after-war life of Vakhit Khozyatovich Khakov, the emeritus professor of Kazan university	130
--	-----

Anniversaries of this year

Famous turkologist and able scientific administrator (To the 70 th anniversary of F. G. Khisamitdinova)	136
Overwhelming love for the mother tongue and culture of the Bashkir people (To the 70 th anniversary of M.G. Usmanova).....	143
Tura Nafasov – the founder of Uzbek scientific toponymy (Dedicated to the 80 th anniversary of the scientist)	148
A worthy son of the Karakalpak Folk (To the 70 th anniversary of M.K. Nurmukhamedov)	155
A Turkmen academician that claims himself to be the V.V. Barthold's and N.YA. Marr's adherent (To the 70 th anniversary of Muradgeldi Soyegov).....	159

Obituaries

Kenesbay Musayev	164
Aleksandra Tybykova.....	168

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ Сообщения и обзоры
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал издается в двух версиях – бумажной и электронной. 120 печатных экземпляров предназначены для предоставления обязательных экземпляров в Книжную палату, библиотекам ряда родственных институтов и журналов, а также для бесплатной раздачи по одному экземпляру членам Российского комитета тюркологов, авторам напечатанных в данном номере материалов и членам редколлегии. Журнал индексируется в РИНЦ и на-

ходится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а фонт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

Отпечатано в ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Рождественка, д. 12/1, стр. 1, офис 8, 9, 10, 11
тел.: (495) 7263169; (495) 9682416; (495) 6234554; (495) 6253813
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать 30.07.2020. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.
Усл.печ.л.13,5.
Тираж 120 экз. Заказ № 1026